

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Маджмае Хелан Карим Мохаммед

**ЛЕКСИКА АРАБСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор **О.В. Загоровская**

Воронеж – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
1.1. Особенности новейшего этапа развития русского языка	13
1.2. Современный русский общественно-политический дискурс и его характеристики	22
.....	
1.3. Понятие заимствованной лексики. Типы заимствований	28
1.4. Арабская лексика в русском языке. Основные этапы вхождения арабизмов в русский язык	38
Выводы	47
Глава 2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ АРАБСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕННОЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	
2.1. Вопросы этимологии арабизмов в аспекте решения проблемы их классификации	50
2.2. Тематическая классификация лексики арабского происхождения, функционирующей в современном русском общественно-политическом дискурсе	61
.....	
2.3. Лексика арабского происхождения с точки зрения типологических особенностей	
2.3.1. Типы исследуемых единиц с точки зрения характера источника заимствования	74
.....	
2.3.2. Типы исследуемых единиц с точки зрения формальной близости к арабскому этимону	88
.....	
2.3.3. Типы исследуемых единиц с точки зрения структурных и морфологических характеристик	91
2.4. Хронологические разряды исследуемых арабизмов	101
Выводы	109
Глава 3. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСИКИ	

АРАБСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

3.1. Национально-культурная специфика русского общественно-политического	дискурса	115
.....		
3.2. Актуализация лексики арабского происхождения в рассматриваемом дискурсе		120
3.3. Реализация синтагматического потенциала арабизмов и образование на их основе устойчивых сочетаний в современном русском общественно-политическом	дискурсе	138
.....		
3.4. Функции лексики арабского происхождения в современном русском общественно-политическом дискурсе		158
Выводы		176
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		180
ЛИТЕРАТУРА		185
ПРИЛОЖЕНИЕ		208

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XX-XXI веков русский язык переживает особенный период своего развития, именуемый в научной литературе «новейшим». В названный исторический период существенные изменения происходят как в системе русского языка, так и в русском дискурсе.

«Системные» языковые изменения ярче всего проявляются на уровне лексики: словарный состав русского языка активно пополняется новыми языковыми знаками; весьма частотными являются процессы перераспределения словесных единиц между различными лексическими подсистемами (между лексикой активного и пассивного запасов, лексикой ограниченного употребления и общеупотребительной и др.); меняется семантика многих слов (подробнее об этом см.: [Загоровская 2013: 23, 40]). «Дискурсивные» изменения особенно наглядно проявляются в расширении модусов существования современного русского языка, его функциональных и жанровых разновидностей, а также в особенностях функционирования многих разрядов русской лексики в том или ином виде русского дискурса.

Указанные процессы развития русского языка полностью распространяются на ту часть русской лексики, которая этимологически восходит к арабскому языку и используется в текстах общественно-политической тематики, представленных в современных российских массмедиа. Политическая ситуация в мире и в России конца XX– начала XXI вв. является экстралингвистическим фактором, обуславливающим появление в современном русском общественно-политическом дискурсе различных видов инноваций, восходящих к арабскому языку (в том числе лексических, грамматических, семантических неологизмов), а также повышение частотности употребления арабизмов, бытовавших в русском языке ранее.

Изучение слов русского языка арабского происхождения в русистике имеет определенную традицию. Вопросы этимологии, тематической клас-

сификации, специфики освоения лексики арабского происхождения в русском языке рассматриваются в работах И.Ю. Крачковского, В.М. Борисова, С.А. Аль-Хазраджи, Т.П. Гавриловой, М.Х. Халлави Салима, Л.К. Валиуллиной, Р.М. Светловой, А.Н. Бахтияровой, Ф.Г. Фаткуллиной и др. В последнее время целый ряд диссертационных работ в той или иной степени освещает вопросы особенности функционирования заимствований из арабского языка в современном языковом пространстве [см.: Хуссайн 2001; Аль-Кадими 2010; Александрова 2010; Аль Шаммари 2016; Эль Мсафер 2016; Аль Каззас 2018]. При этом во всех представленных работах анализ лексики, восходящей к арабским этимонам, охватывает все сферы русского языка и не отражает специфики использования арабизмов в конкретном типе того или иного дискурса, в том числе – в общественно-политическом, который в настоящее время является одним из важнейших для русской лингвокультуры. Названный вид дискурса, с одной стороны, отражает тенденции развития русского языка последних десятилетий в целом, а с другой – обладает специфическими национальными чертами. Как отмечают исследователи, для современных публицистических русскоязычных текстов характерен особый языковой динамизм, находящий отражение в том числе в использовании таких лексических и фразеологических единиц, таких синтаксических конструкций и грамматических форм, которые передают живую русскую речь, отличаются эмоциональностью и экспрессивностью, обладают сильной воздействующей функцией; при этом современные русские тексты массовой коммуникации общественно-политического содержания характеризуются специфическим использованием в них разных групп заимствованной лексики, в том числе слов-арабизмов.

Анализ современных научных работ, связанных с изучением слов-арабизмов в русском языке, позволяет говорить о недостаточной разработанности проблемы функционирования лексики арабского происхождения в

современном медиапространстве общественно-политической направленности.

Настоящая диссертационная работа посвящена комплексному целевому исследованию заимствований из арабского языка, функционирующих в современном русском общественно-политическом дискурсе.

Объектом исследования является картотека автора, насчитывающая более 500 арабизмов, используемых в текстах современного русского общественно-политического дискурса. К исследованию привлекались не только собственно арабизмы-заимствования (прямые и опосредованные), но и их дериваты разных ступеней словообразования.

Источниками языкового материала являлись: а) медиатексты, представленные в сообщениях сайтов современных информационных агентств России, в числе которых отмечаются следующие: 1) Федеральное информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС) (<http://tass.ru>); 2) информационное агентство Интерфакс (<https://www.interfax.ru>); 3) Федеральное информационное агентство REGNUM (<https://regnum.ru>); 4) информационное агентство РосБизнесКонсалтинг (ИА РБК) (<https://www.rbc.ru>); 5) информационное агентство РИА Новости (<https://ria.ru/>); б) материалы газетных публикаций (в качестве материалов газетной публицистики использовались в основном общероссийские печатные издания: «Коммерсантъ», «Российская газета», «Известия», «Независимая газета», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Новая газета», «Независимая газета», «Российская газета», «Известия» «Труд», «Московский комсомолец» и др. При этом анализировались тексты 2000 – 2019 гг.

К исследованию привлекались также данные современных словарей русского языка:

а) словари иностранных слов (Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов /Л.П.Крысин. – М.:Эксмо, 2007; Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов : [более 4500 слов и выражений] / Н. Г. Комлев. – М.: Эксмо,

2006; Булыко, А.Н. Большой словарь иностранных слов : 35 тысяч слов / А. Н. Булыко. – М.: Мартин, 2006; Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. – М.: АСТ: Астрель, 2011 и др.);

б) этимологические и историко-этимологические словари (Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных- 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. Яз.- Медиа, 2007; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. / М. Фасмер; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986; Г. А. Крылов Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005 и др.);

в) толковые словари русского языка советского времени (XX в. –до середины 80-х годов XXI в.) (Словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. – Т. 1-4; Толковый словарь русского языка /под ред. Д.Н.Ушакова. – М.:ОГИЗ, 1935-1940. – Т.1-4);

г) толковые словари современного русского языка новейшего периода (рубеж XX-XXI вв.) (Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2008; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. ООО «А ТЕМП», 2010; Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складчиков.- М.: Эксмо, 2008).

В качестве дополнительных лексикографических изданий были использованы:

1. Баранов Х.К. Большой арабско-русский словарь/ Х.К.Баранов. – М.: Живой язык, 2006.
2. Борисов В.М. Русско-арабский словарь / В.М.Борисов. – М.: Издатель Валерий Костин, 2004.

3. الخليل بن احمد الفراهيدي، كتاب العين، ترتيب وتحقيق د. عبد الحميد هنداوي ، استاذ (2003م)مساعد في جامعة القاهرة ، بيروت ، لبنان ، دار الكتب العلمية

Предмет исследования составляют особенности словесных единиц арабского происхождения, представленных в современном русском общественно-политическом дискурсе, рассматриваемых с точки зрения типологических характеристик и специфики функционирования в текстах современного русскоязычного медиапространства.

Актуальность исследования определяется интенсификацией процессов заимствования лексических единиц из арабского языка в русский язык на рубеже XX-XXI веков, отсутствием специальных обобщающих работ, посвященных комплексному анализу арабизмов в широком понимании данного термина с точки зрения их значимых типологических характеристик и специфики использования в современной русской речи, а также важностью анализа динамических изменений в русской лингвокультуре не только в аспекте системных свойств языковых знаков, но и в аспекте их функционирования.

Целью диссертационной работы является определение состава, типологических характеристик и особенностей функционирования лексики арабского происхождения, представленной в современном русском общественно-политическом дискурсе.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) определить теоретические основы исследования по вопросам особенностей развития русского языка в новейший период его истории, сущности и типологических характеристик современного общественно-политического дискурса, по проблемам языковых заимствований, заимствования русским языком арабских языковых знаков, истории пополнения русского языка арабизмами и их производными, а также по вопросам использо-

вания лингвистических терминов в каждом из названных проблемных блоков;

2) на основе анализа текстов современного русского общественно-политического дискурса определить корпус арабизмов, активно функционирующих в современном русском медиапространстве;

3) проанализировать представленность выявленных арабизмов в словарях русского языка разных типов (толковых и этимологических);

4) определить типологические особенности арабизмов, используемых в современном русском общественно-политическом дискурсе, по разным основаниям: тематике, источнику происхождения как элементов лексической системы русского языка, степени близости к арабскому этимону, структурным и морфологическим характеристикам, времени вхождения в русскую лингвокультуру, особенностям адаптации и степени освоенности в русском языке;

5) охарактеризовать особенности семантики исследуемых арабизмов, их соотношения с обозначаемыми реалиями и определить этнокультурную специфику анализируемых словесных знаков;

б) определить функции арабизмов в современном русском общественно-политическом дискурсе, и особенности их использования в современных СМИ.

Методы исследования. Для решения поставленных задач в работе применялись методы компонентного, сопоставительного, лексикографического и контекстуального анализа.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней:

– впервые представлен разноаспектный, в том числе функционально-дискурсивный, анализ актуальной в настоящее время лексики арабского происхождения, используемой в текстах современного русского общественно-политического дискурса;

– впервые рассмотрены особенности использования и этнокультурная специфика арабизмов в современном русском общественно-политическом дискурсе;

- впервые описаны языковые процессы, свидетельствующие о повышении коммуникативно-прагматической значимости арабизмов в современном русском общественно-политическом дискурсе.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что оно уточняет научные представления о процессах вхождения лексики арабского происхождения в русский язык на разных этапах его исторического развития, в том числе – на рубеже XX- XXI вв., уточняет типологические характеристики и семантику многих лексических единиц русского языка, восходящих к арабским этимонам, вводит в научный оборот новые сведения об актуальных арабизмах современного русского языка и их функциях в современном русском общественно-политическом дискурсе.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования ее результатов и выводов, а также представленных в ней материалов в вузовских курсах и спецкурсах по лексикологии и лексикографии, в практике преподавания русского языка для иностранных учащихся и лексикографической практике при подготовке учебных словарей различных типов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Лексика арабского происхождения, представленная в современном русском общественно-политическом дискурсе, характеризуется как многочисленностью (более 500 единиц), так и типологическим, тематическим, хронологическим, интродуктивным (способ вхождения), номинационным, денотативным (соотношение с обозначаемой реальностью), лексико-грамматическим, этимологическим и структурным разнообразием.

2. Помимо собственно арабизмов-заимствований (прямых и опосредованные) в современном русском общественно-политическом дискурсе активно используются арабизмы-дериваты, среди которых максимальной яркостью проявления признака арабского происхождения обладают дериваты первой ступени словообразования. Особенно высокую частотность в современном русском общественно-политическом дискурсе имеют арабизмы, обозначающие ономастические, общественно-политические и религиозные реалии, а также арабизмы-этнонимы.
3. На рубеже XX-XXI веков наблюдается не только повышенная активность вхождения арабизмов в русский язык, но и возрастание функциональной значимости лексики арабского происхождения в русском общественно-политическом дискурсе, что особенно ярко репрезентируется тремя основными процессами: 1) актуализацией безэквивалентной, и прежде всего этнорелигиозной, лексики арабского происхождения; 2) расширением синтагматики арабизмов и формированием в современном русском общественно-политическом дискурсе корпуса актуальных устойчивых сочетаний общественно-политической тематики, включающих названные языковые знаки; 3) возрастанием коммуникативно-прагматической нагруженности лексических единиц русского языка, восходящих к арабским этимонам.
4. Коммуникативно-прагматическая значимость лексики арабского происхождения в рассматриваемом дискурсе обусловлена множественностью ее функций, включая не только номинативную, порой дополняемую функцией создания и передачи национального колорита, но также экспрессивной, реализующейся в двух разновидностях: экспрессивно-выразительной и экспрессивно-оценочной. При этом и номинативная, и экспрессивная функции арабизмов, как правило, осложняются функцией аттрактивной (положительного информирова-

ния – формирования положительного отношения к информации) и функцией персуазивной (воздействия на сознание читателя).

Апробация работы. Результаты выполненной работы прошли апробацию в 6 докладах на научных конференциях разных уровней, в том числе на трех международных, и в 7 научных публикациях, три из которых представлены в изданиях, входящих в список ВАК РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка использованной литературы, содержащего 180 позиций, и Приложения.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Особенности новейшего этапа развития русского языка

Русский язык первых десятилетий XXI века является этапом, последовавшим за периодом глубоких трансформаций «посперестроечного» времени. Как известно, конец 80-х гг. прошлого столетия для России знаменует начало периода общественно-политической, социально-экономической нестабильности, повлекшей за собой изменения в разных сферах жизни и отражения действительности. Закономерным образом поистине эпохальные изменения в социуме привели к динамическим языковым преобразованиям, которые так или иначе затронули все подсистемы русского языка. Трансформации в области фонетики, лексики, грамматики русского языка как маркеры ускорения процессов языковой динамики в целом стали объектом исследования многих лингвистов (см. работы Л.П. Крысина, В.Г. Костомарова, Е.А. Земской, Е.В. Какориной, Т.Б. Крючковой, Н.А. Купиной, Г.Н. Складневской, О.И. Воробьевой, О.П. Ермаковой, Е.В. Сенько, С.И. Алаторцевой, О.В. Загорюковой, И.А. Стернина, Г.А. Заварзиной, Л.Ю. Касьяновой, А.П. Чудинова, Т.В. Шмелевой, М.А. Москвиной и др.).

Исследователи справедливо замечают, что наиболее сильное и заметное влияние экстралингвистические факторы оказывают на номинативный фонд языка, на состав лексики и фразеологии. Именно лексико-семантическая подсистема русского языка благодаря своей открытости, восприимчивости, лояльности ко всему новому и актуальному, необычному и интересному является самой подвижной и активно реагирующей на внешние раздражители частью языка в целом. Ср. в связи с этим мнения разных исследователей: «При изучении общества в любой исторической эпохе особенно острым является вопрос, насколько значительны, насколько глубоки перемены в языковой системе, вызванные новыми социальными условиями

бытования языка. Наибольший интерес, с точки зрения влияния социальных факторов на язык, представляет лексика, так как именно в лексике отражаются наиболее важные социальные явления, происходящие в обществе» [Романова 2002: 151]; «...лексический состав языка... являет собой пример сверхсложной, многокомпонентной, динамической, открытой, саморазвивающейся системой, находящейся в сложном взаимодействии с внешней средой – окружающим миром, отражаемом в языке» [Пятаева, 2005, с.116]; «Изменения в политическом устройстве страны и ее выход на международную арену, новая политико-правовая организация общества и экономические преобразования, достижения науки и техники, открытость общества и его интеграция в международный культурный и информационный простор – это те факторы, которые обусловили за последнее время активные инновационные процессы в лексике русского языка» [Гочев 2007: 60]; «Словарный состав, т.е. совокупность слов того или иного языка, является наиболее динамичной и быстро развивающейся его частью. Именно лексика языка особенно чувствительна ко всем изменениям в истории народа – носителя этого языка, и не только к изменениям экономического уклада, но и ко всему тому, что происходит в производстве, культуре, науке, быту и т.п.» [Каримова 2013: 7].

В современной русистике накоплен богатый опыт исследования изменений, затронувших лексическую систему русского языка к новейшего периода (см. работы: [Шмелева 1993; Костомаров 1994; Ферм, 1994; Хан-Пира, 1994; Караулов 1995, 2001; Крысин, 2004, 2006, 2008; Складневская 1998; Стернин 2000, 2004, 2011; Валгина, 2001; Загоровская, 2001, 2003, 2007, 2008, 2010, 2015; 2016; Юдина 2010; Кронгауз 2009; Алефиренко 2014; Шаклеин 2012; Касьянова, 2006, 2009; Маринова 2003; 2008; Лунева 2012; Заварзина 2017; Мельник 2018 и др.]).

Подробный анализ новых процессов в лексико-семантической подсистеме русского языка и характеристика отдельных языковых фактов, свя-

занных с данными процессами, позволил исследователям разграничить явления, затрагивающие словарный состав русского языка в целом (так называемые «количественные» изменения), и явления, связанные с трансформацией сущностных характеристик словесного знака («качественные» изменения) (подробнее см.: [Загоровская 2008: 10; 2013]).

Изменения, которые происходят в лексико-семантической подсистеме русского языка в целом, формально проявляют себя в количественном сдвиге в сторону увеличения или уменьшения объема словесных знаков, в структурной реорганизации лексических единиц, в трансформации парадигматических и синтагматических связей и отношений.

В первую очередь, количественные изменения номинативного фонда русского языка произошли за счет появления в нем значительного числа новых лексических и фразеологических единиц благодаря процессам заимствования и словообразования. Конец прошлого столетия характеризуется массовым притоком в русский литературный язык новых иноязычных слов разной тематической направленности. Особой интенсивностью характеризуется процесс наплыва англицизмов (американизмов). Современные исследователи не только фиксируют данное положение дел как наиболее яркую черту новейшего периода развития русского языка, но и пытаются дать оценку языковым фактам заимствования. С одной стороны, появление многих иноязычных слов играет положительную роль и позволяет новым единицам русского языка номинировать новые реалии, репрезентировать смысловые оттенки некоторых лексем, заменить неоднословные наименования отдельной лексической единицей и т.д. С другой стороны, ученые обращают внимание на недопустимость немотивированного, некорректного использования заимствований, гибридных иноязычных лексем, варваризмов и т.д. (см. работы: [Крысин, 2004, 2006, 2008; Какорина, 1996; Кронгауз, 2009; Кудинова, 2010; Литвинова, 2012, Загоровская, 2012, 2013 и др.]).

Расширение номинативного фонда русского языка осуществляется также благодаря процессам словообразовательной и семантической деривации. Лингвисты обращают внимание на особый динамический характер словообразования в эпоху глобальных трансформаций языковой системы русского языка в конце прошлого столетия. В работах исследователей содержатся ценные наблюдения относительно актуальных в современном языке способов и моделей образования новых слов, возросших возможностей экспрессивного, компрессионного и аналитического словообразования (см.: [Скляревская, 2001; Попова, Рацибурская, Гугунава, 2005; Ермакова, 1996; Сенько, 2000, 2001; Немченко, 2003; Семиниченко, 2003; Шаповалова, 2003; Светличная, 2009; Касьянова, 2009]).

Количественные изменения в лексике русского языка обусловлены также действием процесса перераспределения языковых знаков между различными лексико-семантическими подсистемами. Как отмечают исследователи, итогом данного процесса закономерным образом становится изменение языкового сознания носителей языка: на смену советским идеологемам приходят новые, отражающие ценности современного российского общества (в том числе воспринятые из другой зарубежной реальности) (см. об этом: [Скляревская, 2001; Валгина, 2001; Заварзина, 2001; Стернин, 1997, 2003; Бельчиков, 2003; Ашуркова, 2007; Никифорова, 2008; Черникова, 2008; Касьянова, 2009; Загоровская, 2001а, 2012, 2013 и др.]).

Знаковым процессом, отражающим системные преобразования в лексике русского языка, является процесс изменения синтагматических, парадигматических, деривационных связей лексических единиц. В русском языке новейшего периода в ряде случаев сочетаемость слова изменяется кардинальным образом. За счет снятия идеологических наслоений лексические единицы расширяют и реализуют потенциальные возможности синтагматики с большим кругом слов, чем ранее; новые заимствованные лексемы демонстрируют несуществовавшие синтагматические связи и

по закону аналогии распространяют действие моделей сочетаемости на слова со схожей семантикой (см. подробнее: [Загоровская, 2001, 2003, 2008; Заварзина, 1998, 2000, 2001; Скляревская, 2001; Юдина, 2006]).

В новейший период развития русского языка между отдельными словесными знаками изменяются их парадигматические связи, что находит отражение в процессах появления новых синонимов и антонимов, изменения в составе членов парадигматических группировок; формирования новых словообразовательных гнезд т.д. (см.: [Никифорова 2008; Шумилова 2009]).

Изменения, касающиеся конкретных единиц лексико-семантической подсистемы русского языка, находят отражение в основном в преобразованиях семантической структуры и структуры отдельного значения (семемы) словесного знака. Подобные изменения могут быть названы «слабыми (или относительными)» лексическими инновациями [Загоровская 2013: 67], среди которых могут быть разграничены собственно семантические и функционально-семантические. Функционально семантические инновации в лексике русского языка новейшего периода связаны, по мнению О.В.Загоровской, «с изменениями в содержании функционально-семантического компонента лексической семантики», несущего информацию о речевом употреблении словесного знака и отражающего изменения в характере его функционирования, отнесенности к разряду устаревшей или новой лексики и нек. др. В составе функционально-семантических инноваций разграничиваются актуализированные/деактуализированные языковые явления и внутренние заимствования (вхождения) [Загоровская, 2012; 2013; ср.: Ермакова, Земская, Розина, 2000; Химик, 2000; Бушев, 2004; Вепрева, 2005; Абламская, 2011; Маркова, 2011 и др.].

Собственно семантические инновации определяются или трансформациями в семантической структуре слова в целом, или в содержании денотативного и эмотивного компонентов отдельной семемы. В первом случае новации чаще всего предстают как снятие так называемых «идеологических

наслоений» в семантике языкового знака или «переориентация» номинаций (ср.: [Загоровская, 2001, 2008, 2013; Стернин, 2003; Заварзина, 1998, 2000, 2012; Касьянова, 2009; Китанина, 2012]). Качественно-количественные изменения, произошедшие в лексической системе русского языка, являются яркой чертой современной языковой картины мира носителей русского языка, однако многие перечисленные языковые явления свойственны всем языкам мира.

Этап развития русского языка рубежа XX – XXI веков завершает период «скачкообразных» изменений в лексико-семантической подсистеме русского языка и демонстрирует черты ее стабилизации. По мнению Г.Н. Складневской, «сейчас мы наблюдаем уже не столь бурные и вихреобразные языковые явления, какие происходили в 90-х годах минувшего века, а скорее интенсивное развитие двух разнонаправленных процессов: «онаучивание» языка, проявляющееся в освоении общим языком терминологии, и потоки иностранных заимствований, с одной стороны, и встречное движение жаргонизации языка – с другой» [Складневская 2007: 5].

Следует подчеркнуть, что все начавшиеся в конце XX века процессы в динамическом изменении лексико-семантической подсистемы русского языка продолжают осуществляться и в настоящее время. Однако некоторые из них демонстрируют тенденцию к интенсификации (например, процесс семантической и словообразовательной деривации на базе заимствованных слов), другие – отражают тенденцию обратной направленности (например, деривация слов на базе русских корневых морфем). В связи с этим представляется интересным мнение исследователей относительно иноязычных слов. Если в 90-х гг. прошлого века решающее влияние на языковой вкус носителей русского языка оказывала, по мнению исследователей, «галолирующая американизация» жизни в России, которая достаточно ярко проявлялась в языке (ср. точку зрения В.Г. Костомарова: «Как и в большинстве стран мира, США в сознании россиян, особенно молодежи, все более укорен-

няются в качестве центра, излучающего если не законодательно, то привлекательно технические новшества, образцы общественного порядка и экономического процветания, стандарты жизненного уровня, эстетические представления, эталоны культуры, вкусы, манеры поведения и общения» [Костомаров 1994: 81] или В.В. Колесова: «Усреднение ментальности до безыкрашиным прямым образом связано с нарушением национальной формы сознания путем разрушения системы русских слов. Происходит искривление русского ментального пространства, инициированное непродуманным использованием иностранных слов в значении русских» [Колесов 2004: 204]), то в начале XXI в. языковой вкус эпохи меняется (ср.: «Тенденция к безусловному предпочтению англоязычного слова русскоязычному (при равных прочих лингвистических условиях) претерпевает серьезную ремиссию ... Некоторые из факторов, оказывавших влияние на функционирование русского языка в конце XX в., в начале XXI в. катализируются» [Косырева 2017: 65]).

Процесс противоборства «своего» и «чужого», характерный для русского языка начала XXI века, рассматривается на уровне языковой концептуализации действительности Т.Б. Радбилом. Ср.: «С одной стороны, для многих явлений в лексике, словообразовании, грамматике и прагматике нашего языка характерно отражение именно русских принципов концептуализировать мир в языке. С другой стороны, наблюдаются и прямо противоположные тенденции, когда то ли под влиянием изменившихся социокультурных и коммуникативных условий, то ли под влиянием инокультурных и «иноментальных» жизненных установок, активно проникающих в современное русское концептуальное пространство, многие новые явления начинают отражать и несвойственные русскому «взгляду на мир» когнитивные, ценностные и мотивационно-прагматические ориентиры» [Радбиль 2014: 8]. Проанализировав репрезентативные контексты с точки зрения лексических, грамматических, лингвопрагматических особенностей, исследователь приходит к выводу о том, что, несмотря на то что многие активные процессы в

лексике и грамматике русского языка последних лет в принципе нерелевантны по отношению к отражению «своих» или «чужих» способов языковой концептуализации мира, в то же время можно обнаружить некоторые тенденции в развитии русского языка последних лет.

Т.Б. Радбиль считает, что инновационные явления в русском языке последних лет отражают доминирование типично русского способа смотреть на вещи, хотя в отдельных случаях обнаруживается влияние чуждых «русскому миру» ментальных, социокультурных и поведенческих моделей. Ср.: «... в условиях новых социокультурных реалий и коммуникативных потребностей изменения в сфере лексики представляются наиболее активными. Но в плане языковой концептуализации мира они носят относительно поверхностный характер, тогда как именно изменения в сфере грамматики как глубинного концептуального каркаса мысли о мире, запечатленной в коллективном языковом сознании, представляются наиболее релевантными с этой точки зрения. А в сфере грамматических моделей мы все же наблюдаем доминирование именно традиционно русского способа концептуализировать действительность в слове, хотя некоторые «иноментальные» влияния прослеживаются и в этой области. Таким образом, русский язык и стоящий за ним русский «взгляд на мир» пока еще вовсе не собирается сдавать позиции под напором иноментальных и инокультурных влияний. Более того, наши наблюдения показали, что наиболее фундаментальные способы познания и оценивания мира и наиболее типичные модели поведения даже расширяют свою активную «представленность» в речевой практике этноса последних лет» [Радбиль 2014: 62-63].

На наш взгляд, новейший период развития русского языка (первые десятилетия XXI века) интересен процессами дискурсивного обновления и перераспределения языковых единиц. На современном этапе языкового развития после освоения русским языком значительного числа новых единиц происходят трансформации в стилевой интерпретации языковых знаков.

Следует также обратить внимание на произошедшие на рубеже XX – XXI веков существенные изменения в функционально-стилевой системе русского языка. Публицистический стиль занял доминирующее положение в системе функциональных стилей русского языка, а публицистический дискурс в той или иной форме отразил в себе все происходящие в языке изменения на уровне лексики, грамматики, прагматики. В начале XXI в. происходит актуализация публицистического начала в интернет-коммуникации. М.С. Косырева отмечает: «Стремление миллионов авторов публикаций (от коротких твитов до пространных постов) в сети Интернет, с одной стороны, к узнаваемости, с другой стороны, к выражению индивидуальности, неповторимости, «эксклюзивности» (пусть, подчас, и отсутствующих), мобилизует публицистический арсенал речевых средств» [Косырева 2017: 62].

Отличительной особенностью русского языка первых десятилетий нового века является стилевой и стилистический динамизм, отражающий стремление к синтезу и контаминации разноплановых стилистических средств – своеобразный, по меткому замечанию А.Н. Долгенко, стилистический фьюжн [см.: Долгенко 2012: 140]. Весьма интересна и показательна в связи с этим точка зрения М.В. Панова: «В 30-60 годы господствовало такое отношение к литературному языку: норма – это запрет. Норма категорически отделяет пригодное от недопустимого. Теперь отношение изменилось: норма – это выбор. Она советует взять из языка наиболее пригодное в данном контексте» [Панов 1988: 27]. Исследователи акцентируют внимание, что такое отношение к норме актуально и справедливо для начала XXI в.

В связи с усилением влияния публицистического начала как такового происходят некоторые трансформации в концептуальном представлении разных типов современных речевых дискурсов. В связи с отмеченными тенденциями особый интерес представляет общественно-политический дискурс.

1.2. Современный русский общественно-политический дискурс и его характеристики

В настоящее время понятие «дискурс» используется во многих гуманитарных науках, причем сам термин употребляется в самых разных значениях. В свое время основатель дискурсивного анализа в области социальных наук Т. Ван Дейк иронично заметил, что нередко возникает такая ситуация, когда широко используемыми, частотными, крайне популярными становятся самые неопределённые и расплывчатые термины. Подобная недостаточная дифференцированность термина «дискурс» объясняется его языковой природой, а именно многозначностью: анализируемый термин является частью словарного состава разных языков мира, где он функционирует для обозначения тех или иных понятий в самых разных отраслях знаний.

В лингвистической науке термин «дискурс» отмечен с начала 70-х гг. XX столетия, однако и в настоящее время многозначность термина в работах исследователей-филологов не снята. Однако при всем многообразии употребления можно выделить несколько подходов к пониманию данного термина.

Т. Ван Дейк соотносил дискурс с понятиями, связанными с устной и письменной речью, и определял дискурс как актуальное речевое действие. В таком понимании дискурс противопоставляется тексту как понятию, связанному с системой языка, как абстрактной формальной конструкции. В таком понимании дискурс предстает как письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия [Ван Дейк 1988: 153]. Ср. в связи с этим: «Дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем и др.) В процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. Контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь

вербальные и невербальные составляющие» [Dijk 1998: 20]; «Дискурс – это язык в использовании, язык для коммуникации» [цит. по: Менеджерицкая 1997: 132].

Следует сравнить подобные размышления с точкой зрения В.В. Красных, который обращает внимание на разнообразие точек зрения относительно дискурса: «Дискурс в узком понимании является проявлением речевой деятельности (наряду с текстоидами) в разговорно-бытовой речи и представляет собой обмен репликами без особого речевого замысла... Дискурс в широком понимании трактуется как проявление речедетельностных возможностей отдельной языковой личности..., как система коммуникации...» [Красных 2001: 200–201].

Помимо указанных подходов, в рамках которых формируются точки зрения многих исследователей-лингвистов, существует также интегративный подход, в котором происходит совмещение ранее описанных принципов за счет включения в понятие «дискурс» широкого круга социальных явлений. О.А. Толпыгина считает необходимым выделять различные аспекты дискурса. В рамках интегративного подхода дискурс может быть рассмотрен в семиотическом, деятельностном, материальном, политическом, социокультурном и др. аспектах [Толпыгина 2002: 80]. По мнению О.А. Толпыгиной, существует также прикладной аспект дискурса: «В прикладном, “техническом” смысле дискурс в рамках обоих направлений обозначает письменное, речевое или образное проявление какого-либо объекта-явления (широкая трактовка дискурса), или коммуникации (узкая трактовка). В этом случае производится анализ речей, текстов, интервью, бесед, дебатов и т.д.» [Толпыгина 2002: 81].

Анализ разных точек зрения на понимание дискурса позволяет убедиться в неоспоримой связи дискурса со сферой и ситуацией общения. Как известно, сферы общения находятся в тесном взаимодействии с теми или иными областями общественной мысли. Сфера общественной деятельности

людей выступает важным экстралингвистическим фактором, который способствует функционально-стилевой дифференциации дискурса [Седов 1999: 35]. В свое время идея дифференциации языка в соответствии со «специализацией» языковых единиц в плане обслуживания определенной сферы деятельности получила развитие в теории функциональных стилей. Ср. понимание функционального стиля разными учеными: «стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов 1955: 73]; разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере» [ЛЭС: 567], [ср. также: Цвиллинг 1986; Матвеева 1990].

Традиционное выделение научного, официально-делового, публицистического, разговорного стиля может быть соотнесено с соответствующими им типами дискурса, внутри которых в свою очередь возможна дифференциация на подвиды и разновидности. В частности, в рамках публицистического дискурса выделяется общественно-политический дискурс, который тесным образом связан с языком общественно-политической прессы.

С учетом всего вышесказанного в рамках интегративного подхода к пониманию дискурса общественно-политический дискурс может рассматриваться как синкретичное единство двух составляющих. По мнению В.Л. Наера, такими составляющими могут быть, с одной стороны, тексты, которые объединены в соответствии с определенной политической тематикой, возникающие в языке управления, дипломатического общения и переговоров, политического воспитания, политической пропаганды (подобные языковые

фрагменты влияют на политическое сознание реципиентов и функционируют в разных сферах, в том числе в СМИ), а с другой стороны, мыслительно-коммуникативную деятельность, которая является совокупностью процесса и результата и включает как *позалингвальные*, так и собственно *лингвальные аспекты* и сориентирована не столько на передачу информации политического характера, сколько на осуществление перлокутивного влияния на электорат (убеждение, перетягивание на свою сторону, побуждение к действию) через реализацию соответствующих стратегий и тактик [Наер 1985: 17].

В настоящее время общественно-политический дискурс характеризуется разветвленной системой жанров, что создает определенные трудности для выстраивания строгой жанровой типологии на основе четких критериев дифференциации. Н. Фарклаф, предприняв попытку классификации жанров общественно-политического дискурса на основе анализа соответствующих текстовых реализаций, представил следующую типологию: 1) жанры, непосредственно связанные с политической системой (политические дебаты, политические манифесты и программы, парламентские или партийные речи политических деятелей на конференциях, нормативные документы); 2) медиатизированные политические жанры (политические новости, политические интервью, беседа или интервью с политическим деятелем, радиопередача о политике, политическая реклама в прессе или на щитах); 3) жанры, относящиеся к политической публичной сфере (публичные встречи, материалы кампаний, политические форумы, фокус-группы) [Fairclough 2005: 33]. Жанровая типология политического дискурса Н. Фарклафа предопределяет в свою очередь выделение основных типов политического дискурса. В российской лингвистике хорошо известна концепция О. Л. Михалевой, в соответствии с которой выделяется следующие типы политического дискурса: 1) институциональный политический дискурс (предвыборная агитация, парламентские дебаты, официальные выступления руководителей государства и

его структур, рассчитанные на массовую аудиторию, интервью политических лидеров и др.); 2) масс-медийный (медийный) политический дискурс, в рамках которого используются тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, Интернета; 3) официально-деловой политический дискурс, в рамках которого создаются тексты, предназначенные для сотрудников государственного аппарата, а также тексты, созданные "рядовыми гражданами" (письма и обращения, адресованные политикам или государственным учреждениям, письма в СМИ и др.) [Михалева 2009: 9].

Особого внимания в соответствии с целями диссертационного исследования заслуживает общественно-политический медиадискурс, который в соответствии с интегративным подходом к пониманию дискурса в целом может рассматриваться как «коммуникативный процесс обмена между политическими факторами и массовой аудиторией смысловыми единицами семиотической природы, отражающий актуальный фрагмент политической реальности; совокупный результат этого процесса» [Щипицына 2007: 221] или как связный, вербально выраженный текст (устный или письменный) в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, взятый в событийном политическом аспекте и реализуемый через средства массовой информации (ср.: [Михалева 2009: 28; Желтухина 2000: 31; Марьянчик 2006: 93]). Е.И. Шейгал убедительно доказано, что существование современного общественно-политического дискурса в значительной степени определяется дискурсом масс-медиа, который в настоящее время является основным каналом осуществления политической коммуникации [Шейгал 2000]. Причем основной сферой реализации дискурсивных проявлений являются не только пространство газет и журналов, но и *радио- и телевидение*. В современной России язык прессы и / или радио- и телевидения синхронно отражает общественно-политическую жизнь государства. Современный общественно-политический дискурс, актуализи-

руемый СМИ, трансформирует действие соответствующих политических процессов, которые знаменуют начало XXI столетия. Постоянно меняющаяся политическая ситуация вызывает непреходящий интерес исследователей в этом направлении.

Следует обратить внимание, что современный общественно-политический медиадискурс отражает политико-идеологические, финансово-экономические, социокультурные стороны современной жизни. С одной стороны, тексты современных СМИ общественно-политической направленности выполняют информационно-содержательную функцию, а с другой стороны, организующе-воздействующую, что предопределяет функционирование в них языковых единиц с номинативными и экспрессивными свойствами. Современная публицистика общественно-политического характера воплощает языковой динамизм периода конца XX века и отражает многие языковые процессы, характерные для русского языка новейшего времени. В связи с этим особую значимость приобретают исследования, направленные на выяснение специфики языковых единиц, функционирующих в текстовых реализациях общественно-политического дискурса (в первую очередь, общественно-политического медиадискурса).

Для обозначения массива языковых единиц, составляющих основу подобных текстов, наиболее часто используется термин «общественно-политическая лексика» (и/или «общественно-политическая лексика и фразеология»). Общеизвестным в современной русистике является предложенное И.Ф.Протченко определение общественно-политической лексики (ОПЛ): «Общественно-политическая лексика – это та часть словаря, которую составляют названия явлений и понятий из сферы общественно-политической жизни, то есть из области политической, социально-экономической, мировоззренчески-философской. Несмотря на то, что этот разряд слов имеет заметно обозначенные границы, общественно-политическая лексика находится в тесном взаимодействии с названиями ря-

да других сфер человеческой деятельности, в частности обозначениями из области исторической науки, права, литературы и искусства, философии, политэкономии» [Протченко 1985: 123].

В актуальной ОПЛ находят отражение процессы демократизации и деидеологизация, глобализации и интеграции, в составе ОПЛ наблюдаются яркие динамические процессы (появление неологизмов, в том числе иноязычных заимствований; включение единиц лексики ограниченного употребления (прежде всего, жаргонизмов и терминов); перераспределение между активным и пассивным запасами лексики русского языка; снятие «идеологических наслоений» в значениях многих лексических и фразеологических единиц; изменение социальной оценочности слов и др.). Актуальная общественно-политическая лексика напрямую зависит от действия социальных факторов и в связи с этим демонстрирует большую изменчивость и подвижность.

Новейший период развития русского языка делает важной задачу инвентаризации, описания и систематизации конкретного языкового материала в данный период времени с целью определения характера динамики и общих закономерностей развития лексической системы русского языка в целом и отдельных ее частей в рамках теории языковой эволюции.

1.3. Понятие заимствованной лексики. Типы заимствований

Ни один народ, ни одна культура, ни один язык не может существовать и развиваться изолированно. На нашей планете не существует ни одного языка, в лексическом составе которого не было бы заимствованных единиц. Как известно, подобные словесные знаки появляются в языках в силу политических, экономических, социальных, культурных, и – как следствие – языковых контактов их носителей. «Заимствование является естественным

следствием установления экономических, политических, культурных связей с другими народами, когда вместе с реалиями и понятиями приходят обозначающие их слова» [Розенталь 2008: 147-148].

В процессе исторического развития русский народ имел множество связей не только с ближайшими этническими соседями, но и со многими другими народами, так что проблема языковых контактов имеет давнюю традицию. В процессе взаимодействия языки контактирующих народов испытывают двустороннее влияние, в первую очередь находящее отражение в расширении состава номинативного фонда за счет заимствованных единиц. Лексика русского языка постоянно обогащалась словами иностранного происхождения, причем процесс заимствования новых слов происходил в русском языке с неодинаковой степенью интенсивности в разные исторические периоды.

Изучение процесса перехода единиц одного языка в состав лексики другого языка в результате языковых контактов между народами имеет свои традиции в языкознании. Анализу заимствований в русском языке посвятили свои работы такие исследователи, как Л.В. Щерба, А.А. Потебня, В.В. Виноградов, И.В. Арнольд, А.А. Брагина, Л.П. Крысин, Ю.С. Сорокин, О.С. Ахманова, Н.М. Шанский, П.Я. Черных, В.В. Колесов, В.В. Дубичинский, Э.Ф. Володарская, В.М. Шаклеин, Е.В. Маринова и многие другие ученые.

Несмотря на многочисленные работы, посвященные проблемам установления времени появления заимствованных единиц в русском языке, их источникам, роли и качественным характеристикам, вопросы, связанные с терминологией, обслуживающей иноязычную лексику и фразеологию, до сих пор остаются дискуссионными. Так, сам термин *заимствование* используется в лингвистических работах в разных значениях.

С одной стороны, заимствование рассматривается как один из способов взаимодействия разных языков, как процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой (см. работы В.М. Аристовой, Л.П. Кры-

сина, Д.С. Лотте, Ю.С. Сорокина, Н.М. Шанского, И.Г. Добродомова и др.). Ср.: «Заимствование – переход элементов одного языка в систему другого языка как следствие более или менее длительных контактов между этими языками» [РЯЭ: 132]. Универсальным и емким является понимание заимствования в данном аспекте Э.Ф. Володарской: «Заимствование – это языковое явление, заключающееся в акцепции одним языком лингвистического материала из другого языка вследствие экстралингвистических контактов между ними, различающихся по уровню и формам» [Володарская 2002: 96]. Вместе с тем, как представляется, точнее было бы говорить о контактах не языков, а их носителей.

Единицами, обладающими способностью самостоятельно перемещаться из языка в язык, исследователи признают лексемы, семемы (в том числе кальки и полукальки), единицы стилистического плана, морфологические и синтаксические элементы (ср.: [Аристова 1978: 6-7]. Ср. также точку зрения С.В. Семчинского: «... мы будем называть результаты языкового взаимодействия заимствованиями, понимая этот термин широко и называя им элементы иноязычного происхождения на любом уровне языка и независимо от их структурной иерархии, лишь бы они были следствием процесса взаимодействия языков» [цит. по: Жлуктенко 1974: 26]. В подобных взглядах отражена концепция трансфера, согласно которой заимствование в первую очередь есть процесс перехода элементов из одного языка в другой. С точки зрения Е.В. Мариновой, единицы, подвергшиеся трансферу, постепенно адаптируются в системе принимающего языка, которая «обрабатывает поступивший «иноземный» материал фонетически, семантически, грамматически, орфографически. В результате в языке-реципиенте функционируют единицы иноязычного происхождения различной степени адаптации, или ассимиляции» [Маринова 2008: 54]. Сторонники концепции аналогии, считая слово *переход* при характеристике процесса заимствования достаточно формальным, объясняют заимствование как создание лексических еди-

ниц по иноязычным образцам с помощью средств и ресурсов родного языка путем имитации или копирования фонетической, морфемной, семантической структуры слов другого языка. Несмотря на несколько противоречивые положения, обе концепции заимствования признают творческое, деятельностное начало языка-реципиента, который либо перерабатывает «инородный» материал под свои нужды и потребности, либо по иноязычным образцам создает нечто новое в соответствии со своими потребностями (подробнее см.: [Маринова 2008: 53-55]).

С другой стороны, как уже было упомянуто в изложенном ранее, заимствование понимается как результат, продукт перехода языковой единицы из одного языка в другой.

Для обозначения заимствованных лексических единиц в лингвистических исследованиях используются термины *заимствование*, *заимствованная лексика*, *иноязычное слово*, *инородное слово*, *чужое слово*, *иностранный язык*, *слово иноязычного происхождения*, *слово иностранного происхождения*, *иноязычные вкрапления*, *иноязычные элементы*, а также *варваризмы*, *экзотизмы*, *квазизаимствования*, *локализмы*, *регионализмы* и др. Ср. в связи с этим мнение Л.П. Крысина: «... не существует общепринятого понимания того, что такое заимствованное слово, чем отличается этот термин от терминов «иноязычное слово», «иноязычное вкрапление», усвоенная или освоенная иноязычная лексика и др.» [Крысин 1968: 32]. В ситуации терминологического разнобоя многие исследователи закрепляют данные термины за разными понятиями (см. работы Д.Н. Шмелева, О.С. Мжельской, Е.И. Степановой, Н.А. Шестаковой, В.Н. Плотичина, О.В. Загоровской и др.). В большинстве случаев исследователи разграничивают понятия, скрывающиеся за терминами «заимствование» и «иноязычное слово». Термин *иноязычное слово* представляется более широким по объёму по сравнению с термином *заимствованное слово*: выражаемые ими понятия находятся в родовидовых отношениях. Это означает, что иноязычными являются и полностью осво-

енные, обрусевшие заимствования, чужеземное происхождение которых не ощущается говорящими, и неисконные единицы с заметными для говорящих признаками иноязычности. Ср. мнение А.Н. Бахтияровой: «Заимствования приспособляются к системе заимствующего языка и зачастую настолько им усваиваются, что иноязычное происхождение таких слов не ощущается носителями этого языка и обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа» [Бахтиярова 2015: 24]. С другой стороны, существует мнение, что если говорить о заимствованиях с точки зрения этимологии, то логично различать «собственно заимствования», т. е. языковые единицы, пришедшие из другого языка и фигурирующие в составе заимствующего, «не имеющие праязыкового корня, выделяемого на основе ретрогрессивной непрерывности» [Хабургаев 1989] и «частичные заимствования», т. е. слова с иноязычными и русскими морфемами. Но это не означает, что последние можно включить в разряд исконно русских слов. Исконным словом считается, по определению О.С. Ахмановой, «наиболее старое слово данного языка как представитель первоначального лексического состава» [СЛТ: 122] (хотя, по утверждению Н.М. Шанского, собственно русским можно считать всякое слово, возникшее в русском языке, независимо от того, из каких этимологических частей оно состоит). Помимо этого, существуют целые классы слов, не вписывающиеся в схему «исконное – заимствованное». Известна также точка зрения Н.М. Шанского, согласно которой понятие иноязычного слова отождествляется с понятием заимствованное слово: «под заимствованием следует понимать всякое слово, пришедшее в русский язык извне, даже если оно по составляющим его морфемам ничем не отличается от исконно русских слов [Шанский 1972: 86]. В этом случае предлагается считать заимствованным всякое иноязычное слово, зарегистрированное в лексикографических справочниках.

Осознавая всю трудность и неоднозначность решения рассматриваемой терминологической проблемы, исследователи избирают наиболее при-

емлемые в соответствии с целями их исследования термины. В настоящей диссертационной работе *заимствование* (в значении результата межъязыкового взаимодействия и результата действия одного из способов номинации) понимается нами как единица лексико-семантического уровня (лексико-фразеологического уровня), появление которой в русском языке в готовом виде обусловлено иноязычным влиянием. В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на исследования О.И. Александровой, в которых разграничиваются понятие «иностранный язык» как факт иностранного языка и понятие «слова иноязычного происхождения» как факт русского языка. Соответственно слова иноязычного происхождения представлены иноязычными словами, т.е. иноязычными вкраплениями, характеризующимися очень высокой степенью маркированности и низкой степенью узуальности, и заимствованными словами (экзотизмами, интернационализмами и собственно заимствованными словами в узком понимании). Под маркированностью исследователь понимает «наличие и количество следов языкового контакта – фонетических, грамматических и семантических признаков языка-источника или языка-посредника при непрямом заимствовании, а под узуальностью – включённость в общепринятое употребление, зафиксированность в словарях языка-реципиента» [Александрова 2010: 8]. Представленное понимание заимствованных слов в целом отражает и наш взгляд на рассматриваемый объект.

Изучение заимствованных единиц осуществляется в лингвистике на основе двух подходов: аналитического и нормативного. В рамках аналитического подхода весьма важным оказывается вопрос о классификации заимствований. В рамках решения данного вопроса используются универсальные и специальные типологии: универсальные используются для классификации не только иноязычных, но и исконно русских слов, специальные – применяются для характеристики разрядов собственно заимствованной лексики.

Существуют также универсальные типологии, которые основываются на хронологическом и тематическом критерии. Так, классификации заимствований, предложенные Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной (1972), В.М. Аристовой (1978), Л.П. Крысиным (1968), основываются на хронологическом критерии. В работах исследователей отмечается в первую очередь время появления слова в русском языке. На основе хронологического критерия в русском языке могут быть выявлены древние (ранние) заимствования, пополнившие древнерусский язык периода общеславянского и восточнославянского языкового единства, и заимствования, пришедшие в собственно русский язык. В работах последних лет как отдельный хронологический отрезок, на котором осуществляется процесс активного заимствования, выделяется период конца 80-х – начала 90-х гг. – период пополнения русского языка новейшими заимствованиями (иноязычными словами абсолютной новизны), многие из которых еще не получили отражения в современных толковых словарях. Классификации заимствованной лексики строятся также на основе тематического критерия; различные варианты систематизации заимствований на основе тематического критерия содержатся в исследованиях Ю.С. Сорокина (1965), Л.П. Крысина (1968), В.М. Аристовой (1978), М. Войтович (1984), Е.В. Мариновой (2008), Касьяновой (2006) и др.).

Среди специальных типологий заимствований наиболее четко представлена классификация иноязычных слов на основе генетического признака, предполагающая установления языка-источника (донора). В соответствии с генетическим критерием заимствованная лексика русского языка разделяется на два больших разряда: единицы, пришедшие в русский язык из близкородственных языков, и слова, и выражения, заимствованные из неблизкородственных языков. В состав первой группы в первую очередь относятся славянизмы – заимствования из восточнославянских, западнославянских и южнославянских языков (к данным заимствованиям относятся и ста-

рославянизмы). Вторая группа представлена единицами из западноевропейских языков (так называемые европеизмы: англицизмы, германизмы, галлицизмы, испанизмы и др.) и заимствованиями из восточных языков (ориентализмы: арабизмы, тюркизмы и др.).

В последнее время в лингвистических исследованиях активно перерабатываются и разрабатывается типологии иноязычных слов по степени их освоенности.

Например, в энциклопедии «Русский язык» (1997; 2003) на основе данного признака разграничиваются следующие типы слов: 1) заимствованные слова, т.е. полностью освоенные русским языком единицы (*автомобиль, футбол* и т.п.); 2) слова-интернационализмы (*миллиметр, философия* и др.); 3) экзотизмы (*беешмет, сельва* и т.п.); 4) иноязычные вкрапления (*c'est la vie* – «такова жизнь» и т.п.) [РЯЭ:133].

В рамках данного принципа строит типологию заимствованных слов И.Б. Голуб и предлагает учитывать при классификации иноязычной лексики не только степень ее адаптации в русском языке, но и особенности ее стилистического использования. Исследователь разграничивает две группы заимствованной лексики: 1) слова, имеющие неограниченную сферу употребления в русском языке; 2) слова ограниченного употребления. Каждая группа включает в себя подгруппы. Среди слов неограниченной сферы употребления выделяются: а) слова, утратившие все признаки нерусского происхождения (*школа, тетрадь, вишня*); б) слова, сохраняющие некоторые внешние признаки иноязычного происхождения (*джаз, жюри, вуаль, антибиотик*); в) европеизмы, или интернационализмы (*прогресс, иллюстрация, телефон, террор*). Заимствования ограниченного употребления включают: а) книжные слова (преимущественно термины), не получившие всеобщего распространения (*аморальный, инаугурация, эпатировать*); б) заимствованные слова, проникшие в русский язык под влиянием салонно-дворянского жаргона (сейчас это архаизированные слова типа *амурный, сантименты, пле-*

зир); в) экзотизмы (*арба, джигит, идальго*); г) иноязычные вкрапления (*happy end*); д) окказионально употребленные иностранные слова, или варваризмы [ср.: Голуб 1986: 179-183; Голуб 2002: 106]. В то же время исследователь уточняет, что в настоящее время так и не выработаны четкие критерии отнесения заимствованных слов к той или иной группе.

Особенно остро это ощущается при описании новых и новейших заимствований. В этом случае Е. В. Маринова предлагает типологию иноязычных слов с точки зрения номинации (на основе признака наличия или отсутствия эквивалента в системе заимствующего языка). Данный фактор (наличие или отсутствие эквивалента, т.е. однословного наименования той же реалии в языке-реципиенте по сравнению с языком-донором), по мнению исследователя, играет важную роль в процессе заимствования. «Во-первых, отсутствие эквивалента в принимающем языке может быть причиной заимствования чужого слова, т.к. в этом случае перевод оказывается невозможным. Во-вторых, от того, имеют ли иноязычные слова на русской почве равнозначную или близкую по значению лексическую единицу, во многом зависит их судьба (отказ от них или заимствование и полное освоение) [Маринова 2008: 43].

Для обозначения разрядов иноязычных слов используются традиционные для российской лингвистики термины «эквивалентная лексика» и «безэквивалентная лексика». Единицы первого разряда обозначают известные ранее реалии или понятия (они представляют собой вторичные наименования, появившиеся в языке по разным причинам) типа *анимация* (ср. *мультипликация*), *кутюрье* (ср. *модельер*), *тур* (ср. *путешествие*), *суицид* (ср. *самоубийство*) и др.). Единицы второй группы являются единственной номинацией предмета или понятия и не имеют в заимствующем языке-реципиенте своего эквивалента. Для обозначения разрядов безэквивалентной лексики используются многочисленные термины, среди которых наиболее часто можно встретить наименования «экзотизмы», «ксенизмы», «этно-

графизмы», «ориентализмы» и др. В соответствии с целями и задачами диссертационного исследования наиболее значимым для нас оказывается понятие экзотизма, под которым обычно подразумевается безэквивалентное слово, обозначающее так называемые межъязыковые лакуны – понятия чужой культуры. Ср.: «К экзотическим словам применимо положение, которое можно сформулировать так: слово не может быть заимствовано прежде, чем заимствована вещь, им обозначаемая. Употребляться в языке такое иностранное слово может, но оно будет оставаться «чужим», экзотическим до тех пор, пока чужой и экзотической носителям данного языка будет казаться реалья, обозначаемая этим словом» [Крысин 2002: 28], а также: «Обладая местной, национальной, исторической окрашенностью, они [экзотизмы] способны служить средством создания колорита в художественном произведении, публицистике, переводах и т.п. Употребляясь в сочинениях научного характера, экзотизмы могут выполнять роль терминов. Экзотизмы могут употребляться как окказионально, так и входить в воспринимающий язык, пополняя фонд его периферийной лексики и регистрироваться в словарях (как правило, в словарях иностранных слов)» [Зеленин 1991: 57]. С течением времени многие экзотизмы из-за регулярности употребления в языке-реципиенте утрачивают семантический компонент, указывающий на связь предмета или понятие с другой культурой. Процесс деэкзотизации слова сопровождается изменением языковых характеристик словесного знака: заимствованная единица приобретает новые синтагматические и парадигматические связи, реализует словообразовательный потенциал, расширяет состав семантем.

1.4. Арабская лексика в русском языке. Основные этапы вхождения арабизмов в русский язык

Как уже было отмечено, заимствования (в том числе из арабского языка) отражают факты межнациональных и межэтнических контактов, социально-экономические, политические, культурные связи между языковыми коллективами. О прежних и настоящих связях арабского языка свидетельствуют лексические и фразеологические единицы арабского происхождения, заимствованные другими языками непосредственно (напрямую из арабского языка) или опосредованно (из арабского языка через язык-посредник). В истории есть немало периодов, которые являются маркерами особой активности и динамизма взаимодействия европейских государств с Ближним Востоком. К знаменательным в данном отношении вехам относятся такие исторические события, как завоевание Испании арабами (VIII-XV вв.), Крестовые походы (XI-XIII вв.), открытие морского пути в Индию и разгром Великой армады (конец XVI в.), колонизация и подчинение английскому влиянию ряда арабских стран и др. В работах многих исследователей обращается внимание на специфику влияния арабского языка на языки Западной Европы. Так, по подсчетам ученых, в испанском языке около 10 % лексических единиц с той или иной долей условности можно отнести к лексике арабского происхождения, большую часть которой представляют собой существительные. Как известно, после завоевания Пиренейского полуострова арабами в 718 году на данной территории появилось государство Al-Andaluz, а арабский язык был признан государственным языком мусульманской Испании, в то время как романский язык использовался христианами жителями мусульманских земель в качестве разговорного. В работах В.Ф. Шишмарева, К.В. Гарланда отмечается, что арабский период в развитии Испании представляет собой время глубокого взаимодействия Востока и Запада. Находясь в окружении арабского языка, романский язык попал под воздействие языка-доминанты. В дальнейшем выделяется еще три периода (VIII–XI вв.; середины XI века – начало XIII века; начало XIII века – конец этого же столетия), когда арабский язык активно влиял на формирую-

щийся испанский язык. В настоящее время очень многие слова-арабизмы входят в состав активной высокочастотной лексики испанского языка (см. об этом: *Гарланд* 1998; *Шимарев* 2002]).

Значительно меньше представлены арабские заимствования во французском языке, куда они проникали либо напрямую, либо опосредованно через другие языки в три основных исторических периода: 1) период арабской империи Средневековья (с XI по XV вв.); 2) с XVI века до современного арабского мира; 3) в период завоевания Алжира (подробнее см.: [Guiraud 1971; Джаббаров 1984; Черкасова 2013; Лисицына 2015]).

Заимствования из арабского языка в немецкий и английский языки, по мнению исследователей, в большинстве своем имеют опосредованный характер. Арабизмы проникали в названные языки с помощью языков-посредников, в качестве которых выступали латынь, итальянский, португальский, голландский, испанский, французский. При этом абсолютное большинство арабизмов в немецком языке представляют собой термины, а также слова религиозной тематики, отражающие основные понятия ислама; для английского же языка характерно большее тематическое разнообразие лексики арабского происхождения (подробнее об этом см.: [Узденова 2008]).

Что касается русского языка, то следует сказать, что отсутствие прямых контактов носителей русского и арабского языков обусловило опосредованный характер заимствований единиц-арабизмов. Как показывают исследования по истории русского языка, арабские заимствования, как правило, проникали в русский язык через посредство других языков, в том числе тюркских, испанского, французского, немецкого, польского (см., например: [Гаврилова 1981; Халлави 1986]). Так, например, через тюркские языки (в основном, во время татаро-монгольского нашествия) в русский язык вошли слова *халва*, *лимон*, *лафа*. А.Н. Бахтиярова и Ф.Г. Фаткуллина отмечают: «Проникновение арабских заимствований через посредство тюркских язы-

ков в русский могло усиливаться в период нахождения русских княжеств в составе Улуса Джучи (1240–1480 гг.), особенно после принятия ислама в качестве государственной религии этого государства в 30-е годы XIV века. В произведении русского купца Афанасия Никитина, предпринявшего во второй половине XV века путешествие по странам Востока вплоть до Индии, встречаются уже целые фразы, записанные кириллицей на арабском языке» [Бахтиярова 2015: 24]. Через французский язык в русский перешли арабизмы *сироп, гарем, софа, жираф, жасмин, магазин, муссон, газель, бурнус, эликсир* и др. При английском посредничестве в русский язык пришли арабизмы *сафари, артишок, кофе* и др. Через немецкий язык в русский вошли арабизмы *тара, кубеба, матрац, шафран, алгебра, бальзам, мамлюк* и др. Благодаря итальянскому посредничеству русский язык пополнился арабизмами *камфара, авария, шуба*; благодаря польскому – арабизмами *лутня, атлас, лазурь, цифра*.

Считается, что прямые заимствования из арабского языка входили в русский язык, главным образом, благодаря религиозным контактам и охватывают, прежде всего, мусульманскую религиозную терминологию. Ср., например, такие арабизмы, как *шариат, имам, хадис, мечеть* и др. Таким образом, слова из арабского языка проникали в русский язык на протяжении ряда веков из разных источников. Ср.: «Влияния арабского языка на русский было разновременным, начавшись в древнейшие времена, влияние (в слабой степени) продолжалось и в новое время, через европейские языки, из испанского, на который арабский язык оказал в свое время большое влияние» [Огиенко 2010: 36].

Хронологизация подобных заимствованных единиц представляет собой трудную задачу. По мнению исследователей, непосредственное вхождение арабских слов в русский язык связано с началом осуществления контактов славян с восточными купцами. В VIII веке хазары вместе с волжскими болгарами являлись посредниками живого торгового обмена между балтий-

ским Севером и арабским Востоком. В качестве доказательства этих связей можно привести найденные в районах Днепра клады с древними арабскими монетами, письменным свидетельством являются упоминания о русских купцах в книгах арабского писателя IX в. Хордабе (ср.: [Очерки истории арабской культуры 1982]). К данному периоду относятся самые ранние заимствования типа *салтан* (*султан*) – «правитель на Востоке» (упоминается в форме *сальтанъ* в «Слове о полку Игореве», слово проникло в русский язык через турецкое посредничество); *бисер* – «мелкие бусинки» и др. В период христианизации Руси через церковные переводы с греческого языка в древнерусский язык проникли слов религиозной тематики типа *ладан*, *саван*. В эпоху завоеваний Османской Империи тюркские народы стали осуществлять посредническую миссию как в политических, торговых, культурных связях, так и в передаче слов арабского происхождения русскому языку. В середине XIV в. великое княжество Московское постепенно расширялось. Внешнеторговые связи Московского великого княжества в этот период в большей степени были ориентированы на Восток. «Предметами ввоза были кожа, сафьян, пряности, шафран, сладости, красящие вещества, шелковые и особенно хлопчатобумажные ткани высокого качества» [Ионичев 2001: 54]. С XIV века в памятниках письменности фиксируются такие лексемы, как *амир* – «правитель в восточных странах», *казна* – «государственное имущество», *кабала* – «долговое обязательство», от арабского [kab:ala]; *шуба* – «верхняя длиннополая одежда на меху», от арабского [dgubba], *мусульманин* «исповедующий ислам», от арабского [muslim] – «принявший ислам» (в русский язык слово проникло через тюркские языки), *ислам* – «религия, поклонение единому богу Аллаху и признание Мухаммеда посланником Аллаха», от арабского [islam]- «покорность», *Коран* – «священная книга мусульман», от арабского [qur'an] – «чтение», а также: *атлас*, *кумач*, *рахат-лукум* и др. (подробнее см.: [Котков 1970: 160-163; Гаврилова 1981: 34; ТСИСК]).

Тесные контакты арабского и европейских языков нашли отражение в русском языке. В эпоху петровских преобразований европейские языки стали новыми посредниками в проникновении арабских слов в русский язык. В это время русский язык пополняется заимствованиями военной, научной, медицинской, административной и другой терминологии, среди которой было немало арабских по происхождению слов типа *азимут* – «угол между плоскостью меридиана и вертикальной плоскостью, проходящей через светило», от арабского [as-sumu:t], *алгебра* – «раздел математики, возникший под прямым влиянием практики», от арабского [al-dgabr] – «восстановление, исправление», *зенит* – «наивысшая точка небесной сферы над головой наблюдателя», *надир* – «точка небесной сферы, находящаяся под горизонтом и противоположная зениту» (подробнее см.: [БАРС: 812; ТСИСК: 462 и др.]).

В послепетровскую эпоху экономические, политические и культурные связи России с европейскими странами развивались и укреплялись. В период колонизации европейцами стран Африки и Ближнего Востока в европейских странах вместе с экзотическими предметами, явлениями и обычаями было заимствовано множество обозначающих их слов. Более близкое знакомство с мусульманским миром привнесло в европейские языки новые понятия, которые затем пришли и в русский язык, например, *имам, муфтий, халиф, аятолла, набоб* и др.

В XIX-XX веках в Европе, а вслед за ней и в России, появляется незначительное число слов арабского происхождения. В современный период интерес к мусульманскому миру обострился. В результате новых политических процессов, таких как исламизация и фундаментализм, в политической прессе, а следовательно, и в языке, активизируются уже известные и появляются новые термины Ислама, например, *джихад, интифада, ваххабиты, талибы, исмаилиты, моджахед, шахид* и др. Ср.: «На рубеже XX-XXI веков русский язык переживает новый этап активного пополнения своего лексиче-

ского состава заимствованиями из арабского языка. Как показывает анализ, подобные «сильные» лексические инновации (т.е. «принципиально новые для русского языка лексемы, отличающиеся свежестью и новизной формы» проникают прежде всего в общественно-политическую сферу жизни российского общества и общественно-политический дискурс (ср., например, новые для русского языка, но уже зафиксированные русскими словарями иностранных слов лексемы *Аль-джазира* и *Аль-арабия*, именующие спутниковые телеканалы, вещающие на арабском языке; лексему *Хезболлах* (с вариантами *Хесболлах*, *Хизбаллах*, *Хизболлах*, *Хэзболлах*), номинирующую известную исламистскую организацию, и др.) [Загоровская, Маджмае 2017: 142].

В ходе разработки классификации арабских по происхождению слов с точки зрения времени их появления в русском языке исследователи предлагают различные варианты. В частности, Х.А. Хуссайн выделяет четыре группы слов: 1) древние заимствования X-XI веков (*бисер*, *нагата*, *ропать*, *салтан*); 2) заимствования эпохи Средневековья и Возрождения (XII – XVII вв.) (*саван*, *сарацин*, *кабала*, *бархат*, *мечеть*, *шуба*, *эмир*, *атлас*, *визирь*, *шариат*, *шафран*, *бахрома*, *миткаль*, *муфтий*, *барбарис*, *зенит*, *кумач*, *магазин*, *сироп*, *фитиль*, *шайтан* и др.); 3) единицы арабского происхождения, появившиеся в Петровскую и послепетровскую эпохи (XVIII-XIX века) (*азарт*, *алгебра*, *алкоголь*, *бедуин*, *газ*, *гарем*, *гашиш*, *джинн*, *жираф*, *набоб*, *тариф*, *факир*, *халат*, *шейх*); 4) заимствования XX-XXI вв. (*джихад*, *исмаилиты*, *интифада*, *моджахед*, *шахид* [Хуссайн 2001: 28].

Этимологические словари, словари иностранных слов русского языка в ряде случаев отражают хронологию появления того или иного заимствования из арабского языка в русском языке. Ср.: *халва*: 1) «восходит к арабскому первоисточнику *hilva* через турецкий язык, где находим – *chelwa*» [ЭСК]; 2) «Из тур. *çalva* – то же (Радлов 2, 1759) от араб. *ḥalva*» [ЭСФ]; 3) «Заимств. в XIX в. из тюрк. яз., где *çalva* < араб. *ḥalva* «сладости» [ЭСШ];

цифра – 1) «Заимствовано из польского, в котором существительное *cyfra* заимствовано из латинского, куда *cyfra* попало из арабского. К той же основе восходит существительное *цифра*. Первоначально – «нуль» [ЭСК]; 2) «Заимств. в первой трети XVIII в. из польск. яз., где *cyfra* < лат. *cyfra*, в котором оно является переосмыслением арабизма. Исходное значение – «пустое место, нуль» [ЭСШ]; *цифра* – «[польск. *cyfra* < нем. *Ziffer* < араб. *cyfr* пустой, ноль]. 1. Знак, обозначающий число. 2. разг. Сумма, число, показатель чего-либо, выраженный в числах» [СИСК] и др.

В русскоязычной лингвистике изучению лексики арабского происхождения посвятили свои исследования И.Ю.Крачковский, А. А. Иванова, Т.П.Гаврилова, Л. А. Жилинская, И.У.Асфандияров, Л. К. Валиуллина, Р. М. Светлова, А.Узденова, О.И. Александрова, М.Х. Халлави, С. А. Аль Хазраджи, Аль-Кадими Махмуд Гази Чаллюба, М.Г.Ч. Аль-Кадими, М. Д. А. Аль Шаммари и др. Ученые по-разному определяют идеографические классы слов-арабизмов. В работе Эль-Султани М.М.И. выделяются следующие лексико-семантические группы слов, восходящих к арабскому языку:

1) «Природно-климатические явления» (*азимут, муссон, сель, сирокко* и др.);

2) «Растительный мир» (*шафран, жасмин, хна, абрикос, лимон, артишок, баклажан, эстрагон*);

3) «Животный мир» (*газель, жираф* и др.);

4) «Наименований лиц по их социальному, профессиональному, расово-этническому признаку» (*эмир, шериф, визирь, муэдзин, сарацин, адмирал, султан, халиф, набоб* и др.);

5) «Наименований предметов быта, туалета, одежды и обуви, а также материалов, из которых они изготовлены» (*матрас, сундук, бурнус, атлас, халат, бахрома, кумач, шуба, паранджа, сафари, амулет, мохер, юбка, паранджа* и др.);

б) «Пища, еда, напитки» (*кофе, алкоголь, харч, кефир, эликсир, сироп, халва, рахат-лукум, бальзам, шербет, магарыч* и др.);

7) «Наука» (*алгебра, цифра, азимут, алхимия, зенит, алгоритм, шифр* и др.);

8) «Религия» (наименования реалий, связанных с исламской религией) (*Коран, хадж, ислам, шариат, имам, муфтий, хадж, мечеть, минарет, мулла, сура, шиит, улем* и др.);

9) «Драгоценные камни, драгоценности» (*алмаз, лазурит, яшма*);

10) «Дома, здания, сооружения, строения» (*альков, гарем, магазин* и др.);

11) «Литература и язык» (*альманах, бейт, калам, суахили, хикаят, шифр*);

12) «Эмоции и источник их появления» (*азарт, гашиш, кайф, киф*);

13) «Единицы измерения» (*кантар, тара, цехин*)

14) «Музыкальные инструменты» (*лютня, тамбурин*);

15) «Качества человека» (*набоб, ханжа*) [Эль-Султани 2018: 382].

Неодинаковы мнения исследователей относительно количественного состава слов арабского происхождения. Неточности количественного подсчета легко объясняются терминологической неоднозначностью терминов «арабская лексика» / «арабизм». В русистике термин «арабизм» используется с целью генетической характеристики прямых заимствований из арабского языка в следующих значениях: 1) слово, заимствованное каким-либо языком из арабского [Булаховский 1953: 111]; 2) особенность арабского языка, перенесённая в другой язык [БЕЭС]; 3) слово или выражение, заимствованное из арабского языка, или оборот речи, построенный по модели, характерной для арабского языка [ЕНСРЯ]; 4) вид варваризма, оборот речи, выражение в каком-нибудь языке, составленное по образцу арабского языка (литература), заимствование из арабского языка (лингвистика) [ТСУ-1]. С одной стороны, им может именоваться не только тот языковой знак, который был

заимствован непосредственно из арабского языка, но и тот, который вошел в русский язык через язык-посредник; с другой стороны – данный термин может употребляться не только по отношению к слову-заимствованию, но и по отношению к отдельной морфеме, прежде всего корню. Если говорить исключительно о лексических единицах, то О. И. Александрова разграничивает понятия «арабизм» и «слова арабского происхождения» и считает *арабизмом* только языковую единицу, заимствованную непосредственно из арабского языка или сохранившую следы контакта с арабским языком, а *слова арабского происхождения* – это и собственно арабизмы и слова, заимствованные из других языков, но первоисточником которых является арабский язык [Александрова 2010: 5]. Существуют также дефиниции термина «арабизм», подразумевающие включение в состав понятия не только прямых, но и опосредованных заимствований [ср.: Валиуллина 2004: 85; Хусайн 2001: 46]; ср.: «Слова арабского происхождения, или арабизмы, – это языковые единицы, заимствованные непосредственно из арабского языка, а также при посредстве других языков, но первоисточником которых является арабский язык. Основанием такого подхода является наличие сохранившейся в заимствованиях центральной семы» [Светлова 2012: 8].

В настоящей диссертационной работе термин «арабизм» имеет широкую трактовку, что предполагает его соотнесенность, во-первых, с «собственно арабизмами» как целостными заимствованиями из арабского языка (прямыми или опосредованными), а во-вторых – с дериватами арабских заимствований, восходящими к арабским этимонам, но образованными уже в русском языке с использованием его словообразовательных ресурсов (моделей и словообразовательных морфем).

Выводы

Первые десятилетия XXI века являются этапом, последовавшим за периодом глубоких трансформаций «постперестроечного» времени. Как известно, конец 80-х гг. прошлого столетия для России знаменовал начало периода общественно-политической, социально-экономической нестабильности, повлекшей за собой изменения в разных сферах жизни и отражения действительности. Закономерным образом поистине эпохальные изменения в социуме привели к динамическим языковым преобразованиям, которые так или иначе затронули все подсистемы русского языка и прежде всего – лексическую. Системные изменения в лексике русского языка на рубеже XX-XXI веков находят разнообразное отражение в семантике словесных знаков. К числу подобных изменений исследователи относят в том числе функционально-стилистические, связанные с изменениями в содержании функционально-семантического компонента лексической семантики, несущего информацию о речевом употреблении словесного знака и отражающего изменения в характере его функционирования.

На наш взгляд, современное состояние русского языка особенно интересно процессами дискурсивного обновления и перераспределения языковых единиц, что в значительной мере связано с изменениями в формах существования современного русского языка и его функциональными разновидностями. Особенно заметные изменения происходят в настоящее время в публицистическом стиле русского языка. В связи с усилением влияния публицистического начала в разных модусах существования русского языка, разных формах его речевой реализации происходят трансформации в концептуальном представлении разных типов современных речевых дискурсов. В связи с отмеченными тенденциями особый интерес представляет современный русский общественно-политический дискурс, в частности общественно-политический медиадискурс, который в настоящее время является основным каналом осуществления политической коммуникации, причем

основной сферой реализации дискурсивных проявлений являются не только пространство газет и журналов, но и радио- и телевидение. В современной России язык прессы и / или радио- и телевидения синхронно отражает общественно-политическую жизнь государства.

Современная публицистика общественно-политического характера воплощает языковой динамизм периода конца XX века и отражает многие языковые процессы, характерные для русского языка новейшего времени (в первую очередь, появление значительного числа заимствованных русским языком словесных знаков). В настоящей работе под заимствованием мы понимаем иноязычное слово, освоенное системой русского языка, а термин «иноязычное слово» используем по отношению к словесному знаку, пришедшему из иной лингвокультуры, но еще не адаптированному в системе русского языка. С точки зрения степени освоенности русским языком представляется важным разграничивать слова заимствованные (т. е. полностью освоенные русской языковой системой), слова-интернационализмы, экзотизмы и иноязычные вкрапления.

С точки зрения соотношения с номинируемой реальией и наличия или отсутствия в языке-реципиенте соответствующих параллелей представляется правомерным разграничивать эквивалентную и безэквивалентную лексику. Единицы первого разряда обозначают известные ранее реалии или понятия (они представляют собой вторичные наименования, появившиеся в языке по разным причинам). Единицы второй группы являются единственной номинацией предмета или понятия и не имеют в заимствующем языке-реципиенте своего эквивалента.

Как известно, в системе русского языка представлен значительный пласт заимствований-арабизмов, которые, как правило, проникали в русский язык через посредство других языков, в том числе тюркских, испанского, французского, немецкого, польского. Считается, что прямые заимствования из арабского языка входили в русский язык, главным образом, благодаря ре-

лигиозным контактам и охватывают, прежде всего, мусульманскую религиозную терминологию. Ср., например, такие арабизмы, как *шариат*, *имам*, *хадис*, *мечеть* и др.

Арабские заимствования входили в русский язык в разные периоды его истории. На основании хронологического критерия исследователи предлагают выделять в русском языке четыре группы арабизмов: 1) древние заимствования X-XI веков; 2) заимствования эпохи Средневековья и Возрождения (XII – XVII вв.); 3) единицы арабского происхождения, появившиеся в Петровскую и послепетровскую эпохи (XVIII-XIX века); 4) заимствования XX-XXI вв.

В лингвистике вопрос количественной характеристики арабизмов в системе современного русского языка решается неоднозначно, что объясняется, с одной стороны, разногласиями в информации существующих этимологических словарей и сложностями этимологического анализа слов арабского происхождения), а с другой – различиями в смысловом наполнении терминов *арабизм* и *лексика арабского происхождения*, которые могут трактоваться в узком и широком значениях.

В настоящей диссертационной работе принята широкая трактовка термина *арабизм*, предполагающая его соотнесенность, во-первых, с «собственно арабизмами» как целостными заимствованиями из арабского языка (прямыми или опосредованными), а во-вторых – с дериватами арабских заимствований, восходящими к арабским этимонам, но образованными уже в русском языке с использованием его словообразовательных ресурсов (включая модели и словообразовательные морфемы).

ГЛАВА 2

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ АРАБСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕННОЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Вопросы этимологии арабизмов в аспекте решения проблемы их классификации

Существующий пласт лексики арабского происхождения (в том числе лексики, функционирующей в составе современного общественно-политического дискурса) может быть подвергнут полноценному многоаспектному анализу только после решения вопроса о качественно-количественном составе анализируемого фрагмента заимствованной лексики русского языка.

Для квалификации той или иной лексической единицы как арабизма (в принятой нами широкой трактовке термина) необходимо провести серьезные историко-этимологические исследования с привлечением к анализу новых лексикографических материалов. На наш взгляд, многие толковые словари русского языка оказываются в этом отношении малоинформативными, словари иностранных слов содержат краткую информацию о непосредственном (чаще) или опосредованном языке-источнике, и только этимологические словари позволяют проследить с относительной степенью достоверности исторические пути появления и закрепления слова в лексическом составе русского языка, генезис заимствованной единицы. В качестве основных лексикографических источников для установления арабского происхождения слов русского языка нами были использованы следующие словари и справочники: Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2007 [ТСИСК]; Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. – М.:

Эксмо, 2006 [СИСК]; Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов. – М.: Мартин, 2006 (БСИСБ); Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Рус. Яз. – Медиа, 2007 (ИЭСЧ); Захаренко Е.Н. Новый словарь иностранных слов. – М.: Азбуковник, 2008 (НСИСЗ); Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт.– М.: Прогресс, 1986 (ЭСФ); Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. – М.: Дрофа, 2004 (ЭСШ). В качестве дополнительных использовались данные интернет-портала «Словари онлайн» (<https://slovaronline.com>), включающего этимологические словари, отражающие следующие печатные издания: Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005; Успенский Л.В. Почему не иначе? – Москва: АСТ; Владимир: Zebra E, 2009; Словарь М.Фамера, Словарь Н.М. Шанского и др.; словари иностранных слов русского языка, созданные на основе печатных изданий: 1) Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней (А.Д. Михельсон. 1865); 2) Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке (М. Попов. 3-е издание. 1907); 3) Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка (Ф. Павленков. 2-е изд. 1907); 4) Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка (А.Н. Чудинов. 1910); 5) Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. – М: Русский язык, 1998. и др.

Как показало проведенное нами исследование, авторитетные словари иностранных слов (прошлых лет и современные) в достаточной степени однозначности фиксируют арабское происхождение у следующих лексем:

азимут – «(араб. as-sumfit пути). 1) *астр.* угол между плоскостью меридиана точки наблюдения и вертикалом светила; 2) геод. горизонтальный угол между северным направлением меридиана, проходящего через данную точку, и направлением на предмет, отсчитываемый по ходу часовой стрелки от 0 до 360°» (НСИСЗ); ср.: азимут – «(англ. azimuth < араб. assumūt пути).

1. *геод.* Горизонтальный угол между северным направлением меридиана, проходящего через данную точку, и направлением на предмет, а также направление движения, определяемое с помощью такого угла» [ТСИСК];

алхимия – «(нов.-в.-нем. Al-chimie < *позднелат.* alchimia < *араб.* al-kîmîa). В средние века: изыскание способов превращать простые металлы в драгоценные при помощи фантастического философского камня» [ТСИСК];

амулет – «*фр.* amulette < *лат.* amulētum < *араб.* hamalet). Предмет, который, по суеверным представлениям, способен оберегать его обладателя от несчастий и болезней и который носят на теле» [ТСИСК];

бедуины – «[арабск.] – кочевые и полукочевые арабы Аравийского полуострова и Северной Африки» [СИСК];

калий – «(ново-лат. kalium, от араб. kalî – щелочь). Мягкий и легкий металл, окись которого наз. кали» [СЧ]; «*араб.* galî сода). Химический элемент – металл серебристо-белого цвета, мягкий и легкоплавкий, соли которого применяются как удобрения» [ТСИСК];

кайф – «[арабск. – состояние опьянения от употребления гашиша; безделье] – 1) состояние опьянения; 2) сленг мол. эффект удовольствия от разного рода чувственных впечатлений» [СИСК]; «*устар.* кейф (*араб.* kauf, *тур.* kejf). *жарг., разг. шутл.* Удовольствие; приятное безделье» [ТСИСК];

мечеть – «(араб. mesdjîd, от sadchada – молиться, поклоняться). Магометанский храм» [СЧ]; «[арабск. – «место поклонения»] – мусульманское культовое сооружение, храм» [СИСК];

паранджа – «[араб. faranga]. Верхняя одежда, без которой мусульманским женщинам не разрешается выходить из дому – длинный широкий халат с волосяной сеткой, закрывавшей лицо» [БСИСБ]; «(*араб.* farānġa). Широкий халат с закрывающей лицо волосяной сеткой, без которой мусульманская религия не разрешает женщинам появляться перед посторонними» [ТСИСК];

гашиш – «(араб. *haschisch*). Наркотическое средство, приготовляемое из листьев индийской конопли; его жуют в пилюлях или курят, как опий; оно имеет свойство одурять и возбуждать фантазию» [СЧ]; «(< *араб.* *hashīsh*). Наркотическое вещество из индийской конопли» [ТСИСК] и др.

Анализ словарей иностранных слов демонстрирует в некоторых случаях несовпадение в определении конечного этимона. Ср., например: для лексемы *сафари* одни словари указывают арабский язык как источник заимствования в русский язык через язык английский (*сафари* – «(*англ.* *safari* < *араб.* *safoḡa* путешественник). 1. Заповедник в Африке, в котором разрешена охота на диких зверей. 2. Охота в таком заповеднике. 3. Одежда прямого покроя из легкой гладкой ткани с карманами и отстрочкой» [ТСИСК], а другие словари отмечают, что арабский язык является лишь посредником на пути заимствования в русский язык из языка суахили (*сафари* – «[арабск. < суахили – «поход, путешествие»] – поход, турпоездка, длительное путешествие в экзотические страны. Первонач. – многодневная поездка в Восточную Африку с целью охоты» [СИСК]. Ср. также: *камфора* – «[ср.-лат. *camphora* < ар. < инд.] – бесцветное кристаллическое вещество с характерным запахом; добывается из камфарного дерева, произрастающего в юго-восточной Азии; получается и синтетическим путём из скипидара; в медицине камфара употребляется как возбуждающее или отвлекающее средство; применяется также в технике» [БСИСБ] и *камфора* – «(< ср.-лат. *camphora* < *араб.* *kāfūr*). Бесцветное кристаллическое вещество с характерным запахом, добываемое из камфорного дерева, а также получаемое синтетически из скипидара» [ТСИСК].

Более развернутая лингвистическая информация о происхождении лексем содержится в этимологических словарях. Как известно, разыскания в области этимологии позволяют восстановить наиболее древнюю словообразовательную структуру слова и элементы его значения, установить ареал распространения слова и факторы, влияющие на структуру и значение сло-

ва, обнаружить исчезнувшие звенья в лексике, семантике и фонетике того или иного языка. В то же время, нельзя не признать, что этимологический анализ зачастую представляет собой лишь гипотезу, которая должна быть либо доказана, либо опровергнута.

Анализ этимологических словарей русского языка позволил уточнить генезис ряда слов арабского происхождения, выяснить особенности их появления и закрепления в русском языке. Так, этимологическими словарями отмечается слово *кофе* как заимствование из английского языка (*coffee*): «Заимств. в середине XVII в. из англ. яз., где *coffee* < араб. *qahwe* «кофе», контаминации эфиоп. *Kaffa* – собственного имени места, откуда «есть пошел» кофе, и созвучного ему араб. *qahwe* «вино» [ЭСШ]. В словаре П.Я. Черных лексема кофе сопровождается следующей характеристикой: «Первоисточник – араб. *qahwe* – «кофе» ... Отсюда: турец. *kahve* – «кофе» и «кафе»; афг. *kahva* и др. Из турецкого: ит. *caffè*; исп. *café*. Из итальянского: франц. *café* > нем. *Kaffee*. Из Европы – кит. кафэй и др. В русском языке кофе восходит, вероятно, к голл. *koffie*. Ср. также англ. *coffee*» [ИЭСЧ]. Для лексем *сироп* словарями дается следующая характеристика: «Заимствование из французского, где *sirop* восходит к среднелатинскому *siropus* от арабского *sarab* – «питье» [ЭСК]; 2) «Судя по ударению на окончании, через франц. *sirop* «патока» из ит. *siropo* от араб. *šarâb* «напиток» [ЭСФ]; «Заимств. в XIX в. из франц. яз., где *sirop* – через итал. посредство – восходит к араб. *šarab* «напиток» [ЭСШ]. Слово *визирь* характеризуется древнерусское заимствование из арабского, где *wasir* образовано от глагола *wasara* – «нести»: «... изначально в арабском *визирь* – буквально «носильщик», затем – «несущий вместе с государем тяжесть правления». Любопытно, что это слово попало к нам и в другом виде – как шахматный термин: ферзь восходит к тому же арабскому *wasir*. На шахматной доске ферзь – вторая по важности фигура после короля, как и в реальной жизни визирь – министр или важный чиновник, назначаемый султаном» [ЭСК]. Лексическая единица *га-*

рем в этимологических словарях сопровождается указанием на язык-посредник: «Заимств. в Петровскую эпоху из франц. яз., где *harem* < араб. *Harām* < «запрещенная» (женская часть дома), производного от *harāma* «запрещать» [ЭСШ]; «В русском языке слово *гарем* известно с начала XIX в. ... Ср. франц. *Harem*; исп. *Haren:harem*; ит. *Harem*. В европейские языки попало из турецкого (*harem*); в турецкий – из арабского: *harim* – «запретное место», «гарем», также «жена», «супруга», от глаг. *Harima* – «быть под запрещением». Отсюда же перс. *hāgām* «запретное, священное место», «гарем» [ИЭСЧ-1: 181]. Интересной является история слова *магазин*. В словаре М.Фасмера отмечается: «впервые у Петра I (см. Смирнов 183), наряду с *магазейн* (см. *магазёя*), которое встречается еще у Грибоедова. С ударением *магáзин*, вероятно, под влиянием польск. *magazyn*; напротив, *магазин* пришло через нем. *Magasin* (XVIII в.; см. Шульц-Баслер 2, 52) из франц. *magasin*; см. Матценауэр 248; Карлович 359. По мнению Мёлена (129), из голл. *magazijn* (см. *магазёя*). Во всяком случае, не прямо с Востока, вопреки Миклошичу (см. *Mi. TEL* 2, 121)» [ЭСФ]; ср. также: «Заимств. в Петровскую эпоху из нем. яз. (соврем. ударение – под влиянием франц. *magasin*), где *Magazin* – через франц. посредство – восходит к исп. *magacen* «магазин» < «склад» – из араб. *tahāzin* «склады», мн. ч. от *tahzūn*, производного от *hāzana* «собрал, наложил»» [ЭСШ]; «На русской почве это слово появилось в начале XVIII в. Одновременно в двух формах: *магазейн* и *магазин*, но с одним знач.: «склад, место хранения продовольственных запасов для армии». Первая форма в письменных памятниках начала XVIII в. Встречается чаще ... Употребление формы *магазейн* (но уже в смысле «торговое помещение») было возможным еще в 30-х гг. XIX в. ... Любопытно у Даля замечание об этих словах, что народ употребляет их в смысле «склад» и т.п., тогда как в значении «лавка», «место продажи товаров» он пользуется слово *магазин*. ... ср. франц. *magasin*; нем. *Magazine* «склад»; ит. *magazzino*...; голл. *magazine*... В запад-

ноевропейских языках – из арабского. Ср. *maḥzan*, pl. *maḥazin* – «амбар», «склад», «депо» (к глаг. *maḥzan* – «складывать в амбар» [ИЭСЧ-1: 500-501]).

Этимологический анализ является точным, если базируется на методе экстраполяции, позволяющем на основе анализа фонетических и семасиологических связей предположить наличие других связей, форм, значений, непосредственно не засвидетельствованных. Метод «слов и вещей» базируется на фонетических соответствиях и связях с данными материальной культуры. Исследователи, занимающиеся этимологией слов, убеждаются в том, что очень часто то или иное слово может иметь не один прототип. На трудность определения происхождения многих слов обращают внимание современные исследователи; ср.: «При этимологическом анализе слова необходимо обращать внимание не только на его фонетический облик, на данные истории и лингвистической географии, но и на то, что слово по своему происхождению может быть неоднозначным, так как имеет двойное происхождение или является символом, или метафорой в языке-источнике. Все это принимают во внимание авторы этимологических словарей, но сложность истории и диалектичность слова как такового иногда является причиной тех или иных неточностей...» [Аль-Кадими 2010: 45].

В связи с указанными проблемами наблюдается неоднозначность и противоречивость данных словарей. Так, например, лексема *мишура* некоторыми исследователями расценивается как слово, имеющее арабское происхождение. Ср.: *мишура* – «[ар.] – 1) позолоченные или посеребрённые металлические нити, идущие на парчовые ткани, галуны, канитель и пр.; 2) *показной блеск без внутренней ценности, поддельная роскошь» [БСИСБ]; «(< араб. *muzevvere* подделка). 1. Медные посеребрённые или позолоченные нити, идущие на *галуны*, на елочные украшения. 2. *перен.* О показном блеске без внутреннего содержания» [ТСИСК]. По другим источникам данный факт является сомнительным и неподтвержденным. Ср.: «Этимология неясна. ... Иногда возводят к араб. *muzaw-war* – «поддельный», «фиктив-

ный», от *zāra* и – «подделывать». Фонетически это невозможно, если не предположить, что слово на русской почве подверглось переосмыслению» [ИЭСЧ-1: 536].

Неоднозначно происхождение слова *магарыч*, которым в простонародье называлось угощение после выгодной сделки; ср.: «Почему-то для этой русской традиции не нашлось русского слова. Пришлось заимствовать из татарского, который в свою очередь заимствовал его из арабского, где *makharidj* означает «расходы, траты» [ЭСК]. В историко-этимологическом словаре П.Я. Черных отмечается: «Как полагают, первоисточник – араб. *maḥāriġ* (pl. *maḥraġ*) – «выход», «исход», «издержки», также «черный ход», «увертка», «уловка» ... Но пути проникновения неясны. ... То обстоятельство, что древнейший случай употребления этого слова (причем в форме *могорец*) связан с Новгородом, позволяет сближать с *позднелат. Magarisium* – «род дара, подношения», – – словом, отмеченным еще Миклошичем, но темным в этимологическом отношении, м.б., также арабского происхождения...» [ИЭСЧ-1: 502].

Во многих современных исследованиях ведется дискуссия относительного арабского происхождения целого ряда слов. См., в частности, диссертационное исследование Аль-Кадими Махмуда Гази Чаллюба (2010). В работе исследователя единицами арабского происхождения (в отличие от данных ряда словарей русского языка) признаются заимствованные русским и другими языками слова *банан, кабель, камфара (камфора), каблук, майдан, ракетка, секрет* и др. Некоторые из доказательств (в том числе основанные на данных арабских лексикографических источников) представляются нам интересными и заслуживающими внимания. Ср.: «Все русские словари пришли к единому мнению, что слово «майдан» [тюрк. *maidan* ровное, свободное место] – в южных областях России – базарная площадь [Смирнов 2000: 358; Кузнецов: 513]. Но арабские словари дают такое толкование этого слова: *майдан* میدان – это площадь для лошадей. Множественное

число этого слова «ميادين». Арабы называли «майданом место, где проводят скачки лошадей» ... Доказано, что арабский язык древнее тюркского языка. Арабская цивилизация влияла на тюркский язык в то время, когда Турция захватила несколько арабских стран. Очевидно, это слово одно из некоторых слов, которые Турция заимствовала из арабского языка. Но русские словари указывают только на тюркское происхождение этого слова, несмотря на то, что оно больше используется в арабском языке, в понимании арабов «майдан – это площадь войны, площадь, где проводят скачки лошадей. Мы предполагаем, что оно скорее арабское, чем тюркское» [Аль-Кадими 2010: 59]; «Относительно этимологии слова *секрет* можно сказать следующее: а) сходство значений обнаруживается в этом слове в толкованиях арабских и русских словарей. Русский язык воспринял это слово через язык-посредник; б) арабские словообразовательные формы этого слова указывают на его арабское происхождение; в) это слово существовало за 2000 лет до н.э. в аккадском языке с тем же значением. Оно указано в словаре «Babylonisch – Assyrische Lesestücke Riecke-Borger», который толкует это слово так: (sakartu (osakaru) (sik – Kuru), «Trunkenheit»), т.е. задвигающий засов и опьянение. Такое слово употреблено в легенде о спуске богини Иштар в подземный мир. В легенде говорится: откройте дверь, иначе я буду ломать «sik – ku – ru», т.е. засов (BaBylonisch-Assyrische lesestücke). Именно поэтому можно предположить, что это слово арабское по происхождению, соотносящееся со словом (سكر) или со словом سكر в двух его значениях: первом: «опьянение – прекращение действия ума», втором: «закрывать и запирать» ... Но М.Фасмер в «Этимологическом словаре» относит его также к лат. языку: «secretus» (Фасмер, т. III, 1964: 593). Такое разногласие между М.Фасмером и Л.Н.Смирновым указывает на то, что они не полностью уверены в правильной этимологии этого слова, указывая на две разные словесные единицы: «secretum и secretus». Как может исследователь узнать правильное происхождение слова *секрет* от «secretum или secretus»? Все это не

может противостоять утверждению, которое указывает на арабское происхождение этого слова» [Аль-Кадими 2010: 63-64].

Проведенное нами исследование относительно этимологии арабизмов показывает, что многие аспекты проблемы статуса и квалификации заимствованной лексемы как арабизма являются в настоящее время весьма спорными. Сказанное касается в том числе вопросов этимологии многих арабизмов и их семантики как в плане диахронии, так и в плане синхронии. Например, лексическая единица *алкоголь*, включенная практически во все этимологические словари и справочники русского языка и трактуемая как типичный пример лексического заимствования из арабского языка, при детальном рассмотрении показывает неоднозначность ее восприятия как арабизма.

Как показал проведенный нами анализ, авторы большинства русских этимологических, исторических и толковых словарей, в том числе словарей иностранных слов русского языка (ИЭСЧ, СИРС, ЭСШ, ЭСФ, ЭСС, ТСИСК, СИРС, СД, ТСУ и др.), «единодушны лишь в указании на арабский источник происхождения слова *алкоголь* и его самую общую денотативную отнесенность. Конкретные же формы арабского этимона, пути проникновения соответствующего словесного знака в систему русского языка, становление его современной семантической структуры ... трактуются в подобных работах достаточно неоднозначно» [Загоровская 2017:].

Осуществленные нами исследования, в том числе на материале Словаря Халиля ибн Ахмада аль-Фарахиди «Аль-Айн», отражающего арабский язык VIII в. и изданного в Бейруте в 2003 г., «позволяют утверждать, что еще в VIII в. в арабском языке существовало два разных слова, близких по написанию, но принципиально различных и по звучанию, и по значению: *الكحل* ‘порошкообразная сурьма’ и *الكحول* ‘винный спирт’. Данные слова, разница в произношении, материальной форме и значении которых в арабском языке, очевидная для его носителей и проясняемая при использовании си-

стемы знаков харакат, в «неогласованном» написании, а также и в живом звучании могли восприниматься европейцами как одно и то же слово, звуковой и формальный облик которого мог быть передан в европейских языках или совершенно одинаково, или несколько различно в отношении гласных звуков. Последнее обстоятельство и обусловило, на наш взгляд, появление переданных с использованием латинской графики вариантов al-koḥl, (al-)kuhl, kuḥūl, kuhul, отмеченных в этимологических словарях русского языка при объяснении происхождения слова *алкоголь* и указании на его арабский этимон, а также разногласий в трактовке значений арабских лексем.

На наш взгляд, можно предположить, что в средневековую латынь из арабского языка попали два различных арабских слова: *الكُحْل* ‘порошкообразная сурьма’ и *الكحول* ‘винный спирт’, – различных по написанию в арабских текстах (основанных на использовании консонантной графики), но похожих по звучанию и по причине подобного совпадения соединившихся в сознании европейцев в один языковой знак, который в латинской графике мог представлять в виде нескольких написаний, а с точки зрения семантики включал в себя два различных лексико-семантических варианта. Думается, что именно такая полисемичная лексема была воспринята позже рядом западноевропейских языков, в том числе немецким, ставшим, как отмечается практически во всех этимологических словарях русского языка, языком-посредником для перехода слова *алкоголь* в русский язык. Таким образом, изложенные выше рассуждения позволяют говорить о существовании двух различных арабских этимонов для слова *алкоголь* как единице системы национального русского языка: 1) *الكحول* (al-kuḥūl) (аль-кухуль) в значении «спирт/винный спирт/спиртные напитки» и 2) *الكُحْل* (al-kuhl) (аль-кухль) в значении «порошкообразная сурьма». Данные этимоны имеют различные корни (соединенные с артиклем al), которые в арабском языке и звучат, и пишутся по-разному» [Загоровская 2017:].

Проведенный анализ этого и других слов показал глубокие проблемы этимологического и лексико-семантического характера, возникающие при квалификации заимствованного слова. На наш взгляд, при отнесении заимствованной единицы к арабизмам следует учитывать многие факторы: фонетический облик слова, семантику языкового знака, его словообразовательную структуру (в том числе в языке-источнике), его соотносимость в функционирующими в настоящее время и бытовавшими ранее в арабском языке словами. Именно на основе перечисленных признаков, а также на основе данных лексикографических источников (русскоязычных и арабоязычных: толковых словарей арабского языка, отражающих различные этапы его истории), а также специальных разработок арабских лингвистов-этимологов, которые, насколько нам известно, в настоящее время приступили к подготовке большого этимологического словаря арабского языка, может быть адекватно обозначен корпус арабизмов русского языка. В настоящей диссертационной работе многие из названных критериев были применены для выявления корпуса лексики арабского происхождения современного общественно-политического дискурса (см. основной состав корпуса в Приложении 1).

2.2. Тематическая классификация лексики арабского происхождения, функционирующей в современном русском общественно-политическом дискурсе

Анализ текстов современного медиапространства, формирующих современный общественно-политический медиадискурс, позволил выявить корпус слов, имеющих арабское происхождение и входящих в число актуальной лексики русского языка. Под актуальной лексикой вслед за Н.В.Черниковой, мы понимаем лексические и фразеологические единицы,

которые являются экспликаторами лингвоментальной категории актуальности, аккумулирующей социально значимые в конкретный период ментальные и языковые знаки. К числу квалифицирующих признаков данной категории, по мнению Н.В.Черниковой, относятся следующие: а) универсальность, обусловленная наличием в этнической лингвокультуре на каждом историческом этапе актуальных ментальных и языковых единиц; б) хронологическая маркированность (обусловленность фактором времени), детерминирующая состав актуалем и их вербальных коррелятов в определенный период жизнедеятельности социума; в) социокультурная детерминированность, проявляющаяся в социальной релевантности актуальных ментальных и языковых единиц, их адекватности конкретным социальным обстоятельствам и культурно-ценностной системе социума; г) содержательная насыщенность, эксплицирующая семиотический состав (наполняемость) категории актуальными ментальными и языковыми единицами, которые отражают разные сферы социального опыта, общественной практики и культурных знаний (политика, экономика, идеология, социальная сфера и т.п.); д) динамичность, предполагающая временный характер актуальности смыслов и узусальной частотности эксплицирующих их языковых единиц, непрерывное обновление знакового состава категории [Черникова 2008: 11].

В составе актуальной лексики русского языка некоторыми исследователями выделяется особый пласт актуальной политической лексики, единицы которого в лингвистических исследованиях нередко обозначаются термином «ключевые слова». Ср.: «Ключевые слова общественно-политического дискурса (Schlagworte) являются предметом постоянного внимания зарубежных лингвистов, поскольку позволяют реконструировать видение определённых исторических периодов сквозь призму языка. В связи с отсутствием подходящего эквивалента для адекватного перевода данного понятия на русский язык представляется целесообразным ввести понятие «ключевое слово эпохи», более точно отражающее сущность этих языковых

единиц» [Гордеева 2006: 4]. В русистике термин «ключевые слова», используемый в работах Е.А.Земской, Ю.Н.Караулова, Н.А. Клушиной, Какориной, Т.В.Шмелевой, призван обозначить круг единиц, формирующих общую «сюжетную» событийную основу той или иной исторической эпохи и господствующие политические и культурные концепты (ср.: [Земская 1996; Какорина 2008, с. 543; Клушина 2003, с. 271]).

Для выявления корпуса арабизмов (в широком понимании термина) общественно-политического дискурса и их тематической классификации нами было проведено исследование языковых особенностей текстов, относящихся к современному русскому общественно-политическому дискурсу. Основными источниками исследования являлись тексты российских информационных агентств и аналитические материалы российских электронных газет, посвященные общественно-политической тематике. Выбор источников исследования объяснялся предположением о том, что тексты названной тематики в современных российских СМИ в настоящее время могут быть особенно информативными с точки зрения представленности в них лексики арабского происхождения в силу особенностей международной ситуации в современном мире, активизации деятельности различных террористических группировок, образованных в том числе в целом ряде стран арабского мира, а также в силу многочисленных военных и политических конфликтов на территории арабских стран.

С точки зрения тематической принадлежности основной корпус арабизмов, функционирующих в современном русском общественно-политическом дискурсе и репрезентирующих концептуально значимые понятия и реалии современной жизни, ожидаемо представлен словами актуальной политической лексики и фразеологии, т.е. единицами, в семантике которых так или иначе отражена политическая, идеологическая и социальная организация общества. По мнению исследователей, в составе актуальной ПЛФ русского языка новейшего периода выделяются три тематических

блока: «Государство», «Политика. Политическая деятельность» и «Идеология», границы которых являются подвижными, что отражает взаимосвязь и взаимопресекаемость соответствующих понятий в экстралингвистическом плане (ср.: [Сальман 2008: 55]). Внутри каждого из тематических блоков происходит дальнейшая систематизация языкового материала по тематическим группам. В обобщенном виде тематическая классификация основного состава лексики общественно-политического дискурса может быть представлена следующим образом:

1. Тематический блок «Государство» представлен лексемами, значения которых отражают: а) типы и формы государственной власти, принципы государственного устройства; б) государственные органы законодательной и исполнительной власти; в) единицы административно-территориального деления; г) лиц по отношению к гражданству, подданству; д) лиц по отношению к избирательному праву и административно-политическим нормам; е) высших государственных должностных лиц, глав властных органов, государственных служб, органов самоуправления; ж) реалии, связанные с проявлением государственной деятельности (и антидеятельности); з) официальные документы.

2. Тематический блок «Политика. Политическая деятельность» состоит из двух групп. В составе первой группы «Внутренняя политика. Внутриполитическая деятельность» выделяются подгруппы: а) политические объединения и организации; б) политические лица (фигуры, представители партий, сторонники течений, члены организаций); в) деятельность организаций и лиц, взаимоотношения между субъектами политических отношений, политические процессы (выборы). В составе второй группы «Внешняя политика. Внешнеполитическая деятельность» отмечаются единицы, в которых в соответствии с их семантикой находят отражение те или иные аспекты мировой политики, а также специфика внешнеполитического курса России. Отдельной группой данной подгруппы являются наименования междуна-

родных организаций и межгосударственных образований, а также номинации лиц.

3. Тематический блок «Идеология» включает группу словесных единиц, называющих политико-идеологические и религиозные течения и направления и соответствующие номинации лиц.

Как показал анализ, арабизмы встречаются в составе единиц каждого из тематических блоков актуальной политической лексики, однако характеризуются разным количественным составом.

Так, например, в тематическом блоке «Государство» в составе соответствующих подгруппы нами отмечены следующие арабизмы: *султанат, халифат, эмират, эмир, имам, шейх, меджлис, Ракка, Эль-Джеффра, Дейр-эз – Зора, Дахук* и др. Ср. дефиниции данных слов по данным разных лексикографических источников и примеры использования арабизмов в текстах общественно-политического дискурса:

султанат – «(< тур., араб. – см. султан). Монархическое государство, во главе которого стоит *султан*» [ТСИСК]; «1. Власть султана. 2. Монархическое государство во главе с султаном» [МАС-3]; ср.: *Кроме того, российская "оборонка" может поставить себе "в плюс" заинтересованность султаната Брунея в приобретении у РФ средств ПВО, комплексов береговой обороны и быстроходных катеров (РИА Новости, 19.04.2012); Последним громким событием стал необъявленный визит главы израильского правительства в Оман, после которого глава МИД султаната Юсуф бин Алави бин Абдулла назвал Израиль частью Ближнего Востока и фактически призвал арабские государства пересмотреть свою позицию относительно права израильтян на государственность (НГ, 06.11.18);*

эмират – «(< араб. 'amīr эмир). Государство или владение феодала в странах Азии и Африки, возглавляемое *эмиром*» [ТСИСК]; *эмир* – «В странах мусульманского Востока: титул военачальника, правителя, а также лицо, носящее этот титул» [МАС-4]; ср.: *Не менее значимы и соглашения по со-*

трудничеству с Mubadala Petroleum, компанией, подконтрольной правительству эмирата Абу-Даби ... (Известия, 24.06.14); В марте 2014 года Саудовская Аравия, Бахрейн и ОАЭ отозвали своих послов из Катара в знак протеста относительно действий эмирата в других странах (НГ, 28.10.18); Главное, что подпись на мирном документе представителя противников Асада покажет, что тренд изменился и дело идет к примирению с Дамаском. А значит, Эр-Рияду и Анкаре пора искать пути взаимодействия с ним, как это уже сделал катарский эмир (Известия, 31.10.13); По некоторым данным, эмир Тамим бин Хамад Аль Тани посетил Анкару в разгар финансового кризиса и якобы привез с собой чек на сумму 15 млрд долл. для поддержки турецкой валюты (НГ, 28.10.18).

Тематический блок «Политика», в частности, подгруппа «Внешняя политика. Внешнеполитическая деятельность», характеризуется наибольшей представленностью в количественном отношении слов-арабизмов.

Так, например, в состав данной подгруппы группы входит арабизм *интифада* – «< араб. intifāda восстание). Борьба арабов с Израилем на оккупированных им территориях» [ТСИСК]; «[арабск. – «вытряхивание»] – массовое выступление палестинцев на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа против израильской оккупации (во главе с Организацией освобождения Палестины); освободительное движение арабов в Палестине» (СИСК); ср.: *Первая палестинская интифада (1987-1991) – борьба палестинцев против израильской оккупации территорий, завоеванных в ходе Шестидневной войны 1967 года. В 2000 году началась вторая интифада, поводом к которой послужило посещение премьером Израиля Ариэлем Шароном и группой его сторонников Храмовой горы (РИА Новости, 08.07.19); В четверг с провозглашением новой интифады – палестинского восстания глава Политбюро ХАМАС Исмаил Хания (ИТАР ТАСС) и др.*

Интересным для анализа является относящееся к данной тематической подгруппе слово *саммит*. В большинстве русскоязычных словарей и слова-

рей иностранных слов лексема *саммит* обычно квалифицируется как заимствование из западноевропейских языков. Ср.: саммит [англ. Summit букв. Вершина, верх]. Встреча, переговоры глав государств, правительств [6:690]; *саммит* – встреча на высшем уровне политического руководства. ▲ Получило широкое распространение в последние десятилетия XX в. ▲ Из англ. Полит. Summit – «высшие сферы», «переговоры, встреча глав правительств» [ТСРЯ-АЛ: 398]. Проведенные нами специальные этимологические разыскания с привлечением авторитетных арабских словарей, указывающих на наличие названного слова и в древнем арабском языке, и в современном, позволяют считать его опосредованным арабским заимствованием, которое восходит к арабскому этимону, но пришло в русский язык через западноевропейское посредство.

В составе рассматриваемой подгруппы наиболее многочисленными при подсчете арабизмов оказываются тематические группы «Партии и политические движения», «Военные и террористические организации и группировки». Ср., например:

талибан («Талибан») – исламское религиозно-политическое движение, захватившее власть в Афганистане в конце XX в. [ТСИСК], ср.: *На заседание было приглашено руководство политического офиса радикального движения "Талибан" (запрещено в РФ) в Дохе* (<https://tass.ru/politika/5720854>);

талиб – «участник, член Талибана»; ср.: *США ведут с талибами переговоры об урегулировании в Афганистане и выводе американских войск* (РИА Новости, 11.08.19);

талибский – «относящийся к талибану»; ср.: *Важность заключается в том, что, как сообщают, он получает полномочия от высшего талибского руководства принимать решения на месте* (РИА Новости, 08.02.19);

Аль-Каида – «исламская террористическая организация, возникшая в 1988 г. в Афганистане» [СНСШ], ср.: *Роль самозванного защитника уйгуров, исповедующих ислам, взяла на себя организация «Исламский Магриб»*

(AQIM), одна из группировок, причисляющих себя к «Аль-Каиде». Она потребовала начать кампанию мщения против Китая (НГ, 15.07.09);

Хезболлах (Хесболлах, Хизбаллах, Хизболлах, Хез-баллах) – «фундаменталистская исламская организация, действующая на территории Ливана с 1982 г.» [СНСШ]; ср.: Израиль не поддерживает ни одну из сторон конфликта и не принимает участие в переговорах по Сирии, при этом израильская авиация регулярно осуществляет рейды на территории арабской страны против бойцов ливанской шиитской группировки "Хезболлах", участвующей в боевых действиях на стороне сирийских правительственных сил» (<http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4650716>);

Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами – «международная террористическая организация» (араб. – «Партия исламского освобождения»; суннитская религиозно-политическая организация, созданная в 1952 г. в г. Куддусе судьей шариатского апелляционного суда Такиудином ан-Набхани (1909 – 1977/79)»; ср.: У нас за последние два года ячейки таких экстремистских организаций, как «Хизбут-Тахрир», «Аль-Исламия», были обнаружены в экзотичных местах типа Нового Уренгоя, Тюмени, Норильска (Комсомольская правда, 01.11.13).

Тематический блок «Идеология» в своем составе пересекается с тематическим блоком «Политика» в части обозначения различных политических группировок. Однако весьма интересной подгруппой в составе тематического блока «Идеология» можно считать единицы, входящие в состав лексико-семантической группы «Средства массовой информации» и представляющие собой названия телеканалов, газет, информационных порталов: *Аль-Маядин, Аль-Ахмбар, Альджазира, Ramalla News, Аль-Арабия* и др. Например:

Аль-Хадас – «телевизионный канал, представляющий официальную позицию режима Саудовской Аравии; ср.: Ливийская национальная армия (ЛНА) фельдмаршала Халифы Хафтара намерена в скором времени начать наступление на город Сирт, расположенный в 500 км восточнее столицы.

Об этом сообщил в субботу телеканал "Аль-Хадас" со ссылкой на собственные источники (НГ, 16.05.29);

Аль-Ахбар – «ливанская газета»; ср.: *Премьер подозревается в причастности к отмыванию денег через принадлежащую ему саудовскую фирму "Сауди оже", которая в июле объявила о своем банкротстве. Согласно информации "Аль-Ахбар", по этому поводу проводится расследование, речь идет о сумме в \$7 млрд. Сам Харири в интервью принадлежащей ему телестанции "Аль-Мустакбаль" отверг все эти подозрения, сообщив, что проводил "консультации" с саудовским руководством о своих дальнейших политических шагах (ИТАР ТАСС, 23.11.10).*

С другой стороны, тематический блок «Идеология» содержит значительное число арабизмов, относящихся к тематической подгруппе «Религия, верования, религиозные образования». Как известно, религия в арабском мире играет другую роль, чем религия в мире западном. Ислам проникает во все сферы жизни мусульманского общества, определяет характер экономических отношений и формы политического администрирования, социальную культуру и быт мусульман. Религия на Востоке играет интегрирующую функцию, а ислам приобретает статус основы государства и получает роль универсальной нормативной системы. По этой причине существующие в русском языке арабские заимствования религиозного содержания так многочисленны.

В современном русском общественно-политическом дискурсе высокочастотными арабизмами следует считать такие лексические единицы, как *Коран, ислам, мусульманин, аллах, мулла, муфтий, моджахед, суннит, шиит, рамадан, хадж, шариат, мечеть* и др. Многие из словесных знаков используются для обозначения реалий мусульманского мира (на территории России и за ее пределами). Например:

Ислам – «[араб. islam, букв. предание себя, подразумевается – воле аллаха] (книжн.). Магометанская религия, мусульманство» [БСИС], «(< араб.

islam покорность воле Бога). Одна из наиболее распространенных мировых религий, основными догматами которой являются поклонение единому Богу – Аллаху и признание Мухаммеда «посланником Аллаха»; *исламский* – относящийся к исламу» [ТСИСК]: ср.: *В заявлении духовного лидера русского православия прочитывается не разделение в рамках христианской культуры, а признание культурного сродства с иной религиозной традицией – исламом (НГ, 06.08.19);*

муфтий – «(*араб.* mufti высказывающий мнение; толкователь законов). Высшее духовное лицо у мусульман, имеющее право решать религиозно-юридические вопросы, давать разъяснения по применению *шариата*» [ТСИСК];

муфтият – «(от *араб.* مفتي muftī) – самоуправляющаяся централизованная религиозная организация, объединяющая на добровольных началах мусульманские религиозные учреждения (культовые и учебные заведения), а также жителей проживающих на определённой территории, для совместного исповедания и распространения ислама. Возглавляется муфтием»; ср.: *Региональное духовное управление мусульман Свердловской области под председательством Радифуллы Гиндуллина, Централизованная религиозная организация «Духовное управление мусульман Свердловской области (Центральный муфтият)» во главе с Абдуль Куддусом Ашариным, Муфтият Урала и Свердловской области, его лидер Фаузи Сидо, Духовное управление мусульман Урала (Уральский муфтият), руководитель которого – Сибагатулла Сайдуллин, и Мусульманское духовное собрание Свердловской области под управлением Фарита Набиуллина. У последних четырех организаций своих мечетей в Екатеринбурге нет (НГ, 06.08.19);*

шариат – «(*араб.* šar'at). Совокупность религиозных и этических норм, основанных на Коране» [ТСИСК]; ср.: *В Нигерии действует радикальная исламистская группировка "Боко Харам". Ее боевики выступают*

против западной модели образования и добиваются введения шариата по всей стране (РИА Новости, 07.08.19);

суфизм – «направление в исламе, возникшее в 8 в., отрицающее мусульманскую обрядность, проповедующее аскетизм» [ТСИСК]; ср.: *С приходом мусульман в XI веке (ислам предусматривает равенство правоверных) и распространением духовных практик бхакти и суфизма кастовость начала отступать из религиозной и политической жизни»* (<https://tass.ru/opinions/4987687>);

суннит – «последователь суннизма, одного из двух направлений в исламе (наряду с шиизмом), сторонники которого признают источником веры, наряду с Кораном, Сунну» [ТСИСК]; ср.: *Йемен – небогатое арабское государство на юге Аравийского полуострова. Численность населения – более 25 млн человек, из которых больше половины – сунниты, проживающие на юге страны, остальные – шииты, которые занимают северную часть Йемена* (<https://russian.rt.com/world/article/372447-yemen-sunity-husity-protivostoyanie>);

Курбан-байрам, или 'Ид аль-адха (араб. عيد الأضحى – праздник жертвоприношения) – «исламский праздник окончания хаджа»; ср.: *В России день, приходящийся на Курбан-байрам, рабочий, но в республиках с большой долей мусульманского населения (Адыгея, Башкирия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Татарстан, Чечня и Крым) он также официально объявлен выходным (РИА Новости, 29.08.11) и др.*

Указывая на многочисленность арабизмов, представляющих в современном русском общественно-политическом дискурсе тематическую группу «Религия, верования, религиозные образования», следует отметить, что в настоящее время происходит не только актуализация многих словесных единиц названной группы и повышение частотности их употребления в русских публицистических текстах, но и углубление в русском языковом сознании семантики целого ряда лексем (прежде всего относящихся к важ-

нейшим понятиям мусульманства: *хадж, Рамадан, шариат* и т.п.) с учетом традиционной для конфессиональной лексики в целом двуплановости и обращенности не только к бытовому, но и религиозному сознанию (ср. подобную семантическую двупланность в русской православной лексике [Загорская 2014]). Для доказательства данного утверждения необходимы, безусловно, более глубокие специальные разыскания, связанные анализом языкового сознания носителей современного русского языка.

Как видно из приведенного материала, во всех указанных выше тематических разрядах арабизмов широко представлена специальная лексика, в том числе термины (общественно-политические, военные, религиозные и др.), представляющие собой номинации специальных понятий, а также номенны, т.е. номенклатурные обозначения.

Как показал анализ, русский общественно-политический дискурс не ограничивается исключительно сферой политики и идеологии, а включает и многие другие составляющие. В современном русском общественно-политическом дискурсе функционируют слова арабского происхождения при номинации понятий сферы экономики и культуры, быта и досуга социума. К числу тематических групп арабизмов, имеющих опосредованное смысловое отношение к общественно-политическому дискурсу и представляющих «перемещенные» тематические группы, относятся такие ТГ, как «Предметы быта, туалета, одежды и обуви», «Пища и напитки», «Растительный и животный мир», «Традиции и обычаи». Ср., например, арабизмы *алкоголь, газель, альбатрос, анаша, имбирь, кофе, абрикос, хиджаб, гарем, халяль, гашиш* и др. Переходное положение между названными выше разрядами арабизмов в современных русских общественно-политических текстах занимают ТГ «Научная терминология», «Экономика и промышленное производство», «Географические объекты и природно-климатические явления», «Наименований лиц», последняя из которых включает в себя значительное

количество имен собственных разных видов. Ср.: *азимут, зенит, алгебра, нефть, бензин, цифра, тариф, арсенал*, и др.

Так, в медиапространстве современных СМИ используются арабизмы *казна, тариф, цифра, нефть, алкоголь и др.* Подобные единицы регулярно встречаются в текстах СМИ на социально значимые темы. Например: *Министр уверен, что более 80% китайского арсенала составляют ракеты с дальностью полета от 500 до 5500 км. (НГ, 04.08.10); Мировой спрос на нефть в этом году будет на 90 тыс. баррелей в сутки (б/с) ниже, чем ожидалось еще в апреле (Коммерсантъ, 11.08.19); В тот же день были повышены налоги на табачную продукцию и алкоголь. Цель жестких мер – сократить дефицит госбюджета. До сих пор на субсидии шла почти треть расходов из казны (Известия, 07.07.14); По версии следствия, ОПС, занимавшееся поставками гашиша из Марокко в страны Евросоюза и Россию, еще летом 2012 года организовал криминальный авторитет из Молдавии Олег Прутяну (Коммерсантъ, 11.08.19); Также в программе KAZANSUMMIT 2010 – круглый стол по инновационной политике, Форум халяльной индустрии, выставка KAZANSUMMIT: инновации и инвестиции, семинар консалтинговых компаний, бизнес встречи, презентации инвестиционных проектов, международная ярмарка KAZANHALAL 2010, которая пройдет под девизом «Халяль как образ жизни (РИА Новости, 2010.06.17); В марше приняли участие главным образом мусульмане, а также представители различных религиозных меньшинств. По мнению манифестантов, запрет на религиозную одежду способствует исламофобии и является дискриминацией женщин, носящих хиджабы (НГ, 08.04.10) и др.*

Как показывает анализ, арабизмы общественно-политического дискурса во многих случаях являются экзотизмами, или – по другой терминологии – безэквивалентными лексическими единицами, обозначающими специфические реалии арабской культуры, отражающие национальные особенности этноса. Ю.Е.Власова подчеркивает, что с помощью географических

реалий возможно изучение особенностей географического положения арабских стран, их климат, благодаря этнографическим реалиям возможно понять внутренний уклад, культурный уровень, историю арабоязычных народов, их обычаи и традиции. Посредством общественно-политических реалий фиксируются происходившие в арабском мире в прошлом и происходящие сейчас разнообразные социальные и политические процессы. «Это происходит потому, что чутко лексика реагирует на все изменения в общественной жизни и отражает их в словарном запасе языка» [Власова 2014: 40].

С другой стороны, в исследуемом дискурсе отмечается немало лексем арабского происхождения, обозначающих общие абстрактные понятия, а также реалии русской жизни, потерявшие в процессе исторического развития арабский (восточный) колорит или вообще не имевшие его.

2.3. Лексика арабского происхождения с точки зрения типологических особенностей

Анализируемые в диссертационном исследовании единицы могут быть систематизированы по их типологическим особенностям. Подобная классификация может осуществляться по следующим критериям:

- 1) с точки зрения характера источника заимствования;
- 2) с точки зрения формальной близости к арабскому этимону;
- 3) с точки зрения структурных и морфологических характеристик.

2.3.1. Типы исследуемых единиц с точки зрения характера источника заимствования

На основе критерия «характер источника заимствования» слова, восходящие к арабским этимонам, могут разграничиваться на две группы: 1) относящиеся к заимствованиям прямым (непосредственным) и 2) относя-

щиеся к заимствованиям опосредованным. Прямые заимствования представляют собой единицы русского языка, для которых непосредственным источником явился арабский язык; косвенные заимствования – единицы, появившиеся в русском языке благодаря языку-посреднику.

Как известно, несмотря на то что носители русского и арабского языков никогда не проживали одной земле или на смежных территориях, языковые контакты между народами существовали с давних пор. Отсутствие общих границ, несходство фонетической и грамматических систем определенным образом отразилось в факте наличия в русском языке небольшого числа прямых заимствований из арабского языка. По подсчетам исследователей и на основе проведенных нами разысканий, количество таких единиц варьируется от 50 до 100, причем абсолютное большинство прямых заимствований – слова религиозного содержания. Лексикографические источники указывают на прямой путь попадания лексемы в русский язык из арабского для таких единиц, как *аллах, адат, муфтий, намаз, газават, шиит, суннит, имам, хадис, мечеть, ислам, кааба, кадий, Коран, мазар, медресе, минарет, мулла, муэдзин, намаз, рамазан, сеид, улем, хадж, хаджи, газават, мусульманин, фетва* и др. Ср.: *мюрид* [араб.] – «послушник, последователь, ученик ишана или шейха, воспитываемый в духе беспрекословного подчинения» [СИСК]; *набоб* – «[<ар.] – 1) титул правителей индийских провинций, отколовшихся от империи великих моголов; 2) в Англии и Франции в 18 в. – человек, разбогатевший в колониях, гл. обр. в Индии; быстро разбогатевший человек, богач, жизнь которого отличается восточной пышностью» [СИСК] и др.

Активны в современном русском общественно-политическом дискурсе и другие прямые заимствования-арабизмы, в семантике которых семы «государственный», «общественный», «социальный», «политический» в явном виде не присутствуют. Как прямые заимствования нами рассматриваются единицы типа *зенит, надир, яшма, цифра, хна, атлас, сель, шайтан,*

гашиши, кайф и др. Ср. их использование в общественно-политических контекстах: *В 2005–2006 годах агентство было выведено из подчинения ССГО Грузии и передано в подчинение МВД республики. Именно этому ведомству в 2004 году, когда оно находилось в зените славы, а его начальник Вано Мерабишвили был серым кардиналом всей Грузии, передавались полномочия слежки за неудобными лицами (Известия, 09.10.12); Тайфун «Талас» стал для Японии самым жестоким за последние годы. ... Тайфун подбирался незаметно, постепенно наращивая скорость с 15 метров в секунду (Известия, 05.09.11); Многих туристов уже не удивишь пятизвёздочным отелем. Когда они выезжает в Ленобласть, им нужен кайф. Кайф от природы (Коммерсантъ, 05.06.19); Собственно, сама операция по введению безвизового режима в ЕС для украинцев изначально состояла в том, чтобы, выражаясь языком китайских стратагем, обменять кирпич на яшму (РИА Новости, 26.12.17) и др.*

Попадая в русский язык, арабские заимствования (как и другие) проходят процесс фонетической адаптации. Поскольку арабский и русский языки относятся к совершенно разным звуковым системам, то процесс фонетического освоения арабских слов в русском языке имеет специфические особенности. А.Н. Бахтиярова и Ф.Г. Фаткуллина замечают, что «системе согласных звуков двух языков очевидны значительные количественные и качественные различия: в русском языке 36, а в арабском – 28 согласных. В арабском языке присутствуют звуки, которые для русского языка не характерны и для носителей русского языка их артикуляция весьма затруднительна (например, фрикативные межзубные [с] и [з], эмфатические [с], [з], [д] и [т], гортанные звуки [хамза], [х], [х] и [айн] и др.). В русском языке есть согласные звуки, которые отсутствуют в арабском языке (например, смычно-взрывной [п], смычно-щелевые (аффрикаты) [ч] и [ц], щелевые (фрикативные) [в] и [ш'] и др.). В русском языке присутствует разделение согласных звуков на твердые и мягкие, звонкие и глухие. Все данные оппозиции отсут-

ствуют в арабском языке. Отмеченные различия в фонетических системах двух языков отразились на заимствованных словах и проявились рядом типичных фонетических изменений» [Бахтиярова 2015: 6126].

Так, арабская аффриката [дж] заменяется на смычно-щелевой русский согласный звук:

مسجد[масджид] – мечеть,

مخاريج[махаридж] – магарыч.

Гортанные звуки [х] и [х] соответствуют заднеязычному щелевому согласному звуку [х]:

حرام ، حريم[харам] – гарем,

حشيش[хашиш] – гашиш,

Кроме того, в лингвистике существует мнение, что прямые заимствования в момент появления в языке-реципиенте представляют собой однозначную единицу, так как происходит заимствование, как правило, только одного значения этимона. Исключение составляют некоторые экзотизмы, многозначность которых «переносится» из языка-источника [Крысин 2000], что подтверждается рассматриваемым материалом. Например, лексема *рамазан* (*рамадан*) в языке-источнике и русском языке: *рамадан* (*рамазан*) – «1) девятый месяц мусульманского лунного календаря»; «2) сорокадневный строгий пост у мусульман»; лексема *шейх* – «1) у арабов: глава рода, племенни», «2) представитель высшего мусульманского духовенства, богослов и правовед» [ТССЕ]. Как считает О.И. Александрова, «объяснить подобный факт можно безэквивалентностью экзотической лексики. Если один экзотизм обозначает две реалии, свойственные культуре народа, говорящего на языке, послужившем источником такого экзотизма, то язык-реципиент использует данный экзотизм в обоих значениях» [Александрова 2011: 46].

В тех случаях, когда слово заимствовано опосредованно, процесс заимствования нередко отражает произошедшие в семантической структуре заимствования изменения языков следования. В языке-посреднике арабское

слово могло функционировать в своем значении, а могло приобрести новые значения, которые потом попали вместе со словом в русский язык. О.И. Александрова отмечает такую особенность подобных лексем: в тех случаях, когда лексическая единица служит для номинации реалий культуры народа, носителя языка-посредника, арабские по происхождению слова для русского языкового сознания являются «вдвойне» экзотичными. В качестве примера исследователь приводит многозначные лексемы арабского происхождения, попавшие в русский язык через язык-посредник, – *набоб* и *сафари*. Ср.: *набоб* – «1) в Англии и Франции человек, быстро разбогатевший в колониях»; на основе последнего значения развилось переносное значение «2) быстро разбогатевший человек, жизнь которого отличается восточной пышностью» [ТСИСК]; *сафари* – «1) заповедник в Африке, в котором разрешена охота на диких зверей», «2) охота в таком заповеднике», «3) одежда прямого покроя из легкой гладкой ткани с карманами и отстрочкой» [ТСИСК] (последнее значение развилось в английском языке на основе метонимического переноса); *факир* – «мусульманский аскет, давший обет нищенства»; «бродячий фокусник» (данное переносное значение развилось во французском языке – *fakir* «в цирке: фокусник, демонстрирующий нечувствительность к боли» [ТСИС]).

Значительно чаще слова, заимствованные опосредованно, развивают новые значения уже на русской почве. При этом может происходить реструктуризация семантической структуры слова и исторически первичные значения могут уходить на периферию. Ср., например, многозначность следующих арабизмов : *фитиль* – 1. Лента, жгут или шнур, служащие для горения в некоторых осветительных и нагревательных приборах. 2. Жгут из мягкого материала, пропитывающийся каким-нибудь жидким составом. 3. Горючий шнур для воспламенения зарядов, для передачи огня на расстояние при производстве взрывов (ТСК); *магазин* – 1. Торговое предприятие, про-

дающее товары в розницу; помещение, приспособленное для такой продажи... 3. *Устар.* Склад, помещение для хранения каких-либо запасов (ТСК).

С другой стороны, многие многозначные слова языка-источника сохраняют свои значения и в языке-посреднике, и в русском языке. Например, заимствованное через французский слово *маска* (арабский этимон которого *مسخرة* – [mashara(t)] – «шут, насмешник» [ТСИСК]) имеет те же значения, что и во французском языке: 1) «специальная накладка на лицо с вырезами для глаз, а также человек с такой накладкой»; 2) «притворный вид, видимость»; 3) «гипсовый слепок с лица умершего»; 4) «предохранительная крышка на лицо»; 5) «в косметике: слой наложенного на лицо крема, лекарственного состава и т.п.» (все эти значения отражены в дефиниции слова, зафиксированной в национальном корпусе французского языка [ср.: Александрова 2011: 46]).

Как показывают исследования, достаточно часто слова арабского происхождения появляются в русском языке в разные периоды его развития опосредованно. Ранние заимствования нередко в качестве языков-посредников имеют тюркские языки (из турецкого языка и в настоящее время заимствуются арабские слова). Процесс интенсификации заимствований из арабского языка посредством тюркских языков наблюдается, по мнению ученых, в период нахождения русских княжеств в составе Улуса Джучи (1240–1480 гг.), особенно после принятия ислама в качестве государственной религии этого государства в 30-е годы XIV века.

Современные лексикографические издания тюркоязычное опосредованное влияние на процесс заимствования слова арабского языка в русский определяют для таких лексем, как *вали*, *рахат-лукум*, *гяур*, *мазар*, *вилайет* и др. Ср.: *вали* – «(тур. *vali* < араб. *walī* правитель). Правитель вилайета (см. вилайет)» [ТСИСК]; *вилайет* [тур. *vilayet* < ар.] – крупная административно-территориальная единица в Турции, Тунисе и Алжирской народной демократической республике; *гяур* – «презрительное название иноверца у му-

сультман» [ТСИСК]; *рахат-лукум* – «(тур. rahat lokum < араб. rāhat освежение, подкрепление + hulkūm горло). Кондитерское изделие из сахара, муки и крахмала с орехами, с миндалем» [ТСИСК]; *мазар* – «(< тюрк. mazar могила, кладбище < араб.). Место, почитаемое мусульманами как святое (обычно – надгробное сооружение)» [ТСИСК]; *халат* – «данное слово было заимствовано из турецкого языка (*hilat*), где имело значение «кафтан». Происходит от арабского خُلعة (*хил'а*), что можно перевести как «почётная одежда» [ЭСК]; «Через тур. *çilat* «кафтан» из араб. *ḥil'at* «почетное платье» [ЭСФ]. Исследования показывают, что слово *каблук* встречается как минимум с начала XVI века (одни исследователи полагают, что это слово имеет славянское происхождение, иные считают, что оно заимствовано из тюркских языков, куда в свою очередь пришло из арабского (كعب / *кяб* – «пята, пятка»); ср.: «заимствовано из тюркских языков. Тюркское *каблук* (с таким же значением) образовано суффиксальным способом от арабского *каб* – "пятка"» [ЭСК]; лексема *нашатырь* попала в русский язык благодаря тюркским языкам в XVII веке и происходит от арабского نشادر (*нашадыр*), что можно перевести как «аммиак»; ср.: *нашатырь* – «Заимств. через азерб. *nişadyr*, тур. *puşadyr*, тат. *puşatyr* из араб. *puşadir* «аммиачная соль» [ЭСФ]. Интересна трактовка этимологии слова *казна*, которое пришло из тюркских языков примерно в XIV веке и восходит к арабскому слову خَزِينَةٌ (*хазина*), что можно перевести как «сокровище» (в письменном виде впервые встречается в «Сказании о Мамаевом побоище»); ср.: *казна* – «Заимствовано из тюркских языков, где *казна* означает «сокровищница» и восходит к арабскому *chisaneh* – «сокровище» [ЭСК]; «Древнерусское – *казна*. Татарское – *hazna*. Впервые в памятниках письменности встречается в XIV в. и имеет значение «имущество, кладовая». В древнерусский язык слово пришло из языков азиатских народов (скорее всего, татар), где оно употреблялось в значении «сокровищница» [ЭСС]. Лексическая единица *мазут* была заимствована в конце XIX века из турецкого языка. В свою очередь турецкое *mazot* восходит к

арабскому مَخْرُوْلَات (махзулат), под которым понималось «отбросы» или «отходы»; ср.: *мазут* – «Согласно Ушакову (2, 118), из араб. *makhzulat* «отбросы», возм., через тюрк. Но диал. *мазүтина* «грязное, жирное пятно» – от *мазать*» [ЭСФ]; «Заимств. из турецк. яз., где *mazut* восходит к араб. *mahzulāt* «отходы» (после переработки нефти в бензин). В словарях отмечается с конца XIX в.» [ЭСШ].

Ср. использование единиц арабского происхождения с тюркоязычным посредничеством в современном русском общественно-политическом дискурсе: *СК полагает, что если бы деньги действительно были нужны казне, можно было взять бюджетный кредит по более низкой процентной ставке (0,1%) (РИА Новости, 09.08.19); По словам Иванова, вскоре на Шикотане появятся асфальтированные дороги, и женщины смогут ходить по ним на каблуках (РИА Новости, 27.02.19); Районами компактного проживания адыгов являются вилайеты (области) Кахраман-Мараш, Болу, города Адана, Анкара, Бурса, Измир, Кайсери, Самсун, Эрзрум и другие (РИА Новости, 24.04.19) и др.*

Заимствования арабизмов в русский язык посредством латинского и греческого языков происходили в разные периоды истории русского языка. Так, например, лексема *барбарис*, заимствованная русским языком в XVIII веке из латинского языка, восходит к арабскому слову *بربريس* (*бербарис*), означающего «род раковины», потому как данное растение получило такое название благодаря сходству его плодов с раковинной. Ср.: *барбарис* – «заимствовано из латыни, где в Средние века переоформилось из арабского *berbaris* – «берберская раковина». Растение названо по сходству плода барбариса (барбарис – это колючий кустарник с мелкими продолговатыми ягодами) с такой раковинной» [ЭСК]; «растение «*Berberis*», прилаг. барбарисовый, народн. барисовый, смолен. (Добровольский). Заимств. из новолат. *berberis*, откуда франц. *berberis*, англ. *barberry*. Первоисточник слова ищут в араб. Языке» [Фасмер]. Ср. также: алхимия [позднелат. *alchemia* < ар.];

«амулет [лат. *amuletum* < ар.] – предмет, которому суеверными людьми приписывалась способность предохранять людей от болезней, несчастий, "злых чар" и т. п. и который носили на теле» [СИСК].

Посредством греческого языка распространилась в русском лексема *ладан*, которая впервые встречается в «Хождении игумена Даниила», датированном XII веком; ср.: ладан – «Заимствовано в древнерусский период из греческого, в котором *ladanon* восходит к арабскому, где смола, имеющая приятный запах, называется *ladan*» [ЭСК]; «то же, др.-русс. ладань (Хож. игум. Дан.). Из греч. *λάδανον* «смола кустарника *λῆδος*» семит. происхождения: ср. араб. *Lādan*... Сюда же ладан «валериана, копытень, переполошная душица», ладан морской «янтарь», арханг. (Подв.), ладанка «сумочка с ладаном на шее, амулет» (Бернекер)» [Фасмер]; «Заимств. в др.-рус. эпоху из греч. яз., где *ladanon* < араб. *lādan* «пахучая смола»» [ЭСШ].

Многие исследователи в качестве первоисточника указывают арабский язык для лексемы *лимон*. Ср.: лимон – «Это слово заимств. через нов.-греч. *λιμόνι* или непосредственно из ит. *limone* ... Источником ром. слова является араб.-перс. *līmūn*, происходящее из Индии (см. Литтман 83; Петерссон, BSLWortst. 61). Ввиду раннего появления слова в русск. о тюрк. посредничестве говорить нет основания, вопреки Миклошичу (Mi. TEL. 2, 119); см. также Преобр. I, 454» (ЭСФ).

Незначительная часть арабизмов лексикографическими источниками квалифицируется как заимствования из персидского языка. Ср.: *гурии* [перс. < ар.] – «в мифологии мусульман – вечно юные девы рая, услаждающие праведников в раю» [СИСК]; *мусульманин* [< перс. < ар.] – исповедующий ислам.

Через французский язык в русский попали такие слова арабского происхождения, как *арсенал*, *альков*, *шифр* (заимствовано в середине XVIII века), *муссон*, *драгоман*, *жираф* (используется с середины XVIII века), *зенит*, *банан* (слово «банан» получило широкое распространение в русском языке в

начале XVIII в.), *марабу*, *марабут*, *жасмин*, *сироп* (начинает употребляться с XVIII века) и др. Ср. данные словарей иностранных слов и этимологических словарей:

альков – «[фр. *alcove* < ар.] углубление, ниша в стене (обычно служащая спальней)» [СИСК];

шифр [фр. *chiffre* цифра < ар.] – 1) условные знаки для секретного письма; 2) условный регистрационный знак на книгах, рукописях и т. п., определяющий их место при хранении в библиотеках, архивах; 3) уст. то же, что вензель. [СИСК];

жасмин – «заимствование из французского, где *jasmin* восходит к арабскому *jasmin*, имеющему то же значение – название цветка» [ЭСК]; «Французское – *jasmin*. Арабское – *yas(a)min*. Декоративный кустарник с белыми пахучими цветами, который попал в Россию из арабских стран и Южной Азии. В России первоначально употреблялось слово «ясмин», которое представляет собой не что иное, как древнее женское арабское имя (использовалось в форме «Ясаман»). С конца XVIII в. получает распространение современное фонетическое оформление и лексическое значение. Слова с похожим значением и звучанием встречаются во многих языках, например, в португальском (*jasmin*), в турецком (*yasemin*)» [ЭСС];

сироп – «Заимствование из французского, где *sirop* восходит к средне-латинскому *siropus* от арабского *sarab* – «питье»» [ЭСС]; «Судя по ударению на окончании, через франц. *sirop* «патока» из ит. *siropo* от араб. *šarâb* «напиток» (Литтман 85; Гамильшег, EW 803; Клюге-Гётце 565)» [ЭСФ]; «Заимств. в XIX в. из франц. яз., где *sirop* – через итал. посредство – восходит к араб. *šarab* «напиток» [ЭСШ];

муссоны – «[фр. *mousson* < ар.] – устойчивые сезонные ветры в некоторых районах земли, особенно в тропиках, меняющие направление противоположное или близкое к противоположному при переходе от зимы к лету и от лета к зиме; особенно развиты над юж. Азией» [СИСК];

драгоман – «[фр. dragoman < ар.] – переводчик при дипломатических представительствах и консульствах стран Востока» [СИСК];

жираф – «[фр. girafe < ар.] – жвачное животное сем. жираф отряда парнокопытных с очень длинной шеей и высокими ногами; встречается в африке, сохранился гл. обр. в национальных парках» [СИСК];

зенит – «[фр. zenith < ар.] – 1) точка небесной сферы над головой наблюдателя; в зените небесную сферу пересекает линия, направленная из места наблюдений вертикально вверх (противоп. надир); 2) * высшая степень, высшая точка, предел» [СИСК];

марабу – «[фр. marabout < ар.] – род крупных (до 1,5 мв высоту) птиц сем. аистовых с голой головой и огромным сильным клювом; выполняют, как грифы, роль санитаров, уничтожая всевозможные отбросы и падаль; распространены в тропической Африке и юго-вост. Азии» [СИСК];

марабут – «[фр. marabout < ар.] – в средние века в Сев. Африке – мусульманский монах-воин; в настоящее время – то же, что дервиш» [СИСК].

В качестве языка посредника в некоторых случаях выступали немецкий язык, испанский, английский, польский и др. языки). Ср.:

тальк – «[нем. talk < ар.] – минерал, водный силикат магния, жирный наощупь, очень мягок; употр. в медицине (чаще всего как присыпка), в косметике и в технике (для производства огнеупорных кирпичей, в бумажном, кожевенном и других производствах) [СИСК]; «(нем. Talk < фр. talc < араб. talk). Минерал в виде мягкого, жирного на ощупь светлого порошка, употребляемый в технике и медицине» [ТСИСК];

альманах [нем. almanach; исп. almanaque < ар.] – 1) разнородная подборкановейших литературных произведений разных авторов, иногда объединенных одним направлением; 2) в старину (особенно в средние века) – календарь с разного рода справочными сведениями и астрологическими предсказаниями» [СИСК]; *алькасар* [исп. alcazar крепость, замок, королев-

ский дворец < ар.] – название укрепленных замков или дворцов в испании, чаще всего построенных в мавританском стиле [СИСК];

лютня – «(польск. *lutnia* < ср.-в.-нем. *lûte* < ит. *liuto* < араб. *al-‘ūd* < ‘ūd дерево, древесина). Старинный струнный щипковый музыкальный инструмент» [ТСИСК];

мохер – «[англ, *mohair* < ар.] – 1) шерсть ангорской козы; 2) ткань, изделие из этой шерсти [СИСК]; «Это название ангорской шерсти было заимствовано из английского, где *mohair* – "мохер, шерсть ангорской козы, изделие из такой шерсти". Английское слово восходит к арабскому *mukhaуar* – "ткань из грубой шерсти" [ЭСК].

Нами отмечены случаи заимствования арабизмов, являющихся омонимами в русском языке. Например:

*газель*¹ – «[ар]. – стихотворная форма в поэзии народов Ближнего и Ср. Востока, предполагающая повтор первой смежной рифмы (или группы слов) в конце четных строк; после Гете примен. в европейской поэзии в качестве стилизации» и *газель*² – «[фр. *gazelle* < ар.] газели – парнокопытные животные из группы антилоп, отличающиеся быстротой бега и стройностью; обитают в Африке и Азии; в СССР встречаются два вида: джейран и дзерен. [СИСК].

История происхождения некоторых слов весьма запутанна, а словари выдвигают несовпадающие версии о происхождение некоторых арабских лексем. Ср., в частности, происхождение слова *арсенал* (французское – *arsenal*, итальянское – *arsenale*, арабское – *dar-sina'a* (лом ремесла, промышленности). «В русском языке слово *арсенал* получило широкое распространение в Петровскую эпоху, в словарях оно появляется с 1780 г. Слово заимствовано русским из западноевропейских языков, предположительно – из немецкого или французского, где источником распространения его является итальянское *arsenale*. В итальянском слово восходит к арабскому сочетанию *dar* – «дом» и *sina'a* – «ремесла, промышленности» (в западноевропейских

языках начальное *d* было утрачено, отсюда – *arsenal*). В современном русском языке и европейских языках значение слова арсенал – «учреждение для хранения, ремонта и сборки вооружения и боеприпасов». Родственными являются: украинское – арсенал, польское – *arsenal*) (ЭСС). Лексема *ракетка* в «Словаре иностранных слов» Н.Г.Комлева содержит следующую информацию: ракетка – «[фр. *raquette* < ар.] –ракета – спортивный снаряд в виде овальной деревянной, фанерной или с натянутой сеткой лопатки для отбивания мяча при игре в теннис, бадминтон и др.» [СИСК], в то время как этимологические словари представляют другие сведения: ракетка – «Образовано с помощью уменьшительного суффикса от заимствованного из французского *ракета* – *raquette*, в свою очередь заимствованного из итальянского, где *racchetta* восходит к латинскому *rete* – «сеть» [ЭСК]; ракетка – «Искон. Суф. производное от *ракета*, заимств. из франц. яз., где *raquette* – из итал. *racchetta* < *retichetta*, восходящего к лат. *rete* «сеть». Ракетка буквально – «сетка» [ЭСШ]. Происхождение слова *попугай* также неоднозначно. Исследователи отмечают, что первым упоминанием соответствующей птицы на русском можно считать текст описи имущества Бориса Годунова, датированный 1589 годом. Заимствовано из испанского (*paragaуо*) или французского (*paragai*). Происходит от арабского слова *بيغاء* (*бабага*). Ср.: попугай – «Это название экзотической южной птицы было заимствовано из голландского, куда слово *paragaai* попало из арабского, где находим *babagha*» [ЭСК]; «Никакого отношения к глаголу «пугать»! Некоторые (не все)¹ народы Европы позаимствовали для этой заморской птицы арабское название «*babagha*». Мы получили его сложным и кружным путем, через западные языки, но рано – уже в дни Бориса Годунова. ¹ По-французски «попугай» – «перрокэ» – совсем другое слово» [ЭСШУ]; «Вероятно, через нидерл. *paragaai*, ср.-нж.-нем. *paragoie* – то же, ср.-в.-н. *parageu* «попугай» из ст.-франц. *paragai*, исп. *paragaуо* от араб. *Babaghā*... [ЭСФ].

Интересно отметить некоторые слова, которые не причисляются нами к арабизмам, но которые в генетическом отношении опосредованно связаны с арабскими этимонами – это слова, в который арабских язык выступил промежуточным звеном на пути попадания в русский язык между языком-первоначальным источником и языком-непосредственным источником заимствования. Например: *анилин* – «[португ, anil индиго < ар. an-nll < санскр. nlla синий] – органическое соединение ароматического ряда, бесцветная ядовитая жидкость; употр. при изготовлении т. наз. анилиновых красителей, взрывчатых веществ, проявителей для фотографии, лекарственных препаратов и т. п.» [НСИСЗ].

Как показало исследование, расходятся не только данные словарей, но мнения исследователей относительно этимологии ряда слов арабского происхождения. Так, составители словарей относят слово *паранджа* к арабизмам; ср.: паранджа – «[араб.] одежда, без которой женщинам-мусульманкам в Ср. Азии не разрешалось выходить из дому, – широкий халат с длинными ложными рукавами; п. накидывалась на голову, а лицо прикрывалось волосяной сеткой (чачван); п. – символ бесправия и закрепощения восточной женщины; паранджу носили гл. обр. в городах; сейчас вышла из употребления» [СИСК]; «[араб. faranga]. Верхняя одежда, без которой мусульманским женщинам в не разрешается выходить из дому – длинный широкий халат с волосяной сеткой, закрывавшей лицо» [БСИС]. Однако, по мнению М. Г. Ч. Аль-Кадими, *паранджа* не имеет отношения к арабскому языку: этой лексемы нет в классических и современных словарях арабского языка; *паранджа*, как и *намаз*, тесно связаны с исламскими понятиями, в результате чего были ошибочно приняты востоковедами за слова арабского происхождения [Аль-Кадими 2010: 73]. Мнение названного ученого разделяет Мохаммед Абд Али Хуссейн Аль Каззас [Мохаммед Абд Али Хуссейн Аль Каззас 2017: 289]. На наш взгляд, среди исследуемого массива лексического материала

довольно много слов с неясной или сложной этимологией, изучение которых требует особого внимания исследователей-лингвистов.

Как показало проведенное нами исследование, в современном русском общественно-политическом дискурсе функционирует около 200 единиц разной степени частотности и актуальности, которые следует отнести к прямым или косвенным (опосредованным) целостным заимствованиям из арабского языка (собственно арабизмам).

2.3.2. Типы исследуемых единиц с точки зрения формальной близости к арабскому этимону

Пласт лексики арабского происхождения не ограничивается рассмотренными нами единицами. К лексике арабского происхождения, как уже было отмечено, мы относим также дериваты арабских заимствований. Таким образом, с точки зрения общетипологических особенностей и формальной близости к арабскому этимону в составе исследуемой лексики разграничиваются, прежде всего, собственно арабизмы (слова, пришедшие в русский язык в целостном виде) и дериваты арабских заимствований, образованные уже на русской почве.

Процесс словообразовательной адаптации рассматриваемых языковых знаков в русском языке закономерным образом привел к появлению словообразовательных гнезд, вершиной которых являются арабизмы (прямые или косвенные). Анализ словообразовательных словарей русского языка показал, что словообразовательные гнезда, образованные словами-арабизмами, могут быть двучленными и многочленными, а сами слова арабского происхождения неодинаковы с точки зрения реализации деривационных возможностей в русской языковой системе. Некоторые арабизмы (в первую очередь, экзотизмы-прямые заимствования, например, *шейх*, *мулла*, *кадий*, *вали*, *фетва*, *намаз* и др.) вообще не имеют дериватов в современном русском литературном языке. В большинстве случаев слова арабского происхождения на русской почве приобрели несколько (от одного до пяти производных): вах-

хабит – ваххабитство, ваххабитский; жасмин – жасминный, жасминовый;
 мусульманин – мусульманский, мусульманство; халат – халатик; султан –
 султанат, султанский; алгебра – алгебраический; алмаз – алмазный; гарем
 – гаремный; сель – селевой, цифра – – цифровой и др.

Отдельные прямые и косвенные заимствования из арабского языка приобрели значительное число дериватов и образовали многочисленные словообразовательные гнезда русского языка, Так, например, словообразовательные словари фиксируют следующие словообразовательные гнезда с вершиной, представленной словом-арабизмом:

		нефтян-ик
		нефт-е-база
	нефт-ян(ой) →	нефт-е-завод
		нефт-е-промышленность
нефть →	нефт-е-добыча	
	нефт-е-налив-н-ой	
	нефт-е-нос-н-ый	
	нефт-е-провод	
	нефт-е-продукт	
	нефт-е-хранилище	

С учетом всех композитов словообразовательное гнездо с вершиной *нефть* включает несколько десятков производных:

нефтебаза – нефт/е/бáз/а
 нефтебитум – нефт/е/б́итум/
 нефтебуровой – нефт/е/бур/ов/óй
 нефтевоз – нефт/е/вóз/
 нефтегазовый – нефт/е/гáз/ов/ый
 нефтегазодобывающий – нефт/е/газ/о/добы/вá/ющ/ий
 нефтегазозноность – нефт/е/газ/о/нóс/н/ость/
 нефтегазозносный – нефт/е/газ/о/нóс/н/ый
 нефтегазопровод – нефт/е/газ/о/про/вóд/
 нефтедобывающий – нефт/е/добы/вá/ющ/ий
 нефтедобытчик – нефт/е/добы́/т/чик/
 нефтедобыча – нефт/е/добы́/ч/а
 нефтезавод – нефт/е/завóд/
 нефтеналивной – нефт/е/на/ли/в/н/óй
 нефтеносность – нефт/е/нóс/н/ость/
 нефтеносный – нефт/е/нóс/н/ый

нефтеочистка – нефт/е/о/чѝст/к/а
 нефтеперегонный – нефт/е/пере/гѝн/н/ый
 нефтеперекачивающий – нефт/е/пере/кѝч/ива/ющ/ий
 нефтеперерабатывающий – нефт/е/пере/рабѝт/ыва/ющ/ий
 нефтепереработка – нефт/е/пере/рабѝт/к/а
 нефтепереработчик – нефт/е/пере/рабѝт/чик/
 нефтепровод – нефт/е/про/вѝд/
 нефтепродукты – нефт/е/продѝкт/ы, ед. нефт/е/продѝкт/
 нефтепромышленность – нефт/е/промѝшл/енн/ость/
 нефтепромысел – нефт/е/прѝмысел/
 нефтепромысловый – нефт/е/промысл/ѝв/ый
 нефтепромышленник – нефт/е/промѝшл/енн/ик/
 нефтепромышленный – нефт/е/промѝшл/енн/ый
 нефтеразведчик – нефт/е/раз/вѝд/чик/
 нефтескважина – нефт/е/сквѝжин/а
 нефтесклад – нефт/е/склѝд/
 нефтехимический – нефт/е/хим/ѝческ/ий
 нефтехимия – нефт/е/хѝм/и/я [ѝ/а]
 нефтехранилище – нефт/е/хран/ѝ/л/ищ/е
 нефтеэкспорт – нефт/е/ѝкспорт/
 нефтяник – нефт/ѝн/ик/
 нефтянка – нефт/ѝн/к/а
 нефтяной – нефт/ѝн/ѝй

Ср. также:

	казн-ачей →	казначей-ш-а казначей-ств-о казначей-ск-ий
казна →		
	казен-н(ый) →	по-казенн-ому
	казн-о-крад →	казнокрад-ств-о
	казн-о-хранилище	
	казн-о-хранитель	

Дериваты арабских заимствований, активно функционирующие в современном русском общественно-политическом дискурсе, могут быть пред-

ставлены не только тематически «ожидаемыми» лексемами *исламистский, шариатский, шиитский, суннитский, ваххабитство, ваххабитский, джихадист, повстанцы-хуситы, хамасовцы, шахидка* и т.п., но и «традиционными» и обычными в самых разных видах русского дискурса словесными знаками *арабский, цифровой, нефтяной* и т.п. . Ср. примеры употребления собственно арабизмов и их дериватов в текстах современных русскоязычных информационных сообщений: *26 марта исполнилось два года с момента начала военной кампании Саудовской Аравии против шиитских повстанцев-хуситов в Йемене // Перманентная борьба между двумя религиозными группировками – как правило, суннитской верхушкой и шиитским меньшинством, интересы которого властями игнорируются, – продолжается уже более полувека. Защитой интересов меньшинства занимается шиитская военизированная группировка хуситов, поддерживаемая Ираном.*

Как показал анализ, наиболее ярко арабское происхождение отмечается у дериватов первой (реже – второй) ступени словообразования. Так, прилагательные, связанные с номинацией явлений арабского (мусульманского) мира, типа *суннитский, шиитский, шариатский*, представляющие собой дериваты первой ступени, естественным образом сохраняют иноязычный характер, в связи с чем и рассматриваются нами как слова, демонстрирующие большую связь с арабским этимологом. В то же время мы осознаем, что дериваты, находящиеся на далекой словообразовательной ступени от вершины словообразовательного гнезда, в меньшей мере демонстрируют признаки заимствования (более удалены от арабского этимона дериваты арабизмов, находящиеся на высоких ступнях словообразования, слова-композиции, включающие арабизмы и единицы с исконно русскими корнями или корнями, заимствованными из другого (например, европейского) языка.

2.3.3. Типы исследуемых единиц с точки зрения структурных и морфологических характеристик

С точки зрения структурных и морфологических особенностей арабизмы, используемые в современном русском информационном дискурсе общественно-политической тематики, могут быть разграничены по следующим основаниям: 1) по синтаксической структуре; 2) по частеречной природе.

По своей синтаксической структуре абсолютное большинство арабизмов, функционирующих в современном русском общественно-политическом дискурсе, представляют собой цельнооформленные лексические единицы (см. примеры в предыдущих параграфах).

Как известно, фразеологические единицы являются национально специфичной и национально самобытной частью словарного состава языка. Отличаются национальным своеобразием и арабские фразеологизмы, которые являются предметом особого исследования специалистов-арабистов, а также исследователей, занимающихся теорией перевода. Многие подобные фразеологические единицы являются безэквивалентными, их перевод на русский и другие языки затруднителен, так требует знания и понимания специфических арабских реалий.

Р.Р. Закиров замечает, что особую трудность при переводе представляют фразеологические единицы, значение которых восходит к какому-то историческому событию или отражает какой-либо обычай арабов. Тем более что иногда кажущаяся семантическая прозрачность оказывается обманчивой. Исследователь приводит следующий пример: «Так, анализ значения компонентов арабского фразеологизма *مختوم على قفاه* (букв. «с печатью на затылке») не дает ключа к переводу, если не знать, что безграмотные, темные египетские крестьяне лечились от любых тяжелых заболеваний одним средством – прикладыванием раскаленного утюга к затылку, после чего оставалась на всю жизнь отметина, свидетельствующая о крайней глупости отме-

ченного такой печатью» [Закиров 2012: 25]. Поэтому не случайно, что среди заимствованных фразеологических единиц большую группу составляют фразеологические кальки и полукальки, представляющие собой дословный перевод фразеологизмов языка-источника. Особую группу фразеологизмов, перешедших из одного языка в другой, составляют фразеологические выражения (крылатые фразы, пословицы, поговорки, цитаты из литературных произведений, изречения известных или знаменитых людей). Существующие в настоящее время фразеологические словари русского языка не предоставляют достаточных сведений о заимствовании русским языком фразеологизмов арабского языка в чистом виде. Мы можем предположить, что арабское влияние обнаруживается в целом ряде существующих в русском языке фразеологизмов (в широком понимании термина). Например:

калиф на час – «Книжн. Экспрес. Человек, власть которого кратковременна» ... – Выражение восходит к названию арабской сказки «Сон наяву, или Калиф на час» из сборника «Тысяча и одна ночь» [КС: 280]. Ср. историю возникновения устойчивого сочетания: сказка повествует о том, как калиф Багдада Рагун-аль-Рашид решил осуществить желание одного из своих подданных стать правителем. Молодой багдадец Абу-Гассан был усыплен и перенесен в царский дворец. Целый день Абу-Гассан наслаждается роскошью жизни во дворце, однако затем снова оказывается в своем жилище [ср.: ЭСКСВ];

Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе – выражение используется иносказательно, самоиронично – «о желании сделать первый шаг к решению проблемы, возникшей в отношениях с партнером, оппонентом и пр.» и восходит к тексту одного из рассказов Ходже Насреддине. Ср.: «Так, в одном из арабских сборников (примерно 1631) говорится о том, как Ходжа Насреддин Джоха-эль-Руми (полное имя Насреддина на арабском языке) однажды решил выдать себя за святого. Когда его спросили, как он это докажет, он ответил, что может приказать пальмовому дереву подойти к

нему, и оно повинуется. Когда же чуда не произошло, то Ходжа сам подошел к дереву со словами: «Истинные пророки и святые лишены высокомерия. Если пальма не идет ко мне, то я иду к ней». Иногда встречается другая версия этой же фразы: «Если пальма не идет к Джохе, так Джохе пойдет к пальме». В современном варианте это выражение вошло в европейские языки благодаря известному английскому ученому и философу Фрэнсису Бэкону (1561 – 1626), который в своей книге «Нравственные и политические очерки» (1597) привел собственный вариант рассказа о Ходже, заменив последнего на самого пророка Магомета. В очерке «О смелости», содержащемся в этой книге, Магомет обещает народу сдвинуть гору, но, когда это не удается, говорит: «Что ж, так как гора не хочет идти к Магомету, то Магомет пойдет к ней» [ЭСКСВ];

Выпустить джинна из бутылки – «своими неразумными действиями положить начало неуправляемому и очень опасному процессу»; «допустить что-либо нежелательное, чего уже не остановить; дать свободу силам зла» (выражение взято из арабских народных сказок «Тысяча и одна ночь»); ср.: «Однажды бедный рыбак выловил из моря медный кувшин, запечатанный свинцовой печатью царя Сулеймана бен Дауда, известного волшебника и мудреца. Когда рыбак открыл бутылку, оттуда вылетел джинн, способный выполнять любые приказания. Оказалось, что царь разгневался на одного из джиннов и заключил его в этот кувшин, в котором джинн находился много тысяч лет. Загнать джинна обратно в «бутылку» рыбак, естественно, уже не смог» [ЭСКСВ].

Сезам, откройся! / Сим-сим, откройся! – выражение употребляется как шутовское заклинание, которое должно помочь без труда преодолеть какое-л. Препятствие (из арабской сказки «Али-Баба и сорок разбойников»); ср.: Слова «Сезам, отворись (откройся)!» произносит атаман сорока разбойников перед закрытым входом в пещеру, где хранились награбленные со-

кровища. Благодаря этому заклинанию Али-Баба стал обладателем всех спрятанных там богатств [ЭСКВ].

Тысяча и одна ночь – «что-то необычное, фантастическое, феерическое – «как в арабской сказке» (шутл.)» [ЭСКСВ]; «Разг. 1. О чём-л. очень необычном и замечательном. БМС 1998, 578. 2. *Жарг. мол.* О большом количестве чего-л.» [БСРП] («Тысяча и одна ночь» -- название сборника арабских сказок, окончательная редакция которого относится к XV–XVI вв. Он стал известен в Европе в начале XVIII в. По неполному и вольному французскому переводу (1708) литератора А. Галлона, который подверг текст некоторой переработке. Русский перевод этой французской версии появился в 1763–1771 гг.).

Следует отметить, что подобные фразеологические выражения не чужды современному публицистическому, в том числе общественно-политическому, дискурсу. В современном медиадискурсе они встречаются в виде заголовков или включаются в текст сообщений, причем нередко в трансформированном виде (с целью реализации определенных коммуникативных и стилистических задач). Например: *Переориентирование на Запад может, однако, иметь для Туркмении, да и всего региона Центральной Азии крайне негативные последствия. Надевая на себя ярмо зависимости от Вашингтона, Ашхабад выпускает из бутылки джинна, обратно загнать которого будет трудно (13.10.15); Западная практика геополитической инженерии в регионе Ближнего Востока привела к тому, что из бутылки был выпущен не один, а сразу несколько джиннов в виде террористических группировок ДАИШ и "Джебхат ан-Нусра" (запрещенных в РФ). Такую обременительную характеристику очагам нестабильности в Сирии, Йемене, Ираке, Ливии дал в четверг глава МИД России Сергей Лавров на встрече с участниками международной конференции "Ближний Восток: тенденции и перспективы" (РГ, 20.10.16); Наибольший переполох у туристов вызвали Объединенные Арабские Эмираты. Оказалось, что совместить тысячу и одну*

ночь с новогодней меньше чем за две тысячи долларов не получится (Известия, 02.11.07); В Среднюю Азию, к примеру, ездят неохотно (в советское же время существовали регулярные туристические туры по тамошним достопримечательностям). Казалось бы – чудеса тысячи и одной ночи, великоленные мечети, медресе. Но нет – не наше. Редко встретишь москвича, который, не имея соответствующих родственников и приятелей, ездит на море в Азербайджан (Известия, 2012.06.27); Еще один вице-премьер, два комитета и перераспределение финансовых полномочий между министерствами. Все это обычные технические донастройки; их запросто можно было произвести в рамках фрадковской недовертикали. При этом сами донастройки производят очень хорошее впечатление. То, что Кудрин усилился, позволяет надеяться на то, что Сезам не откроется депутатам. Ни перед выборами, ни во время оных, ни после. Потому что Кудрин денег не даст (РИА Новости, 2007.09.27); Неожиданно оказалось, что Россия всем нужна и без нее сдвинуть дело с мертвой точки невозможно... И что возможным вариантом развития событий мог бы стать контроль над запасом химического оружия со стороны не враждебных режиму Асада стран. Но если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе. Предложение Обаме сделал лично Путин, и Обама как будто готов его принять, хотя и продолжает твердить о необходимости «ограниченного удара» по Сирии (Известия, 11.09.13); Не страшась быть непонятым соратниками и репрессированным властями, в Москву прибыл бывший премьер Грузии, а ныне лидер оппозиционного движения «За справедливую Грузию» Зураб Ногаидели. – Как говорится, если Магомет не идет к горе, то идет гора. (КП, 2009.10.28); Короля делает королем его окружение. И Трамп не хочет быть калифом на час. Поэтому налаживание отношений с Москвой он снял с текущей повестки дня (РИА Новости, 10.04.17) и др.

Как показал анализ, названные фразеологические выражения в странстве современного русского общественно-политического дискурса не-

редко используются в текстах, связанных с описанием реалий арабского мира, событий, в которые вовлечены мусульмане нашей страны или других стран.

Продуктивным при исследовании происхождения фразеологизмов может оказаться, на наш взгляд, анализ компонентного состава устойчивых сочетаниях: некоторые фразеологизмы, включающие в свой состав арабизмы, имеют арабское происхождение. Анализ подобного рода позволил выявить такие фразеологизмы, в составе которых имеется слово арабского происхождения:

бить в набат – «1) звоном колокола оповещать о бедствии, сзывать на помощь; 2) перен. поднимать тревогу, обращать внимание общества на какую-н. опасность (книжн.). Газеты бьют в набат (от набат [араб. *naubwt* – барабанный бой]. Сигнал к сбору людей в случае пожара или другого бедствия, подаваемый ударом колокола» [БСИС];

Одному Богу (Аллаху) известно / Одному Богу (Аллаху) ведомо – «Разг. Никому не известно; никто не знает; одному богу известно» [ФСРЛФ] (от аллах (араб. *al-ilāh* бог) Наименование бога в исламе» [ТСИСК];

достичь зенита – «достичь высшей точки в своих действиях» (от араб. *semt-er-ras*) путь головы);

в зените славы / в зените жизни (быть) – «высшая степень, вершина чего-л.» [СМВ];

на ладан дышать – «быть при смерти»; *бояться как черт ладана* (оба фразеологизма имеют в составе слово арабского происхождения ладан (< греч. *ladanon* смола кустарника < *lēdon* ладановый куст < араб. *lādan*). Ароматическая смола, употребляемая для курения при богослужении [ТСИСК].

С точки зрения частеречной принадлежности классификация арабизмов касается цельноформленных единиц (лексем), которые, как показывает анализ, могут быть представлены чаще всего именами существительными и именами прилагательными, а также (значительно реже) глаголами и наречи-

ями (в этом случае речь идет о словообразовательных дериватах от арабских заимствований).

Имена существительные, относящиеся в русском языке к лексике арабского происхождения, в соответствии со способом номинации могут быть нарицательными (*эмир, тайфун, джихад, талибан, шахидка* и др.) или собственными (*Аль-Джазира, Аль-Кауда, Абу-Даби* и др.). Следует отметить, что преобладание субстантивных арабизмов отражает одну из ярких черт заимствованной лексики в целом – ее способность номинировать отдельные фрагменты (предметы, реалии) действительности (зачастую отсутствующие в принимающем языке или имеющие другое обозначение). Субстантивные лексемы арабского происхождения в русском языке относятся к одушевленным именам существительным (обозначения лиц и животных: *мусульманин, имам, султан, газель, жираф,*) или неодушевленным (названия предметов и явлений: *халат, мечеть, быта алмаз, кинжал, тайфун* и др.).

Нарицательные субстантивные арабизмы в абсолютном большинстве являются конкретными, т.е. обозначают исчисляемые предметы реальной действительности (*матрас, сундук, кибитка, лютня, эмир, халиф* и др.), но могут быть вещественными, обозначающими пищевые продукты, материалы, разновидности тканей, металлы, химические вещества и элементы, лекарства и т.п. (*бархат, атлас, сатин, муар, нефть, сироп, эликсир, рахат-лукум* и др.), собирательными, связанными с номинацией совокупности лиц или предметов (*муфтият, халифат*, например), и абстрактными (отвлеченными) существительными (*исламизм, адат, кайф* и др.).

В большинстве своем арабские заимствования являются морфологически освоенными единицами русского языка, приобретшими форму одно из трех родов (мужского, женского, среднего) и соответствующее им склонение. Исследователи отмечают, что морфолого-грамматическое освоение существительных, заимствованных из арабского языка, нередко сопровождается

ется изменениями в грамматических признаках слова-этимона. Так, арабизмы с окончанием –а (-я), произошедшие от арабских слов мужского рода, в русском языке функционируют как единицы женского рода (*алгебра, бакалея*); арабизмы, оканчивающиеся на –ль, произошедшие от арабских слов мужского рода, в русском языке могут иметь формы женского или мужского рода (*шаль, фитиль*) (ср.: [Аль-Кадими 2010: 35; Хуссайн 2001: 80]). В то же время среди арабизмов отмечается незначительная по объему группа несклоняемых существительных: *мумиё, сирокко, кофе, газы, вали, каркаде* и др., которые традиционно считаются недостаточно освоенными в морфологическом отношении заимствованиями.

Например, слово *каркаде* в словарях иностранных слов имеет дефиницию «африканское название суданской розы (гибискуса), а также чаеподобного напитка, приготовленного из околоцветников этого растения (обладает обширным терапевтическим эффектом, особенно эффективно нормализует артериальное давление)» [НСИС]. Сравнивая значение этого слова с арабским этимоном на основе данных арабских словарей, Мохаммед Абд Али Хуссейн Аль Каззаз приходит к выводу, анализ дефиниций слова в лексикографических справочниках разных языков показывает значения слова в русском языке: указание на использование каркаде в качестве напитка, имеющего терапевтический эффект. Ученый обращает внимание на различие и в грамматических характеристиках слова: если в языке-источнике это склоняемое сущ. м.р., ед.ч., то в русском языке *каркаде* – несклоняемое сущ. ср.р., ед.ч. «Слово не имеет производных. *Каркаде* сочетается с разными частями речи (существительными, прилагательными, глаголами): чай «*каркаде*», под названием «*каркаде*», напиток *каркаде*, самовар *каркаде*, на основе *каркаде*; холодный *каркаде*; заваривать, кипятить *аркаде*. ... Низкая степень представленности в словарях и текстах НКРЯ, несклоняемость, отсутствие дериватов, переносных значений – показатель того, что арабизм недостаточно освоен русским языком. Хотя слово хорошо известно носителям

русского языка по названию напитка «Каркаде», оно не утратило иноязычного оттенка» [Мохаммед Абд Али Хуссейн Аль Каззас 2018: 202-203].

Имена собственные арабского происхождения представляют собой особую группу, включающую в себя названия стран, городов, рек, гор, политических и военных организаций, движений, радиостанций, телеканалов, имена правителей, политических деятелей, руководителей различных объединений и организаций. В современном русском публицистическом дискурсе арабизмы-собственные имена существительные представлены очень широко. Ср. примеры из текстов информационных сообщений: *Так, Гумару Ганиеву приснился сон, в котором большие птицы перенесли Каабу из Мекки на участок общины. Физическое отсутствие Черного камня их нисколько не смущало – в Мекке якобы иллюзия, ненастоящая Кааба, а у них – настоящая, хоть и невидимая. Теперь они фактически стали жить каждый день своей жизни в состоянии хаджа, а значит, и ритуальной чистоты. Возможно, что и по этой же причине они не пускали никого к себе на территорию: ведь иноверцы не могут войти в Масджид аль-Харам – Запретную мечеть. (НГ, 02.07.19); Элитные формирования сирийской армии окончательно закрепились в среду в населенном пункте Эль-Джефра к северу от военного аэродрома Дейр-эз-Зора (ТАСС, 21.09.17); Плебисцит пройдёт в провинциях, де-юре входящих в состав Иракского Курдистана – Эрбиль, Сулеймания, Дахук, а также в тех районах, статус которых считается спорным, как провинция Киркук – северная нефтяная столица Ирака (ТАСС, 25.09.17) и др. Ср. также примеры арабизмов-имен собственных, представленные в новейших словарях русского языка: *Аль-арабия* – спутниковый телеканал, круглосуточно вещающий на арабском языке; в эфире с 2003 г. (СНСШ); *Аль-джазира* – спутниковый телеканал, круглосуточно вещающий на арабском языке (СНСШ). При этом одной из особенностей однословных арабизмов-имен собственных является частотность встречаемости среди них сложносоставных слов. Ср., например: *Аш-Шабаб* (название*

радикальной организации, образованной в 2004 году на территории Сомали), *Дейр-эз-Зора* (название города), *Эль-Джефра* (название населенного пункта), *Джебель-Сарда* (наименование горы); ср. также: повстанцы-хуситы и др.

Как уже было отмечено, в исследуемом материале, помимо субстантивов, присутствуют также прилагательные типа *арабский, исламистский, шиитский, суннитский, шириатский, ваххабистский, зенитный* и др., представляющие собой словообразовательные дериваты дериватами собственно арабизмов. Глагольные и наречные единицы арабского происхождения представлены единичными лексемами: *исламизировать, по-мусульмански, по-игиловски*.

2.4. Хронологические разряды исследуемых арабизмов

Процесс появления арабизмов в русском языке фиксируется на протяжении всей истории развития русского языка, однако в некоторые периоды этот процесс характеризуется наибольшей интенсивностью. Новейший период развития русского языка входит в число основных периодов активного пополнения арабизмами словарного состава русского языка (как было отмечено, кроме новейшего времени, периодами активного пополнения лексики русского языка, считаются среднерусский период (XII – XVII вв) и период петровских послепетровских преобразований (XVIII в.). Специфика преобразования русского языка последних десятилетий на всех уровнях языковой системы закономерным образом находит отражение в речевом пространстве современного медиадискурса, в том числе общественно-политического. Анализ научной литературы, посвященной данной проблеме, а также анализ этимологических и исторических словарей русского языка, словарей иностранных слов, в том числе отражающих состояние русского языка послед-

них десятилетий, позволяют сделать следующие выводы: в современном общественно-политическом дискурсе функционируют арабизмы разных «темпоральных» характеристик, характеризующиеся специфическими особенностями употребления. Нами выделены два основных разряда арабизмов современного общественно-политического дискурса:

1) «старые» арабизмы, т.е. слова, заимствованные русским языком до новейшего периода развития русского языка и не претерпевшие при функционировании в современном медиaprостранстве значительных семантических преобразований;

2) «новые» арабизм, т.е. слова, представляющие собой «сильные» и «слабые» инновации последнего времени.

Следует обратить внимание, что в процессе бытования слова в языке и его функционирования в том или ином контексте оно, как правило, претерпевает ряд семантических изменений, поэтому количество арабизмов, которые по темпоральным признакам следует отнести к «старым» лексемам, не так уж велико. Например, нарицательное существительное *барбарис* (ср.: барбарис – «Заимствовано из латыни, где в Средние века переоформилось из арабского *berbaris* – «берберская раковина». Растение названо по сходству плода барбариса (барбарис – это колючий кустарник с мелкими продолговатыми ягодами) с такой раковинной» [ЭСК]) используется в тексте публикации, посвященной глобальному кризису в истории человечества, ср.: *Угрозы для человечества представляют инвазивные («агрессивные») виды животных, растений и микроорганизмов, случайно занесенные человеком в новые для них регионы. Там они успешно приживаются, начинают размножаться и захватывать новые территории. Но в итоге губят местную фауну и флору, не имеющую против них защиты. Эти «хищники», например растения *Striga*, уничтожающие посевы кукурузы, или барбарис, вызывающий стеблевую ржавчину пшеницы, уже стали проблемой для мирового сельского хозяйства (Комсомольская правда, 22.12.11)* или в статье о субботниках в

Москве: *Активисты сажали тысячи деревьев и кустарников – красный и татарский клены, дубы, ели, лиственницы, барбарис, кизильник, сирень и можжевельник. Саженцами и нужным инвентарем их обеспечивали организаторы субботников. (НГ, 25.04.16).* Однако нами отмечены контексты из общественно-политического дискурса, когда данная лексема используется в качестве номена – имени собственного, представляющего собой название какой-либо реалии современного мира. Ср.: *Перспективная российская боевая бронированная гусеничная машина на универсальной гусеничной платформе "Армата" Т-15 "Барбарис" предназначена для ведения маневренных боевых действий против любого противника в составе танковых и мотострелковых подразделений в качестве основного многоцелевого боевого средства в условиях применения ядерного оружия и других видов оружия массового поражения. (РИА Новости, 03.08.15).* Данный пример, с одной стороны, показывает, насколько велики потенциальные возможности слова в процессе его бытования в языке, а с другой стороны, доказывает факт, что «старые» заимствования, функционируя в современном дискурсе, так или иначе приобретают новые свойства.

Аналогичны, на наш взгляд, примеры использования в современных русских общественно-политических контекстах «старых» арабизмов – нарицательных имен существительных *тайфун, азимут, мумия* и др. и функционирование в современном русском медиапространстве соответствующих номенов: «Тайфун» – серия броневедомостей повышенной защищенности / «Тайфун» 21-й отряд специального назначения внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации / «Тайфун» – космический аппарат военного назначения ; «Азимут» – – гостиничная сеть / «Азимут» – – авиакомпания и др.

Например: *Похоже, Филиппины не скоро восстановятся после прошедшего по ним тайфуна (КП, 2013.11.21); На параде будут представлены три образца новой техники: защищенный автомобиль «Тайфун», противо-*

танковый ракетный комплекс «Хризантема-С», зенитно-ракетный комплекс Тор-М2У, – добавил представитель ведомства. Бронеавтомобиль «Тайфун» предназначен для транспортировки личного состава, при этом он является универсальной платформой для создания различных систем вооружения – от машин связи до мобильной артиллерии ... «Тайфун» должен быть принят на вооружение в текущем году (Известия, 05.01.14); Попытки охранников остановить толпу успехом не увенчались... К поселку перебросили отряд ОМОНа, усиленный спецподразделением "Тайфун" (руд-7, 27.10.07);

Участники рынка отмечают, что традиционно иностранные компании входят в капитал российских девелоперов, а не наоборот, хотя в последнее время интерес российского бизнеса к западному крайне высок. «Вспомнить хотя бы «Азимут», который купила гостиничную сеть у Austrian Hotel Company, или Олега Дерипаску, вошедшего в Strabag», – рассуждает управляющий партнер компании Blackwood Константин Ковалев (РБК Daily, 2008.06.26); «Ростехнологии» являются производителем систем управления воздушным движением: входящее в состав госкорпорации ОАО «Азимут» недавно поставило в Казань систему управления воздушным движением «Галактика» (такая же система вскоре будет поставлена в Армению), которая способна одновременно сопровождать 4000 воздушных судов (РБК Дейли, 2012.11.06) и др.

В целом, как показал анализ, в современном русском общественно-политическом дискурсе функционирует немного арабизмов в абсолютно неизменном по сравнению с предыдущим периодом развития русского языка виде.

Большинство отмеченных нами арабизмов представляют собой инновации в лексике русского языка новейшего периода. В первую очередь, это так называемые «сильные» инновации, т.е. абсолютно новые для русского языка лексические и фразеологические единицы, заимствованные в новей-

ший период развития русского языка. «Сильные» инновации представлены прежде всего следующими словами арабского происхождения: *талиб, талибан, джихадист, хамас, Хезболла, Аль-арабия, Аль-джазира, хуситы, ИГИЛ* и др.

Ряд арабизмов, вошедших в русский язык на рубеже XX–XXI веков и расширивших его лексический состав, отражены современными лексикографическими изданиями, например:

интифада – «< араб. intifāda восстание). Борьба арабов с Израилем на оккупированных им территориях» [ТСИСК];

Аль-арабия – спутниковый телеканал, круглосуточно вещающий на арабском языке; в эфире с 2003 г. (СНСШ);

Аль-джазира – спутниковый телеканал, круглосуточно вещающий на арабском языке (СНСШ);

Аль-Каида – исламская террористическая организация, возникшая в 1988 г. в Афганистане (СНСШ);

Хезболлах (Хесболлах, Хизбаллах, Хизболлах, Хезбаллах) – фундаменталистская исламская организация, действующая на территории Ливана с 1982 г. (СНСШ);

Хамас – «палестинское исламское движение, признанное многими странами как террористическое, ставящее целью уничтожение Израиля и создание исламского палестинского государства» [СНСШ];

моджахеды – «1. Участники специальных национально-освободительных и религиозных движений в странах мусульманского Востока (в том числе отрядов вооруженной оппозиции в Афганистане). 2. Члены исламских террористических группировок» [СНСШ];

джамахирия – «форма правления, установленная в Ливии в марте 1977 г. И представляющая собой т.н. «прямую власть народа», т.е. управление через народные собрания всех ступеней» [СНСШ] и др.

Вместе с тем, следует отметить, что многие из новых для русского

языка лексем арабского происхождения не отражены словарями русского языка. Например:

ИГИЛ («Исламское государство» / «Исламское государство Ирака и Леванта») – международная исламистская суннитская экстремистская террористическая организация (была создана после вторжения американских войск в Ирак, свержения и казни Саддама Хусейна и установлении там американского марионеточного правительства из представителей мусульман-шиитов) (в России запрещена)»;

Боко Харам (Boko Haram) – «боевая террористическая группировка радикальных исламистов, действующая в северо-восточных и северных штатах Федеративной Республики Нигерия» и др.

Ср. использование подобных неологизмов-заимствований арабского происхождения в дискурсе современных СМИ: *И вот в сентябре 2004 года хуситы, которые к тому времени поставили под ружье около ста тысяч человек, вошли в столицу Йемена – Сану. Причем, по свидетельствам очевидцев, наибольшее сопротивление им оказывали отнюдь не правительственные войска, а боевики радикальных суннитских формирований «Аль-Ислях» и отряды «Ансар аш-Шариа» (это местное подразделение «Аль-Каиды (Русский репортер, 05.12. 13).*

Многие «сильные» инновации, представляющие собой арабизмы, являясь составной частью, формируют в современном медиадискурсе своеобразный политический ономастикон, включающий имена собственные, отражающие различные общественно-политические реалии (прежде всего связанные с арабским Востоком).

Анализ показал, что «сильные» инновации могут представлять собой раздельнооформленные неологизмы новейшего времени. На наш взгляд, ярким примером нового фразеологического сочетания, имеющего арабское происхождение», является устойчивое сочетание *арабская весна*. Фразеологический неологизм *арабская весна* (араб. الربيع العربي) является термином по-

литологии и используется для обозначения сложных политических и социальных процессов, начавшихся в арабском мире после переворота в Тунисе в декабре 2010 года и охвативших затем страны арабского мира (Египте, Йемен, Ливию, Сирию, Бахрейн и др.). В современном общественно-политическом дискурсе этот термин используется весьма активно, ср.: *Ливия тут может служить самым очевидным примером. Ее бывший лидер Муаммар Каддафи сдал свои ядерные и ракетные программы в обмен на обещания благорасположения Запада. Но когда арабская весна распространилась на Ливию, США и их европейские союзники воспользовались слабостью Каддафи и организовали его смещение, закончившееся убийством (НГ, 11.08.19); Три десятилетия – то есть все было не совсем так еще при Джордже Буше – старшем, если не при Рональде Рейгане. Но кульминацией всего оказалась война в Ираке (начиная с 2003 года) и еще несколько шоковых событий типа неудавшейся "арабской весны", которая никаких демократий не создала. (РИА Новости, 10.08.19)* и др.

Помимо «сильных» инноваций, арабизмы представлены в русском общественно-политическом дискурсе инновациями «слабыми», под которыми вслед за О.В. Загоровской мы понимаем «известные для русского языка словесные единицы, новизна которых определяется изменениями того или иного аспекта их плана содержания» [Загоровская 2013: 67]. «Слабые» инновации включают арабизмы двух типов: а) «актуализированные», то есть известные на предыдущих этапах развития русского языка, но повысившие частотность своего употребления в новейшем русском дискурсе (актуализация ранее заимствованной лексики различного происхождения вообще характерна для современного русского общественно-политического дискурса [подробнее см.: Загоровская, Есмеев 2008: 75]; б) арабизмами, подвергшимися тем или иным смысловым изменениям или на уровне семантической структуры слова, или на уровне отдельного значения и его компонентов: де-

нотативного, эмотивного, собственно языкового, эмпирического [Загоровская 2009: 28-29].

Примерами арабизмов, перешедших в новейший период развития русского языка из пассивного запаса в активный, могут служить лексемы *ваххабизм* – сформировавшееся в XIII в. радикальное религиозно-политическое движение исламе, возвращение к порядкам времен Пророка Мухаммеда. Названо по имени основателя – Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба (СНСШ; ТСАЛ); *ваххабит* – последователь ваххабизма (СНСШ; СИСК; ТСАЛ); *шахиды* – террористы-смертники, готовые отдать свои жизни за Аллаха в борьбе против неверных (СНСШ) и др.

Следует также отметить, что многие актуализированные арабизмы являются примерами действия активных семантических процессов, происходящих в семантической структуре слова. На наш взгляд, семантические трансформации арабизмов, представленных в современном русском общественно-политическом дискурсе, обнаруживаются в следующих случаях:

а) в случае расширения семантической структуры слов и развития у них новых лексико-семантических вариантов под влиянием изменений окружающего мира;

б) в случаях расширения и углубления семантики слов под влиянием новых реалий духовной культуры;

в) в случаях использования арабизмов в качестве номенов на основе метафорического или ассоциативного переноса наименований (ср., например, название броневедомобиля «Тайфун»).

Ярким примером расширения семантической структуры слова за счет появления новых семем является арабизм *цифра*, который в эпоху глобальных технологических преобразований приобрел новое значение и представляет собой семантический неологизм, образованный на базе прилагательно-го *цифровой* «связанный с технологиями, основанными на преобразовании информации в двоичный код с помощью электронных систем» [ср.: НСИЗ-3:

1266] (*цифровые технологии, цифровой формат, цифровой фотоаппарат, перевести на цифру, перейти на цифру, снимать в цифре*, а также дериваты типа *цифровать, цифронизация, цифровик*).

Таким образом, проведенный анализ показывает, что на рубеже XX-XXI веков наблюдается не только повышенная активность вхождения арабизмов в русский язык, но и усиление функциональной активности ранее заимствованных словесных единиц арабского происхождения, т. е. их актуализация, которая в основном касается лексики религиозной и социально-политической тематики. При этом многие актуализированные арабизмы, резко повысившие частотность своего употребления в русском языке, начинают восприниматься языковым сознанием носителей русского языка как новые, хотя таковыми не являются. Повышенная активность вхождения арабизмов в русский язык на рубеже XX-XXI веков и актуализация употребления уже известных русскому языку арабизмов религиозной и социально-политической тематики в современном русском дискурсе объясняется экстралингвистическими причинами: обострением политико-экономической ситуации на Ближнем Востоке, военными конфликтами конфессионального характера, тенденциями, связанными с политическим продвижением ислама в мире. Все это в современном российском обществе оказывается в центре внимания не только политиков, государственных деятелей и военных, но и широко обсуждается в СМИ, что приводит, с одной стороны, к необходимости принятия русским языком новых заимствований из арабского языка для номинации новых реалий, а с другой стороны – к повышению частотности употребления имеющихся арабских заимствований, многие из которых переходят из пассивного запаса в активный.

Выводы

Проведенный анализ выявил наличие нерешенных проблем этимологического и лексико-семантического характера, возникающих при квалификации заимствованного слова. Так, авторитетные словари иностранных слов

в русском языке (прошлых лет и современные) в достаточной степени однозначности фиксируют арабское происхождение у следующих лексем: *азимут, алхимия, амулет, бедуины, калий, кайф, мечеть, паранджа, гашиш и др.* Анализ словарей иностранных слов демонстрирует в некоторых случаях несовпадение в определении конечного этимона. В ряде случаев наблюдается неоднозначность и противоречивость лексикографических источников (ср.: *мишура, магарыч*). Во многих современных исследованиях ведется дискуссия относительного арабского происхождения целого ряда словесных знаков (*банан, кабель, камфара/камфора, каблук, майдан, ракетка, секрет и др.*).

На наш взгляд, при отнесении заимствованной единицы к арабизмам следует учитывать многие факторы: фонетический облик слова, семантику языкового знака, его словообразовательную структуру (в том числе в языке-источнике), а также его соотносимость с функционирующими в настоящее время и бытовавшими ранее в арабском языке словами. Именно на основе перечисленных признаков, а также на основе данных лексикографических источников (русскоязычных и арабоязычных, в том числе толковых словарей арабского языка, отражающих различные этапы его истории), а также специальных разработок арабских лингвистов-этимологов, которые, насколько нам известно, в настоящее время приступили к подготовке большого этимологического словаря арабского языка, может быть адекватно обозначен корпус арабизмов русского языка.

Многие слова, относящиеся к арабизмам, имеют широкое распространение в современном русском общественно-политическом дискурсе. Как показало проведенное исследование, основной корпус арабизмов, функционирующих в названном виде дискурса и репрезентирующих концептуально значимые понятия и реалии современной жизни, представлен прежде всего словами актуальной политической лексики и фразеологии, т.е. единицами, в семантике которых так или иначе отражена политическая, идеологическая и

социальная организация современного российского общества. Соответственно в составе анализируемых арабизмов выделяется три основных тематических блока: тематический блок «Государство» (*сутанат, халифат, эмират, эмир, имам, шейх, меджлис, Ракка, Эль-Джеффра, Дейр-эз – Зора, Дахук* и др.); тематический блок «Политика. Политическая деятельность» (например: *интифада, саммит, талибан, Аль-Каида, Хезболлах /Хесболлах / Хизбаллах / Хизболлах / Хез-баллах* и др.); тематический блок «Идеология» (например: *ислам, мусульманин, муфтий, моджахед, суннит, Аль-Арабия* и др.).

Как показал анализ, арабизмы названных тематических блоков актуальной политической лексики характеризуются разным количественным составом. Так, например, в тематическом блоке «Политика» наиболее представленной оказывается группа «Внешняя политика. Внешнеполитическая деятельность», а также тематические группы «Партии и политические движения», «Военные и террористические организации и группировки». В составе тематического блока «Идеология» весьма представительными являются, во-первых, лексико-семантическая подгруппа «Средства массовой информации», в которую входят названия телеканалов, газет, информационных порталов: *Аль-Маядин, Аль-Ахмбар, Альджазира, Ramalla News, Аль-Арабия* и др., а во-вторых – тематическая подгруппа «Религия, верования, религиозные образования»: *коран, ислам, мусульманин, аллах, мулла, муфтий, муфтият, вакхабистский, моджахед, суннит, шиит, рамадан, хадж, шариат, мечеть* и др.

Состав единиц лексики арабского происхождения (в том числе актуальной для современного русского общественно-политического дискурса) весьма неоднороден и может быть охарактеризован по разным типологическим основаниям: 1) с точки зрения характера источника заимствования; 2) с точки зрения формальной близости к арабскому этимону; 3) с точки зрения структуры и морфологических характеристик.

Проведенное исследование показало, что большая часть арабизмов, функционирующих в современном русском общественно-политическом дискурсе, представлено лексемами, пришедшими в русский язык через языки-посредники (такие заимствования могут быть названы косвенными, или опосредованными), прямые же заимствования среди исследуемого языкового материала представлены значительно меньшей группой.

Анализ рассмотренного материала позволил также сделать вывод о том, что среди слов арабского происхождения в современном русском общественно-политическом дискурсе примерно в равных количествах представлены собственно заимствования (прямые и опосредованные) и их дериваты, образованные уже на русской почве. При этом степень яркости проявления признака арабского происхождения оказывается неодинаковой у разных производных, образованных от арабского этимона. Достаточная яркость признака арабского происхождения отмечается у дериватов первой (реже – второй) ступени словообразования (ср., например, лексемы *мусульманский, нефтяной, суннитский, шиитский, шариатский*, представляющие собой дериваты первой ступени). Менее выраженным оказывается признак арабского происхождения у дериватов, находящиеся на далекой словообразовательной ступени, в том числе у композитов, включающих в качестве одного из корней исконно русское слово или слово, заимствованное из другого (не арабского) языка (ср., например: *нефтехранилище, нефтепромышленность*, восходящие к арабскому этимону *нефть*; *казнокрадство, по-казенному*, восходящие к арабскому этимону *казна*).

Как показал анализ, с точки зрения структурно-грамматических особенностей исследуемые арабизмы представлены не только отдельными лексемами, но и словосочетаниями. В исследуемых текстах встречаются яркие оценочные фразеологизмы арабского происхождения: *Халиф на час, выпустить джина из бутылки, Сезам, откройся* и нек. др. В современном медиадискурсе подобные фразеологизмы встречаются обычно в виде заголовков или

включаются в текст сообщений, причем нередко в трансформированном виде (с целью реализации определенных коммуникативных и стилистических задач). В исследуемых текстах используется также немало ФЕ, включающих отдельные лексемы-арабизмы: *бить в набат, в зените славы, одному Аллаху известно, дышать на ладан* и др.

С точки зрения частеречной принадлежности цельноформленных единиц (лексем) арабизмы русского языка (в первую очередь – собственно арабизмы) представлены именам существительными и именами прилагательными, в редких случаях глаголами и наречиями (в этом случае речь идет о словообразовательных дериватах от арабских заимствований).

С точки зрения времени появления в русском языке исследованные арабизмы представлены двумя группами, условно именуемыми «старые» и «новые». К первой группе относятся арабизмы, вошедшие в русский язык до начала новейшего периода его истории, ко второй – появившиеся в русском языке на рубеже XX-XXI веков. Примерами арабизмов, достаточно давно вошедших в русский язык и широко употребляющихся в общественно-политических текстах, могут быть слова *тайфун, азимут, калибр, нефть, мумия* и мн. другие. Примечательно, что во многих случаях подобные лексемы используются в метафорических значениях.

Наибольшую частотность употребления в анализируемых текстах имеют арабизмы, представляющие собой инновации в лексике русского языка новейшего периода. В первую очередь, это так называемые «сильные» инновации, т.е. абсолютно новые для русского языка лексические и фразеологические единицы, заимствованные в новейший период развития русского языка: *талиб, талибан, джихадист, хамас, Хезболла, Аль-арабия, Аль-джазира, хуситы, ИГИЛ* и др. Помимо «сильных» инноваций, арабизмы в исследуемых текстах представлены так называемыми «слабыми» инновациями, в том числе актуализированными лексемами, перешедшими из пассивного запаса языка в активный (*ваххабизм, шахиды*).

ГЛАВА 3

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСИКИ АРАБСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

3.1. Национально-культурная специфика русского общественно-политического дискурса

В настоящее время особый интерес исследователей (лингвистов, психологов, социологов, этнографов) вызывают вопросы национально-культурной специфики коммуникации. В рамках подобного анализа затрагиваются проблемы связи языка и мышления, роли языка в обществе и его влияния на поведение человека, сквозь призму коммуникации изучаются традиции и обычаи в рамках национальных культур. А.А. Леонтьев предлагает выделять некоторые факторы, предопределяющие и обуславливающие национально-культурную специфику речевого общения: 1) факторы, связанные с культурной традицией (этикетные и стереотипные ситуации общения, характерные для того или иного народа, нормы и запреты); 2) факторы, связанные с социальной ситуацией (формы речевого поведения в отдельных социальных группах); 3) факторы, связанные с тем, какие психические процессы протекают при различных видах деятельности, например, мнемическая деятельность; 4) факторы, связанные с тезаурусом народа; 5) факторы, определяемые спецификой языка [Национально-культурная специфика речевого поведения 1997: 9-10]. Следует отметить, что национально-культурная специфика построения общественно-политического дискурса напрямую связана с языковой картиной мира или с языковым сознанием говорящего: то, как окружающая действительность отражается в сознании, проявляется в речи. Языковая картина мира человека формируется на основании определённых знаний и представлений, и для коммуникации наибо-

лее важными оказываются представления не индивидуальные, а общественные, то есть выработанные обществом в результате практик на протяжении столетий.

Кроме того, исследователи указывают на важность отражения в общественно-политическом дискурсе национально-культурной специфики информационной картины мира, которая «которая подобно языковой картине мира отражает национально-культурные особенности мировосприятия и систему ценностных отношений. Можно сказать, что в текстах массовой информации происходит интереснейшее наложение языковой и информационной картин мира. Это, в частности, выражается в лингвокультурных особенностях организации мирового информационного пространства. Так, глобализация мирового информационного потока тесно связана с процессом взаимовлияния и взаимодействия культур, при этом удельный вес того или иного лингвокультурного компонента зависит от целого ряда факторов экономического, политического и социокультурного характера» [Добросклонская 2014: 65].

На наш взгляд, чрезвычайно важно при анализе современного русского ОПД учитывать менталитет и социально-психологическое состояние тех, кому адресована политическая информация, и коммуникативно-прагматические задачи тех, кто ее продуцирует. Как известно, общественно-политический дискурс служит материалом для анализа эффективности речевого воздействия в сфере массовой коммуникации либо с позиции соотношения языка с социальной психологией (политический текст истолковывается как иерархия коммуникативных программ, анализируемых в целевом и социально-семиотическом аспектах), либо с позиций сугубо языковых (анализируются устойчивые лингвокогнитивные соответствия, выраженные в речи на лексико-семантическом, семантико-синтаксическом и стилистическом уровне), либо с позиций методики синергетической парадигмы.

Национальная специфика общественно-политического дискурса, по мнению исследователей, проявляется в специфике представления новостного потока. Т.Г. Добросклонская замечает, что американский и британский ОПД характеризуются высокой степенью этноцентризма или культурной самодостаточностью. Ср.: «Сравнение различных культур с точки зрения данных параметров показывает, что, например, английская и американская культуры характеризуются гораздо более высокой степенью этноцентризма, чем культура русская и испанская. Такая «культурная доминанта» обязательно проявляется и в текстах массовой информации, например, при сравнении тематической структуры английских, американских и русских новостных текстов. Так, при почти полном совпадении базового новостного формата – новости в стране, новости из-за рубежа, экономика и бизнес, комментарий и аналитика, образование, культура, спорт, погода – реальные наполнения тематических ячеек «новости в стране» и «новости из-за рубежа» заметно различаются. Как показывает анализ материала, английские и в особенности американские СМИ уделяют гораздо меньше внимания освещению событий за рубежом, чем СМИ в России. Конечно, речь идет не о каналах CNN и BBC World, специально ориентированных на международную аудиторию, и не о качественных изданиях аналитического характера типа журналов “Time” или “News Week”, в которых события международной жизни освещаются самым подробным образом. Речь идет о продукции СМИ, предназначенной для внутренней аудитории, для среднего английского и американского зрителя, которого, оказывается, не всегда волнует то, что происходит за пределами страны» [Добросклонская 2014: 66].

Исследователи отмечают, что в отличие от других национальных дискурсов русский общественно-политический дискурс характеризуется рядом специфических, в том числе национально маркированных, черт. С одной стороны, современный русский ОПД имеет наднациональные черты, существующие в связи с процессом глобализации многим народам и культурам и от-

ражающие европейские ценности (мультикультурализм, политкорректность и др.). С другой стороны, русский ОПД имеет национальные черты, не только отражающие современную историю России и современные ментальные установки, но и являющиеся «отголосками» советского времени.

В междисциплинарных работах, посвященных анализу современного российского общественно-политического дискурса, отмечается такая важная его черта, как идеологизированность, проявляющаяся в особой значимости транслирования текстами СМИ совокупности идей, взглядов, системы ценности и социальных отношений, присущих обществу или определенной социальной группе. Национально-специфичной чертой современного русского ОПД является также его ориентированность на внешнюю политику. Удельный вес публикаций, посвященных или в той или иной мере связанных с анализом событий, происходящих за рубежом, ситуаций на международной арене, с характеристикой внешнеполитической деятельности России, чрезвычайно высок. В настоящее время так называемые «ближневосточный вектор» и «мусульманский сдвиг» в немалой степени формируют отдельные фрагменты русского общественно-политического дискурса, что находит отражение в жанрово-стилистическом, текстовом и собственно языковом своеобразии публикаций на внешнеполитические и внутривнутриполитические темы. Так, например, тексты, посвященные внутренней политике России, продублированные в рамках ОПД, характеризуются особой спецификой: весьма высок в настоящее время процент публикаций, связанных с проблемами межнационального взаимодействия внутри страны, в первую очередь – взаимодействия с мусульманским населением. В данном случае следует обратить внимание на важный экстралингвистический фактор: общая численность мусульман в России приблизительно 14–25 млн. человек. По этому поводу публицист С. Новохатский замечает: «Если в 1985 г. во всем СССР насчитывалось лишь 70 мечетей, то сейчас только в России их 6650! Мусульманских высших учебных заведений в 1,5 раза больше, чем православ-

ных. Наблюдается активный процесс заселения мусульманами исконно русских земель. В Ульяновской области 40% всех приходов – мусульманские, в Тюменской области – 39%. Активно строятся минареты в Мурманской, Ивановской областях, Подмосковье и даже в «сердце русского Православия» – Сергиевом Посаде! В последние годы наблюдается тенденция обращения русских в ислам. Общество русских мусульман «НОРМ» насчитывает около 3 тыс. членов. Согласно официальной статистике МВД за 1996 г., отмечается резкий рост закавказской миграции в Москву. Численность арабов возросла в 3 раза, кавказцев – в 5–7 раз, таджиков – в 12 раз (повышенным вниманием к мусульманскому населению» [Новохатский 2006]).

Очевидно, что специфика современного русского ОПД (жанрово-тематическая, коммуникативно-прагматическая) предопределяет и особенности его речевого представления. На наш взгляд, перечисленные особенности русского ОПД предопределяют особую функциональную значимость в нем некоторых разрядов лексики арабского происхождения. Анализ функционирования арабизмов в современном русском медиапространстве позволил обнаружить яркие процессы, характеризующие употребление в современном ОПД рассматриваемых языковых единиц и сопровождающиеся рядом семантических преобразований заимствованных единиц. К основным подобным процессам мы относим следующие: 1) актуализация лексики арабского происхождения; 2) реализация синтагматического потенциала названной лексики и формирование корпуса устойчивых сочетаний на базе лексических единиц арабского происхождения; 3) возрастание коммуникативно-прагматической значимости арабизмов в русском общественно-политическом дискурсе.

3.2. Актуализация лексики арабского происхождения в рассматриваемом дискурсе

Анализ актуализированных в современном русском ОПД арабизмов подтвердил точку зрения многих исследователей, считающих, что актуализация как специфический процесс, характерный для современного состояния русского языка, обусловлен действием на систему русского языка, в первую очередь, на его лексическую систему, целого комплекса экстралингвистических, интралингвистических, универсально-психологических факторов. Актуализированные арабизмы в своем составе неоднородны и включают слова (лексемы), для которых произошло изменение функционально-квантитативного параметра применительно к внешней стороне словесного знака. Проведенное нами исследование показало значительное влияние на процесс актуализации арабизмов идеологического фактора.

Влияние «арабского вектора» на содержание современного ОПД, а также общий интерес к Востоку не только в нашей стране и в Европе, обусловленный происходящим в условиях глобализации взаимным проникновением культур, проявились в возрастании частотности употребления в современном медиадискурсе единиц этнорелигиозной лексики арабского происхождения. Достаточно часто для обозначения подобных слов используется традиционный термин «экзотизмы», под которым в большинстве случаев понимаются слова иноязычного происхождения, необходимые для номинации реалии «чужой» культуры (ср. также уже названные в первой главе данного исследования термины *культуремы*, *этнографизмы*, *регионализмы* и т.д.). Е. И. Диброва выделяет особые признаки экзотизмов: 1) отнесенность к национальной реалии, 2) отсутствие синонимов в языке-преемнике, 3) высокая степень обусловленности культурой нации [Диброва 1997: 236].

В.П. Берков использует термин «национально-культурная реалия» для обозначения единиц безэквалентной лексики, которые являются названиями «присущих только определенным нациям и народам предметов материаль-

ной культуры, фактов истории, государственных институтов, мена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т.п. [Берков 2004: 134].

С.Г. Тер-Минасова к национально-культурным реалиям относит лексику, обозначающую предметы и явления, связанные с историей, культурой, экономикой и бытом страны другого языка, которые отличаются полностью или частично по своему концептуальному содержанию от родного языка, также в свою очередь понятийно и культурно сложного для иностранцев [Тер-Минасова 2000: 76]. Г.Д. Томахин интерпретирует национально-культурные реалии как предметы, понятия, явления, характерные для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны и не встречающиеся в языках других народов [Томахин 2001: 13]. Термином «реалия» в современной научной литературе обозначается и явление внеязыковой действительности (предмет), и его культурный эквивалент (концепт), и средство номинации этого концепта в языке (лексема или фразеосочетание). Мы согласны с точкой зрения А.А.Кретова и Н.А.Фененко, которые предлагают четко разграничить R-реалии (от фр. *réalité*), C-реалии (от фр. *concpt culturel*), и L-реалии (от фр. *lexeme*) [Фененко 2001: 8; Кретов 2013]. Ср. также: C-реалии представляют собой «особые референты – элементы объективной реальности, отраженные в сознании, то есть предметы мысли, с которыми соотнесено данное языковое соответствие» [Конецкая 1980].

Решающим фактором, мотивирующим понимание тех или иных объектов, событий и явлений как национально-культурных реалий является в большинстве случаев их узкая национальна специфика и колорит, необходимость использования экспликации или описательного перевода при передаче их на другой язык при помощи транскрибирования, транслитерация или калькирования.

Л.Л. Нелюбин, исследуя национально-культурные реалии, отмечает, что данные «понятийно безэквалентные слова» по своей форме ничем не

отличаются от обычных слов, однако для двуязычного человека, носителя двух различных по своей специфике культур, они понятны, а для человека, владеющего одним (своим родным) языком, представляют собой не разрешимую без обращения к специальным справочникам и словарям загадку [Нелюбин 2007: 97]. Поэтому в процессе интенсивной межкультурной коммуникации приходится овладевать не только новой лексико-семантической системой, но и новой системой культурных смыслов, находящихся свое выражение во фразеологии, пословицах, поговорках, терминологии, речевых стереотипах, лингвистическом и экстралингвистическом контексте.

Ученые единодушно утверждают, что при всех общих условиях, в жизни каждого народа есть свойственные только ему специфические реалии культуры, быта, среды, которым в иной культуре (и понятийной системе) соответствуют полные или частичные пробелы (Г.Д. Томахин, 1986; М.В. Никитин, 1988; Г.В. Колшанский, 1990; С.Г. Тер-Минасова 2000). Поэтому языковые единицы, обозначающие подобные реалии, характеризуются ярко выраженной национальной спецификой. Очевидно, что многие единицы, относящиеся к лексике арабского происхождения в современном русском языке, обладают ярко выраженной национально-культурной спецификой, которая осознается всеми носителями русского языка, что обуславливает потенциальные возможности данных слов в акте коммуникации между адресантом и адресатом текста, представленного в современном русском ОПД.

Термин «национально-культурная специфика значения» лексической единицы в настоящей диссертационной работе понимается как «часть ее значения, которая отражает связь знака с предметом культуры (референтом) и которая в конечном итоге обусловлена национальной культурой» [Денисова 1978: 7-8]. Наличие в семантике слова национально-культурной специфики связано с тем, что слова являются элементами языка как определенной национально-культурной системы и с этой точки зрения обладают определенной национально-культурной значимостью [Верещагин, Костомаров

1980: 6]. При этом национально-культурной спецификой обладает именно семантика слова. А. Гудавичюс обнаруживает в лексической семантике поверхностный и глубинный уровни отражения культуры. Поверхностным уровнем отражения культуры исследователь называет такой, “когда особенности культуры народа находят непосредственное выражение в особых единицах лексического уровня языка (безэквивалентная лексика) или в характере этих единиц (словообразовательная мотивированность, метафоризация)...” [Гудавичюс 1985: 17-18]. Глубинный же уровень “кроется в природе самого значения как “сокращенного” понятия, сигнализирующего об объектах действительности (или концептах) при вторичной референции в актах речи” [Гудавичюс 1985: 18].

Результаты современных семасиологических исследований позволяют утверждать, что национально-культурная специфика слова не предполагает существования в его семантике какого-то особого культурного компонента: любой элемент плана содержания словесной единицы может обладать культурным своеобразием (подробнее см.: [Загоровская, Стернин 1984, Загоровская, 1990; 1996; 2015; Стернин 2007]). «Конкретное воплощение национально-культурная значимость слова находит в той составляющей его семантики, которая связана с отражением специфических в национальном отношении явлений и может быть названа семой национальной принадлежности. Для русского языка это будет сема «русский», объединяющая такие варианты, как «типичный для русских», «используемый русскими», «распространенный в России» и т.д.» [Загоровская, Стернин 1984: 99].

Как показывает анализ, в ряде единиц лексики арабского происхождения, представленной в современном русском языке, сема национальной принадлежности служит структурным элементом денотативного компонента значения и связана с отражением в семантической структуре слова собственно арабских (восточных) реалий, которые у других народов не имеют понятийных соответствий (в словах-экзотизмах), или реалий ислама (в сло-

вах-исламизмах). В семантике подобных словесных знаков на уровне денотативного компонента значения присутствуют семы «арабский», «восточный», «у восточных народов» «на Востоке», «у мусульман», «в исламе» и т.д. в качестве обязательных или вероятностных. Обязательный характер данной семы может быть отражен в словарных дефинициях. Ср.: шейх – «(нем. Scheich, фр. cheik < араб. šaiḥ вождь племени). 1. У арабов: глава рода, племени. 2. Представитель высшего мусульманского духовенства, богослов и правовед» [ТСИСК]; духан – «небольшой ресторан, трактир, харчевня, мелочная лавка (на Ближнем Востоке и в прошлом – на Кавказе)» [ТСЕ]; гурия [араб. hur – черноглазые] – «в мусульманской мифологии – райская дева» [БСИС]; ибн (араб.) – «в арабских личных именах (и сословных званиях) – компонент, обозначающий сын, потомок того, перед чьим именем он стоит, напр. Ахмед-ибн-Абдулла (или Ахмед Ибнабдулла), т. е. Ахмед сын (потомок) Абдуллы» [НСИС]; халифат – «распространенное название арабского мусульманского государства с халифом во главе» [ТСИСК] и др.

В составе лексики арабского происхождения, единицы которой актуализируются в современном ОПД, нами отмечены слова, отражающие разные реалии современного мира.

В первую очередь, как свидетельствует анализ, многие тексты современного русского общественно-политического дискурса, в том числе тексты информационных сообщений, включает в себя значительное число арабизмов, отражающих ономастические реалии. Использование имен собственных в информационно-политическом тексте вообще является отличительной чертой современной публицистики. Ср.: «В современном обществе язык СМИ совершенно невозможно представить без употребления имен собственных, а именно, личных имен (антропонимов) и географических наименований (топонимов), поскольку в информационных сообщениях всегда актуальны как действующие лица, участники каких-либо описываемых событий, так и места, где происходят те или иные события. Пространственная

локализация событий является наиболее существенной частью информации о происходящих событиях. Топонимы (географические названия) неоднородны и неравноценны с точки зрения их геополитической, экономической и социально-культурной значимости» [Котельникова 2014: 582]. Наши наблюдения в полной мере подтверждают высказанное утверждение исследователя. Современный русский медиадискурс, ориентированный на передачу событий за рубежом, крайне топонимизирован: в составе публикаций на внешнеполитические темы закономерным образом присутствует значительное число единиц, обозначающих различные географические реалии и имеющих в том числе арабское происхождение. Приведем контексты, отражающие повышенную частотность употребления подобных топонимов:

а) контексты из информационных сообщений, посвященных событиям в Сирии: *В понедельник сирийские СМИ сообщили, что перевозящая оружие автоколонна из Турции пересекла сирийскую границу и двинулась в сторону города Хан-Шейхун, чтобы оказать помощь террористической организации "Джабхат ан-Нусра" (запрещена в РФ). ... По данным близких к сирийской оппозиции очевидцев, авиация наносила удары, чтобы перекрыть автоколонне путь вглубь провинции Идлиб (Интерфакс, 20.08.19); "16 августа зафиксировано 32 обстрела. Боевики незаконных вооруженных формирований совершили обстрелы населенных пунктов Биньямин, Сабикия, Эль-Бурайдж, Халаса, Алеппо, Кинсибба, Айн-Эль-Кантара, Эль-Аси, Бейт-Джнауро, Ардаш-Даг, Санджека, Кара-Галиа, Сафсафа, Кара-Джагез, Айн-Слеймо, Сандран, Айн-Эль-Ашра провинции Латакия; Маканис-Эд-Дувайри, Мгарет-Марза, Суккория, Эс-Салихия провинции Идлиб", – говорится в сообщении (Интерфакс, 17.08.19);*

б) контексты из информационных сообщений о событиях на территории Ирака: *28 июля неизвестные самолеты совершили налет на базу Аш-раф, расположенную в 40 км к северо-востоку от Багдада. По сведениям "Аш-Шарк аль-Аусат", в ходе атаки были уничтожены доставленные туда*

ранее иранские баллистические ракеты и беспилотники. 19 июля удар был нанесен по лагерю шиитских бойцов Аш-Шухада в районе Амирли под городом Туз-Хурмату (*tass.ru*, 21.08.19); Ранее йеменский телеканал *Al Massira* сообщил, что йеменские хуситы с помощью беспилотников атаковали аэропорты саудовских городов Абха и Джизан (*Интерфакс*, 06.07.19) и др.

Не менее значимы в ономастиконе современных арабизмов имена политиков, общественных деятелей, глав государств, представителей различных общественно-политических и религиозных организаций и т.д. Нередко в современном русском медиапространстве в состав актуального антропонимикона входят имена исторических персонажей, имеющих значимость в контексте описываемой в настоящее время ситуации. Ср. примеры из материалов современных СМИ, которые репрезентируют актуализированные лексемы арабского происхождения: *Лидер сепаратистов из Южного переходного совета (ЮПС) Айдарес аз-Зубейди принял предложение Саудовской Аравии провести примирительную встречу йеменских политиков в Эр-Рияде* (*ИТАР ТАСС*, 11.08.19); *"Когда-то нефтяные гиганты соперничали. Сегодня суверенный фонд России и партнер в Саудовской Аравии договорились о совместном инвестировании в различные проекты. Наследный принц Мухаммад бин Салман настроен на диверсификацию экономических связей"*, – комментирует ситуацию саудовский экономист Фадль аль-Боайнайн (*РГ*, 10.08.19); *Ожесточенные бои велись с применением танков и тяжелых орудий. ЮПС потребовал отстранить президента Йемена Абд Раббо Мансура Хади от власти, назвав его ставленником исламистской партии "Аль-Ислах" – йеменского филиала ассоциации "Братья-мусульмане" (запрещена в РФ)* (*tass.ru*, 20.08.19); *Король Саудовской Аравии Салман бин Абдель Азиз Аль Сауд назначил принцессу Риму бинт Бандар бин Султан на пост посла в США. Об этом сообщает агентство SPA со ссылкой на королевский указ. Принцесса Рима заменила на этой должности сына саудовского короля Халеда бин Салмана* (*Лента.ру*, 24.02.19) и др.

В ономастическое поле арабизмов, актуальных для современного ОПД, входят также названия политических, общественных, религиозных организаций (см. об этом главу 2), различных учреждений и исторических мест, названия изданий СМИ, теле-, радиоканалов и информационных агентств, номинации исторических событий и др. Ср.: *Между тем агентство Associated Press сообщает, что боевики террористической группировки "Хайат Тахрир Аш-Шам" (прежнее название – "Джабхат Ан-Нусра", запрещена в РФ) подтверждают информацию об оставлении части позиций в городе Хан-Шейхун под давлением правительственных войск (Интерфакс, 20.08.19); А вот Сергея Лаврова эмир принимал в историческом дворце Каср-Сиф. Эти стены многое повидали: в 1961 году здесь была подписана Декларация независимости Кувейта (РГ, 28.08.17); В июне 2013 года в ходе Петербургского международного экономического форума Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) и суверенный фонд ОАЭ Mubadala объявили о создании совместного инвестфонда с капиталом 2 млрд долларов. (РГ, 23.10.14); Агрессия проправительственного арабского ополчения "Джанджавид" уже давно распространилась за пределы Судана и захватила приграничные районы Чада (Интерфакс, 30.09.08) и др.*

Актуализированные в современном русском ОПД арабизмы обозначают, помимо ономастических, и другие реалии. Наши наблюдения показывают особую функциональную значимость для современного русского ОПД так называемых слов-этнонимов, т.е. названий различных видов этнических общностей: наций, народов, племен, народностей и др.

Этнонимы-арабизмы являются недостаточно изученным в российской лингвистике фрагментом русского языка. При этом некоторые исследователи обращают внимание на генетическую принадлежность ряда слов и отмечают, что «заимствованным является название метаэтнической общности (араб(ы)); как и самоназвание такой общности – аль-араб. К этнонимам, образованным от арабских топонимических основ с русскими суффиксами,

относятся следующие: *алжирец, бахреинец, иорданец, иракец, йеменец, катарец, кувейтец, ливанец, ливиец, марокканец, оманец, палестинец, саудовец, сириец, тунисец*» [Александрова 2010: 133]. К лексике арабского происхождения, наряду с указанными этнонимами, образованными от соответствующих арабизмов-имен собственных, следует отнести и другие отантропонимические дериваты: *сирийский, ливийский, алжирский* и др.

Единицы-этнонимы арабского происхождения (как и другие отантропонимические образования), в семантике которых на уровне денотативного компонента значения отражена национально-культурно специфика, характеризуются как актуализированные единицы современного русского ОПД. Этнонимы-арабизмы широко представлены в изучаемом современном медиапространстве.

Помимо широко распространенных и хорошо известных носителю русского языка этнонимов, актуализации подвергаются и другие национально специфичные слова-арабизмы. Как известно, количество племён, проживающих на территории арабоязычных стран, очень велико. В исследовании Г.А. Шпажникова перечислены названия племен и народностей по странам проживания): так, в Йемене проживают народности бени-ям, хатид, бакиль, анис, аль-ваизат, бени-солеиль, зараник, хамдан; Данакиль, ахмара; племена акраби, хаушаби, ола, хамуми, ноуа, авалшр, шаар; в Омане: есть племена аль-вахиба, бени-раваха, бени-рийам и др., а также *ибадидские племена* азд, хинави, кинда. В Саудовской Аравии живут племена: аназа, шаммар, хард, давасир, мутайр, аджман, мурра, авази; харб, букум, фахм и др. [Шпажников, 1976: 84]. Подобные наименования, являющиеся узкоспециальными номинациями, в некоторых случаях могут актуализироваться в современном ОПД.

Интересными примерами актуализации этнонимов в нашей выборке из русского общественно-политического дискурса являются лексические единицы *курд* и *езид*. О связи данных единиц с арабским этимологом свиде-

тельствуют следующие данные: курд – «иранский народ на юг от Баку до истоков Евфрата; впервые др.-русск. кюртъ, Хожд. Котова (1625 г.), стр. 98. Заимств. через тур., перс., араб. kurd – то же; ср. греч. Κούρτιοι (Полибий, Страбон), лат. Curytii (Ливий), арм. կՊրժկՊ; см. Нёльдеке, Festschrift H. Kierpert 73 и сл.» [ЭСФ-2] (в некоторых источниках говорится о том, что в связи с деструктурированностью народа трудно охарактеризоваться происхождение самого слова); езиды – народ, в основном проживающий на севере Ирака. Также воспринимаются как отдельный народ от курдов и отдельная этническая общность. Ср. использование названных словесных единиц в современном ОПД: Например: *Бойцы спецназа иракской армии задержали во вторник в городе Эль-Баадж (провинция Найнава) террориста Абдаллу Касема, который разыскивался за причастность к геноциду езидов – этно-религиозного меньшинства Ирака ... Он разыскивался также по обвинению в насилии над захваченными в плен езидскими женщинами (ТАСС, 06.08.19); Однако у езидов существуют разночтения насчет своего курдского происхождения ... «Часть езидов считает, что езиды – курды, другая – что они не курды. Вторые в основном и живут районе Шингала, где ИГ устроил в 2014 году геноцид и где в августе этого года избрали параллельного лидера езидов (НГ 20.08.19) и др.*

Интересен, на наш взгляд, и следующий контекст: ... *вероятно, аль-Башира будут судить. На родине. ... МУС [Международный уголовный суд] обвиняет его в том, что он лично отдавал приказы о подавлении беспорядков в провинции Дарфур и уничтожении мирного населения народностей фур, масалит и захава... Все эти годы он ездил только в те страны, которые могли гарантировать ему невыдачу суду (ТАСС, 13.04.19), в котором, актуализированы этнонимы фур, масалит и захава.*

Актуализируются в современной русскоязычном общественно-политическом дискурсе и другие арабизмы, номинирующие общественно-политические реалии. Так, в состав актуальной лексики, широко используе-

мой в текстах СМИ на общественно-политические темы, входят такие заимствования, как *эмир, эмират, наиб, мюрид, набоб, аманат, бедуин, феллах, вакуф, мектеб, визирь, шейх, мамлюки* и др., обладающие яро выраженной национальной спецификой: *наиб* – «в некоторых мусульманских странах – заместитель или помощник какого-л, начальника или духовного лица; иногда –начальник местной полиции, старшина сельской общины» [СИСК]; *вакуф* [араб.] – «в мусульманских странах – имущество (преимущ. земля), не облагаемое налогом и неотчуждаемое, предоставленное в виде дара или по завещанию религиозным или благотворительным учреждениям» [СИСК]. Некоторые из них с целью адекватного понимания требуют особого комментирования, что нередко применяется в текстах русскоязычных СМИ. Ср.: *Раньше при слове «египтянин» нам представлялся прежде всего феллах, то есть неграмотный крестьянин (НГ, 25.02.14); Другое дело – задержание родственников заложников. То есть и здесь историческая традиция имеется: заложников (аманатов) брали и царские регулярные войска, и казаки во время Кавказской и прочих войн на окраинах империи и за ее пределами (РБК Daily, 01.11.04); Основатель Турецкой республики упразднил халифат, последовательно провел в жизнь секуляристские реформы, решительно отстранив муд от управления государством, отменил чадру, уравняв женщин в правах с мужчинами, конфисковав значительную часть вакуфов – земельной собственности мечетей (Труд-7, 13.02.04).*

В настоящее время некоторые экстралингвистические факторы обуславливают повышение частотности арабизмов, номинирующих религиозные реалии. В новейший период развития в русскоязычном общественно-политическом дискурсе актуализации в первую очередь подвергается пласт лексики религиозного содержания, восходящей к арабским этимонам. Лексемы *мечеть, имам, аллах, муфтий, медресе, Коран, суннит, сура, аятолла* и др. пополнили состав русского языка в предыдущие периоды его развития, но в советское время (в частности) не входили в состав актуальной обще-

ственно-политической лексики, были на периферии языкового сознания носителя русского языка. В настоящее время эти и другие лексические единицы арабского происхождения религиозной тематики широко используются в текстах русских информационных сообщений:

Ставшая нынешней осенью официальным символом России мечеть "Сердце Чечни" в этот вечер превратилась в настоящую площадку для лазерного шоу. На стенах и минаретах храма расцветали невероятной красоты цветы, кружились под музыку фантастические арабески (Комсомольская правда, 2013.10.06) (ср.: минарет – «вероятно, через нем. Minarett или франц. minaret из тур. minara (Радлов 4, 2153) от араб. minara "маяк" из-за сходства последнего с минаретом» (ЭСФ); мечеть – «[арабск. – «место поклонения»] – мусульманское культовое сооружение, храм» [СИСК];

США призывают к формированию правительства в Ираке и поддерживают аналогичный призыв лидера иракских шиитов аятоллы Али Систиани, сказала журналистам в пятницу представитель госдепартамента Мари Харф (РИА Новости, 2014.06.27) (ср.: аятолла – «(< араб. Aiatullā(h) отмеченный Аллахом < āiat знак + al-ilāh бог). Высший духовный титул у шиитов в Иране (где шиизм – государственная религия), а также лицо, имеющее этот титул» [ТСИСК];

Мусульманам в Киргизии запретили заниматься сетевым маркетингом и делать не связанные со здоровьем пластические операции, сообщил в понедельник "Интерфаксу" представитель совета улемов (высшего органа) Муфтията Киргизии. "Учитывая, что в сетевом маркетинге есть высокие риски ведения бизнеса и что он не совпадает с правилами ведения бизнеса по шариату, была принята фетва (решение – ИФ), где говорится, что сетевой маркетинг как бизнес – это харам (запретное действие согласно шариату – ИФ)", – сказал Шадыбаев (ср.: харам [арабск. – «запретное»] – в исламе (ИСЛАМ): грех; поступки, являющиеся греховными и запретными. В зависимости от местных условий запреты могут распространяться на се-

мейно-брачные отношения (запрет брака с родственником), пищу и питье, определенные игры и развлечения и т. п.» [СИСК].

Все перечисленные лексемы функционируют в современном общественно-политическом дискурсе, однако с различной частотой употребления. Так, высокочастотными являются единицы *шиит*, *суннит*, *мечеть*, *рамазан*, *муфтий* и др., которые используются при описании ситуаций и событий, связанных с мусульманским социумом (на территории России или за рубежом). Подобные слова из-за частотности употребления и широты и известности обозначаемых понятий органично входят в текст публикаций, относящихся к современному русскому общественно-политическому дискурсу, и адекватны для восприятия читателей. По мнению М. Г. Ч. Аль-Кадими, слова *Аллах*, *Коран*, *мечеть*, *имам*, *минарет*, *мулла*, *хадж* и другие в настоящий момент переживают вторую волну распространения в связи с активной работой средств массовой информации и общественной ситуацией в мире [Аль-Кадими 2010: 40].

Некоторые другие единицы арабского происхождения в современном медиадискурсе используются значительно реже, а в ряде случаев выступают для русского языкового сознания как слова-агнонимы, требующие пояснения и комментирования. Так, например, современный русский общественно-политический дискурс дает следующие контексты репрезентации средне – и низкочастотных языковых единиц, представляющих собой прямые заимствования религиозной тематической сферы (с комментарием и без комментария):

адат – «[арабск.] – неписанный закон, обычай у народов, исповедующих ислам; а. рассматривается как дополнение к шариату» [СИСК]; ср.: *В Ингушетии открылась первая в республике школа, где будут изучать адаты – неписанные древние законы горцев. Они представляют собой совокупность обычаев и правил в имущественных, уголовных и семейных отношениях (РГ, 21.09.17); Объясняю: в исламе есть шариат (письменное право) и*

адат (устное право). Шариат—это единая для всех мусульман форма отношений, свод жестких правил. Шаг вправо, шаг влево—считается побег. Адат, напротив, очень гибок, у каждого народа он свой и потому неписанный (КП, 18.09.12); В Ингушетии часть общества требует легализовать самосуд для насильников. По мнению оппозиционеров республики, так называемые адаты (свод традиционных, доисламских обычаев у народов Кавказа. – Ред.) гарантируют неотвратимость наказания для преступника на деле, а не на бумаге (КП, 30.10.12);

улем – «(< араб. ulama ученые). Мусульманские богословы и правоведы в странах распространения ислама» [ТСИСК]; ср.: Духовные лидеры практически никак не могут повлиять на террористов, для которых религиозные мотивы – лишь прикрытие для совершения преступлений, считает исламский богослов, глава Совета улемов Всероссийского муфтията Фарид Салман (АиФ, 30.12.13); Во главе делегации стоит глава государственной канцелярии президента Афганистана Абдул-Салам Рахими. Также в нее включены министр образования Мохаммад Мирваис Балхи, ... член совета улемов (исламских богословов) Атаулла Лудин ... (Коммерсантъ, 22.11.18);

Кааба – «(араб. kaabah kab куб) мечеть в Мекке, имеющая форму куба, в стену которой вделан черный камень, якобы упавший с неба; считается святыней и служит местом паломничества мусульман» [НСИСЗ]; ср.: Хадж является одним из пяти столпов ислама и заключается в посещении Мекки, а именно мечети Аль-Харам, где расположена главная для мусульман святыня – Кааба. Каждый год к ней стекаются миллионы верующих (НГ 05.09.16); Согласно мусульманскому преданию, "черный камень" кааба – это белый яхонт из рая, который был дарован Аллахом Адаму, когда тот, сброшенный на землю, добрался до Мекки. Глыба стала черной из-за грехов и порочности людей (РИА Новости, 17.12.07);

кадий / кади – «(< араб. kādī, kady). В мусульманских странах: судья, рассматривающий дела на основе шариата [ТСИСК]; ср.: По его словам,

шариатский суд действует под руководством кадия, который избирается алимами и муфтию не подчиняется (Коммерсант, 15.01.19);

хадис – «[ар.] в мусульманстве – предание о поступках а изречениях пророка Мухаммеда» [СИСК]; ср.: В одном из хадисов – преданиях о словах и действиях пророка Мухаммеда – сказано: «Поистине, Аллах удалил от вас племенной, национальный дух, свойственный джахилии (невежеству) и свойственный ей же обычай кичиться своими предками, и теперь люди разделяются только на благочестивых мусульман или злосчастных грешников! (НГ, 26.07.19);

фетва – «[ар.] – решение муфтия по какой-л. проблеме, основывающееся на Коране; ф. даётся в форме вопроса – ответа» [СИСК]; ср.: В январе один из духовных лидеров Египта издал фетву, запрещающую мусульманам ездить на автомобилях американской марки Chevrolet. Фетва – это решение по какому-либо вопросу в исламе, выносимое муфтием или факихом (толкователем в области исламского права и знатоком законов шариата). Не государственный закон, но авторитетный для мусульман документ (КП, 08.02.12).

Рассматривая частотность употребления слова в речи как важный показатель его актуальности, Аль Шаммари провела анализ данных нового «Частотного словаря современного русского языка», составленного по материалам Национального корпуса русского языка. Частотность тех или иных слов в частотном словаре определяется по анализу широкого контекста: произведений художественной литературы, материалам публицистики, записям устной речи – таким образом, что в словаре, по мнению исследователей, «представлен срез всего потенциально бесконечного множества текстов, функционирующих в современном русском языке» [Ляшевская, Шаров 2009: VII]. В соответствии с исследованием Аль Шаммари Частотный словарь включает 22 арабизма, относящихся к лексике религиозного содержания – это слова *аллах, аят, аятолла, ваххабит, джихад, имам, ислам, ме-*

четь, мулла, муфтий, намаз, паранджа, сура, хадж, хаджи, шарият, шахид, шахидка, шиит, халиф, халифат, которые характеризуются высоким показателем частотности употребления. Аль Шаммари, опираясь на газетный подкорпус НКРЯ, подвергла анализу и другие единицы рассматриваемой группы слов. При этом было установлено, что арабизмы религиозной семантики (в словарных формах) «представлены в 10809 документах, что составляет 3,2% от их общего числа в газетном корпусе, а количество вхождений 16118 (0,009% от общего числа вхождений). Среди арабизмов максимальное количество фиксаций в НКРЯ имеют слова *Хамас* (1820), *ислам* (1707), *султан* (1047), *мечеть* (642), *аллах* (391), *муфтий* (374), *меджлис* (352), *джихад* (346), *эмир* (309), *коран* (298), *рамадан* (246), *ваххабиты* (222), *Хадж* (213), *паранджа* (157), *шариф* (156), *намаз* (102). Обращает на себя внимание тот факт, что частота употребления лексем имеет хронологически неравномерный характер. Так, например, в период с 2000 по 2013 гг. частота употребления слова *ислам* колебалась от 5.25 до 21.28 на миллион словоформ, причем отмечались как периоды спада, так и периоды подъема (см. также: *джихад* – 1.15 (2000), 1.23 (2006), 1.8 (2009), 2.3 (2012), 1.9 (2013); *меджлис* – 1.5 (2000), 0 (2001), 1.4 (2004), 3.9 (2007), 1.15 (2008), 3.6 (2010), 1.12 (2011))» [Аль Шаммари Маджида Джамаль Ашур 2015].

Наши наблюдения показывают, что в настоящее время продолжается процесс актуализации лексических единиц арабского происхождения, отражающих те или иные реалии ислама. Однако новые политические условия и события в мире делают актуальными и частотными соответствующие современному международному и российскому контексту лексические и фразеологические единицы. Анализ современного русского ОПД показывает частотность такой лексической единицы, как *хусит*, не зафиксированной словарями русского языка и не отмеченной в НКРЯ (следует обратить внимание, что в настоящее время НКРЯ (газетный подкорпус) фиксирует единицы, входящие в тексты публикаций до 2014 года включительно). Лексема

хуситы употребляется в современном медиапространстве в значении: хуситы – «участники военизированной группировки мусульман-шиитов, действующей на территории Йемена» (движение хуситов получило свое название в честь самопровозглашенного имама Хусейна аль-Хуси, который поднял антиправительственное восстание в 2004 г. и был убит йеменской армией в сентябре 2004 года. С начала 2015 года является *де-факто* правящей организацией в Йемене). Например: *Похожий случай произошел в июне текущего года. В частности, тогда хуситы из шиитского движения, фактически контролирующие Йемен, сообщили, что сбили разведывательный беспилотник арабской коалиции, возглавляемой Саудовской Аравией... Война между правительственными войсками и повстанцами-хуситами продолжается в Йемене с 2014 года. (РБК, 21.08.19); Глава Верховного политического совета хуситов Махди аль-Машат обратился к России с просьбой помочь остановить войну в Йемене (АиФ, 24.07.18) и др.*

Актуальны и частотны в настоящее время такие единицы заимствованной из арабского языка лексики религиозного содержания, как *шиит*, *суннит*, *алавит* и др., зафиксированные словарями русского языка «советского периода»: суннит – «Мусульманин –последователь суннизма» (МАС-3); шиит – «мусульманин –последователь шиизма» (МАС-3); алавиты – «секта в шиизме. А. в вероучении близки секте исмаилитов, но включают также элементы др.-вост. астральных культов и христианства. А. почитают халифа Али как воплощенного бога. Солнце, Луну, веруют в переселение души, отмечают ряд христ. праздников. Проживают в Сирии и Турции» и др. Ср. современные контексты: *Несколько человек получили ранения в результате возобновившихся столкновений между суннитами и алавитами в городе Триполи на севере Ливана, сообщает в среду агентство AFP. По словам местных сотрудников сил безопасности, перестрелка началась после того, как солдаты попытались разобрать баррикады в суннитском районе Баб ат-Таббанех, населенном преимущественно суннитами. Напро-*

тив этого района располагается квартал Джабаль Мохсек, большинство жителей которого являются преимущественно алавитами. Ливанские сунниты поддерживают оппозиционеров в соседней Сирии, выступающих против режима президента Башара Асада, отмечает АФ (Интерфакс, 16.05.12)

Исследование современного русского ОПД с целью определения круга актуализированных единиц арабского происхождения показало повышение функциональной значимости и других единиц с ярко выраженной национальной спецификой семантики. Так, например, процесс актуализации затрагивает единицы арабского происхождения, номинирующие этнографические реалии. Подобные словесные знаки образуют большую группу лексики, связанной с бытом (являются обозначениями традиционной пищи и напитков, одежды, обуви, головных уборов, посуды, другой утвари, транспортных средств, музыкальных инструментов, денежных единицы, персонажей народных сказок и т.д. При этом проведенный анализ позволяет утверждать, что в современном русском общественно-политическом дискурсе отдельные арабизмы, относящиеся к данной группе, подвержены актуализации. Например, наименования женской одежды, характерной для арабских / мусульманских женщин, достаточно часто встречаются в современном дискурсе. Подобно тому как сами реалии являются маркерами этнической (религиозной) принадлежности, так и лексемы отражают национальную специфику. Примечательно в данном случае то обстоятельство, что тема религиозной маркированности (относящийся к исламу») может проявлять себя в денотативном компоненте значения или выступать как потенциальная. Ср., например: паранджа (араб. faranga) – «верхняя одежда, без которой мусульманским женщинам в Средней Азии не разрешалось выходить из дому – длинный широкий халат с волосяной сеткой, закрывавшей лицо» [ТСУ]; хиджаб – «1. Любая одежда, скрывающая фигуру и лицо (у мусульман).

Женский головной платок. 2. Предписание об обязательном ношении такой одежды» [ТСЕ]; никаб – «накидка из тонкой ткани, носимая мусульманскими женщинами и закрывающая волосы, лицо, шею, но оставляющая открытыми глаза» [ИЭС].

Достаточно часто подобные лексемы в общественно-политическом дискурсе используются в текстах, посвященных межнациональным, этическим и гендерным проблемам разного уровня. Например: *Ну а теперь есть новая горячая тема – во Франции мусульманкам запрещают носить хиджаб, паранджу, никаб, то есть традиционную одежду (Известия, 08.08.13); Исламская религия не обязывает несовершеннолетних девочек носить хиджаб, в то же время ношение обычного платка принято в России как у православных, так и среди верующих-мусульманок, и не должно вызывать каких-то вопросов и нареканий в школах ... (РИА Новости, 20.12.12).*

Таким образом, анализ показал, что значительно возросший интерес к мусульманскому миру, обусловленный политическими событиями мирового масштаба, постоянные «горячие» точки в Ираке, Афганистане, на Ближнем Востоке в той или иной степени формируют современный русский ОПД. Актуальность текущих событий международной жизни вызывает стойкий интерес читателей и журналистов к определённой стране или региону, что приводит к активному употреблению в текстах единиц, обладающих национально культурной спецификой и обозначающих местные реалии. Текстовое пространство современного русского ОПД последних десятилетий закономерным образом включает в состав актуализированные единицы лексики арабского происхождения.

3.3. Реализация синтагматического потенциала арабизмов и образование на их основе устойчивых сочетаний в современном русском общественно-политическом дискурсе

Тесно связан с процессом актуализации словесных единиц процесс изменения их лексической сочетаемости. Как показал анализ фактического материала, в настоящее время многие лексемы, отнесенные нами к этнорелигиозным арабизмам, активно реализуют потенциальные синтагматические возможности. Контекстное окружение арабизмов, функционирующих в современном ОПД, отражает традиционную сочетаемость анализируемых лексем и показывает новые (в том числе достаточно устойчивые) связи лексической единицы. Текстовое пространство современного русского ОПД содержит примеры реализации свободных синтагматических связей практически всех актуальных в настоящее время арабизмов русского языка. В то же время отдельные лексемы характеризуются спецификой реализации синтагматики, проявляющейся в количественном разнообразии репрезентированных членов в сочетаемостных рядах, а также в лексико-семантическом оформлении данных членов. Ср., например, синтагматические связи следующих слов-арабизмов, относящихся к разным тематическим группам:

лексема *никаб* (араб. نقاب «покрывало» – мусульманский женский головной убор, закрывающий лицо, с узкой прорезью для глаз) выступает как член следующих сочетаний: *носить / надеть / снять никаб, запрещать никаб, девушка / женщина в никабе, арабский никаб* (лексическая единица характеризуется низкой степенью реализации синтагматических возможностей);

лексема *фетва* (фетва (араб. Fatwā. В мусульманстве: заключение *муфтия* по тому или иному вопросу, основывающееся на Коране, сунне или шариате [ТСИСК]) реализует следующие сочетаемостные возможности: *вынести / принять / выпустить, зачитать / прочитать / объявить / вспомнить / издать / обнародовать фетву, говорится / подчеркивается в фетве, руководствоваться фетвой, важная / распространенная / специальная фетва* (данная лексема имеет более широкий спектр сочетающихся в ней единиц);

арабизм *гашиш* (< араб. hashīsh) зафиксирован как компонент сочетаний: *марокканский гашиш, доставлять / привозить / покупать / продавать / фасовать / использовать / употреблять / хранить / найти / изъять гашиш, партия / брикет гашиша, импорт / поставки / контрабанда гашиша* и др. (лексема представляет собой давно освоенную русским языком единицу, характеризующуюся значительным потенциалом реализации синтагматических возможностей).

Помимо фиксации актуальных в настоящее время синтагматических связей слов-арабизмов, анализ контекстного окружения рассматриваемых единиц с ярко выраженным национально-культурным компонентом в семантике позволил выявить процесс формирования устойчивых сочетаний современного общественно-политического дискурса с компонентом-арабизмом. С этой целью в первую очередь нами были проанализированы ключевые слова анализируемого фрагмента: *араб, арабский, мусульманин, мусульманский, ислам, исламский, исламизм, исламистский* и др.

В современном русском публицистическом дискурсе данные лексемы имеют широкое распространение и характеризуются особой частотой употребления в публикациях на внешнеполитические и внутривнутриполитические темы. В ходе исследования было выяснено, что прилагательные *арабский* и *исламский* характеризуются особенно широкой лексической сочетаемостью. Так, например, в исследуемом дискурсе лексема *арабский* используется в сочетании с существительными различной семантики: *арабская наука, арабские технологии, арабский народ, арабские революции, арабское население, арабские страны, арабский язык, арабская вязь, арабский конфликт, арабская молодежь, арабская пресса, арабская авиакомпания, арабские монархия, арабская улица, арабский квартал* и т.д. Помимо свободных сочетаний, в современном русском общественно-политическом дискурсе функционируют устойчивые сочетания, которые имеют четко сформулированное и регулярно актуализируемое значение. Некоторые подобные соче-

тания зафиксированы и современными словарями (в большей мере – энциклопедическими, специализированными политологическими, в меньшей степени – лингвистическими). Регулярными устойчивыми сочетаниями современного общественно-политического дискурса являются, например, следующие сочетания с компонентом *арабский*: *Арабские Эмираты, Объединенные Арабские Эмираты, арабский Восток, арабский мир, арабская весна, Лига арабских государств* и др.

Сочетание *Объединенные Арабские Эмираты* является номинацией государства; ср.: *Объединенные Арабские Эмираты (Имарат аль-Арабия аль-Муттахида) (ОАЭ)* – «государство в Зап. Азии, на северо-востоке Аравийского п-ова, у берегов Персидского и Оманского заливов 83,6 тыс. км²(сухопутные границы ОАЭ проходят по пустыням и четко не определены)» [БСЭ].

Устойчивое сочетание *арабский мир* (араб. *الوطن العربي*) (употребляется в большинстве случаев со значением «арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки, а также страны Восточной Африке, входящие в Лигу арабских государств и имеющие арабский язык в качестве одного из официальных», т.е. данное устойчивое сочетание номинирует широкое понятие. Наши наблюдения показывают, что приведенное устойчивое словосочетание входит в состав актуальной лексики и фразеологии современного русского ОПД и характеризуется высокой частотностью и регулярностью употребления. Ср. примеры функционирования устойчивого оборота *арабский мир*: *Махмуд Аббас тем временем попросил созвать экстренное заседание Лиги арабских государств, если в течение 48 часов ситуация не улучшится (Известия, 2014.04.06)*. С тем же значением функционирует в качестве терминологического словосочетание *Арабская Лига*. Ср. примеры: *Даже Арабская Лига, недавно изгнавшая законное правительство Сирии из своих рядов, осудила израильский налет. (Комсомольская правда, 2013.05.06)*.

Среди актуальных сочетаний современного русского ОПД отмечены также новые фразеологические сочетания – прежде всего словосочетание *арабская весна* (подробнее см. 2 главу). Например: *Коллеги Мааджиды Наваза признают: Запад поддался заблуждению, будто «арабская весна» приведет к победе демократии чуть ли не на всем Ближнем Востоке и ни о чем не надо беспокоиться. Последствия нынешних событий в Ираке могут оказаться катастрофическими* (Комсомольская правда, 2014.08.06).

Лексемы *мусульманин*, *мусульманский* в современном русском ОПД также имеют широкие свободные синтагматические связи, которые реализуются в сочетаниях *мусульмане России*, *мусульмане Москвы*, *крымские мусульмане*, *стать мусульманином*, *мусульманские страны*, *мусульманские народы*, *мусульманские диаспоры*, *мусульманские течения*, *мусульманское население*, *мусульманское духовенство*, *мусульманский праздник*, *мусульманский Восток*, *мусульманская Турция*, *мусульманский канон*, *мусульманский обычай*, *мусульманские экстремисты*, *мусульманские радикалы* и др. Интересно отметить, что в анализируемом типе дискурса функционирует целый ряд ономастических сочетаний, в основе которых лежат лексемы *мусульманин* и *мусульманский*. Например: *Союз мусульман России – «светское общероссийское общественно-политическое движение, имеющее индивидуальное и коллективное членство; создано в мае 1995»* [РНСР]. Например: *Первые мусульманские партии новейшей истории – «Нур» и Союз мусульман России создавались на базе ЛДПР, затем концепция поменялась, и такие партии стали формировать с расчетом внедрения в проправительственные блоки* (Комсомольская правда, 2012.04.27; *Околорелигиозный «ребрендинг» СР и КПРФ напоминает о потерпевших фиаско опытах создания в РФ религиозных партий – вроде «Союза мусульман России» (запрещен в России) или организаций на платформе политического движения* (НГ, 19.03.19).

К названному ряду арабизмов относится также неоднословное наименование *Братья-мусульмане* – «(араб. *الاخوان المسلمون*, *Аль-Ихван аль-Муслимун*), именующее международную религиозно-политическую ассоциацию, признанную в России экстремистской террористической организацией. В современном русском ОПД названное словосочетание имеет широкое распространение: *В сентябре прошлого года решением египетского суда прекращено вещание местного филиала телеканала. В декабре прошлого года египетские власти объявили «Братьев-мусульман» террористической организацией (Известия, 2014.06.23)*. С тем же значением в некоторых контекстах встречается номинация «Мусульманские братья»: *Главная исламская организация «Мусульманские Братья» (МБ), победившая на всенародных выборах, будет, видимо, запрещена. Хотя Мубарака давно нет, и даже суд над ним приостановлен, режим Мубарака вернулся во всей своей красе (Комсомольская правда, 2013.08.18)*.

Лексема *ислам* является одной из наиболее употребительных и почетных в процесс номинации самых разных политических реалий. Лексическая единица *ислам* (ислам [арабск.] – «одна из мировых религий наряду с христианством и буддизмом; религия мусульман, вера в Аллаха как единого Бога и в его пророка Мухаммада» [СИСК]), а также дериваты *исламский*, *исламистский* и др. обладают широкой свободной сочетаемостью. Анализ контекстного окружения этих арабизмов выявил их возможные синтагматические связи, представленные в следующих в следующих высокочастотных свободных сочетаниях: *культура ислама, постулаты ислама, принять ислам, исламская религия, исламское сотрудничество, исламское образование, исламский институт, исламские террористы, исламские страны, исламский мир, исламская проблема, исламский мистицизм, исламские взгляды, исламское искусство, исламистская коалиция, исламистское движение, исламистские группировки, исламистская община* и др.

Ряд сочетаний с компонентами *ислам, исламский, исламистский* демонстрируют тенденцию к терминологизации. В первую очередь, это относится ко многим ономастическим сочетаниям. В нашей выборке зафиксированы следующие ономастические номинации, характеризующиеся регулярностью употребления в современном русском ОПД в связи с актуальностью соответствующих понятий:

Исламский джихад» -- название ряда исламистских радикальных организаций. Например: *Катар перестал поддерживать боевиков в Сирии, и даже своих «Братьев-мусульман» в Египте, и «Хамас» в Газе он поддерживает только на словах.... Саудовская Аравия предпочитает салафитов, Иран предпочитает Исламский Джихад, Рамалла (ПНА) надеется, что Хамас рухнет, и ни с кем не надо будет договариваться (Комсомольская правда, 2013.11.15);*

Сочетание *Исламское государство* наряду с сочетаниями "*Исламское Государство Ирака и Сирии*", "*Исламское Государство Ирака и Леванта*", "*Исламское Государство Ирака и Шама*", а также с аббревиатурами *ИГ, ИГИЛ* функционируют в значении «исламистская террористическая организация, действующая на территории Ирака и Сирии» (ведет свою историю с 2006 года)». Примеры употребления данных сочетаний в современной прессе представлены весьма широко: *Между лидером «Аль-Каиды» Айманом аль-Завахири и главарем одной из главных в Сирии джихадистских организаций — «Исламского государства Ирака и Шама» (ISIS) Абу Бакром аль-Багдади началась открытая война (Комсомольская правда, 2013.11.10); Изначально Доха делала ставку на противостоящие Дамаску радикальные группировки исламистов, таких как «Исламское государство Ирака и Леванта» и «Ан-Нусра» (Известия, 2013.10.21); В сербском городе Нови-Пазар задержан 21-летний ваххабит Армин Алибашич. При нем найдено оружие, элементы взрывчатки и атрибутика запрещенной в России тер-*

рористической организации "Исламское государство" (ИГИЛ) (РГ, 16.01.19).

Среди других устойчивых сочетаний современного общественно-политического дискурса, в составе которых имеются арабизмы *ислам, исламский, исламистский*, нами отмечены: *радикальный ислам, исламский радикализм, исламский фундаментализм, исламские фундаменталисты, исламский джихад* и др. Эти и другие подобные им устойчивые сочетания (типа *радикальный ислам, исламский радикализм*) в настоящее время достаточно часто отмечаются в текстах публикаций современных российских СМИ: *Кроме того, по словам эксперта, многие российские студенты-мусульмане целенаправленно едут в Египет учиться радикальному исламу, а тамошние власти этому никак не препятствуют* (Известия, 2014.04.29); *Самое опасное ... это проникновение идей исламского радикализма в соседние государства, в том числе и к южным границам России* (Известия, 2013.09.25); *Из тысячи оппозиционных боевых групп половина имеет в своих рядах радикальных исламистов. Есть в них и иностранные наемники, в том числе—из США. Европы и России. Треть повстанцев стремится к установлению внутри страны исламского фундаментализма, еще треть придерживаются умеренных взглядов* Комсомольская правда, 2013.09.16); *По данным Института экономики и мира, угроза терактов в странах Запада в 2014 году была значительно ниже, так как там подобные нападения, как правило, совершаются "одиночками" на почве политического экстремизма, национализма или религиозных убеждений, а не на почве исламского фундаментализма* (Интерфакс, 17.11.15).

Нередко устойчивые сочетания с прилагательным *исламский* формируются для обозначения реалий в сфере экономики: *исламский банкинг, исламский кредит, исламский золотой динар* и т.д. Подобные сочетания также имеют хождение в современном русском ОПД со следующими значениями:

исламский кредит – «кредит, предоставляемый в соответствии с законами шариата. Помимо особых требований, предъявляемых к получателю кредита, банку запрещается взимать проценты по предоставленным кредитам, так как это считается безнравственным» (Национальная экономическая энциклопедия, <https://vocable.ru/termin/islamskii-kredit.html>);

проект «золотого (исламского) динара – «экономический проект, связанный с проблемой возвращения к золотому стандарту, то есть денежной системе, при которой наличные деньги могут быть свободно обменены на золото... Основной целью проекта называют аккумуляцию обеспеченного золотом капитала в мусульманском мире. В основе проекта лежит идея «золото в обмен на энергетические ресурсы» (<http://financial-helper.ru/money/zolotojj-dinar.html>);

исламский банкинг – «банковская система, основанная на принципах и правилах Шариата. Основные принципы исламского банкинга – разделение прибыли и убытков, запрет на проценты, деньги являются средством обмена и мерилom стоимости. Исламские финансовые институты при осуществлении своей деятельности должны придерживаться принципов и правил Шариата и этических принципов. Исламский банк отличается от традиционного следованием этическим принципам при предоставлении банковских продуктов и услуг клиентам. Понятие исламского банкинга подразумевает приоритет исламских моральных норм и ценностей» (<https://alhilalbank.kz/ru/page/islamic-banking>).

Ср. примеры использования приведенных устойчивых словосочетаний в анализируемом дискурсе: *Понятно, что американцам такое усиление Европы не будет на руку. «В этих условиях США выгодно создание нескольких валютных зон, например, рублевой зоны, зоны исламского золотого динара и т.д.», – считает Михаил Хазин (РБК Daily, 2004.11.12); Представители банковского сообщества отмечали на встрече, что финансовые структуры арабского мира так или иначе пытаются "найти достойное применение в*

российской экономике" и появление в стране системы "исламского банкинга" существенно упростило бы этот поиск (РИА Новости, 2008.06.02); Ожидается, что к 2013 году активы исламских банков будут стоить уже 1 трлн долл. Ведущий эксперт по исламским банкам в Бангладеш Азизул Хак полагает, что мир находится в поисках новой экономической системы и исламский банкинг может стать одним из вариантов решения финансовых проблем ... Между тем Гийас Гоккент полагает, что развитие исламского банкинга продолжится семимильными шагами, но речи о полном вытеснении исламскими банками традиционных даже в странах Персидского залива все же не идет (РБК Daily, 2008.10.10) и др.

Интересным представляется сочетание исламский дресс-код (или мусульманский дресс-код), под которым понимаются требования к одежде мусульманина, предъявляемые в исламских государствах, мечетях или просто в общественных местах. Ср., например, использование названного словосочетания в российских СМИ: Кроме того, по иранскому интернету сейчас гуляет видеоролик, ставящий под сомнение религиозность и искренность кандидата. Рухани запечатлен в салоне автомашины, где он в присутствии советника и водителя снимает чалму, что противоречит исламскому дресс-коду (Известия, 2013.06.11); Как подчеркивает HRW, принудительное внедрение исламского дресс-кода публично поддерживается главой Чечни Рамзаном Кадыровым. В своих интервью он не раз открыто рассуждал о том, что женщина обязана «знать свое место» и не должна своим видом провоцировать мужчин на преступления против морали (Новый регион 2, 2011.03.10); В Иране в преддверии парламентских выборов, которые состоятся 4 мая, полиция активизировала работу по борьбе с нарушителями мусульманского дресс-кода – гражданами, которые "вызывающе одеваются" и не носят традиционные головные уборы (РБК, 30.04.12).

Развернутый синтагматический ряд, репрезентированный в современном русском ОПД, образуют лексемы *шариат*, *шариатский*. Данные едини-

цы используются в сочетаниях: *сторонники шариата, законы шариата, нормы шариата, правила шариата, свод шариата, предписания шариата и др. подобные; жить по шариату, казнь по шариату, наказание по шариату, исламский шариат, а также: шариатское право, шариатский закон, шариатское государство, шариатский обряд, шариатская нравственность, шариатские нормы, шариатское разрешение* и т.д. Наиболее терминологизированным в ряду данных сочетаний является сочетание *шариатский суд*.

Ср.: шариатский суд – «орган правосудия в мусульманском государстве, возглавляемый кади. Его организация и юрисдикция, а также процессуальные правила регулируются фикхом, прежде всего теми его институтами, которые касаются статуса кади, доказательств, свидетельских показаний и записи судебных дел. На протяжении веков Ш.с. были основным институтом, применявшим мусульманское право. До XIX в. они занимали центральное место в судебных системах исламских стран. В настоящее время в ряде из них (напр., в Египте, Тунисе, Ливии) ликвидированы и их функции перешли к общегражданским судам. Однако во многих странах сохраняются или вновь создаются самостоятельные шариатские суды» (Большой юридический словарь, <http://slovariki.org/uridiceskij-slovar/21164>). Ср: *Шариатский суд Нигерии, рассматривавший обвинение против Масабы в многоженстве, обязал его развестись с 82 женами и ограничиться четырьмя официальными спутницами жизни. В противном случае Дону Жуану из Нигерии грозила виселица (РИА Новости, 2010.04.26); Тогда адвокат Дагир Хасавов, критиковавший деятельность участниц группы Pussy Riot, призвал к созданию в России шариатских судов (Известия, 2014.06.02).*

Особые синтагматические связи в анализируемом дискурсе демонстрирует лексема *халифат*, которая в традиционном сознании носителя русского языка воспринимается как устаревшая, экзотическая (ср.: халифат – «1. Система государственного устройства с теократической властью в феодальных мусульманских странах. 2. Феодальное государство, образовавшее-

ся в результате арабских завоеваний, во главе которого стоял халиф» [МАС]. В современном политическом медиадискурсе функционируют устойчивые сочетания *исламский халифат, всемирный халифат, самопровозглашенный халифат* и др. при описании действий запрещенной в России террористической организации ИГИЛ. Например: *Красные линии, по-прежнему разделяющие мировые державы и ключевых региональных игроков, играют на руку идеологам "Исламского государства", провозгласившим своей целью реализацию проекта глобального халифата* (Коммерсантъ, 01.09.14).

Анализ сочетаемости лексемы *аллах* выявил частотность использования в современном российском медиапространстве сочетания *воины аллаха*, которое используется в терминологическом и метафорическом значениях. Ср. несколько примеров: *Ответственность за атаку взяла на себя суннитская боевая группировка «Джундалла» («Воины Аллаха»)* (НГ, 15.02.2007); *Основной костяк движения "Талибан" составляют афганцы—бывшие учащиеся пакистанских медресе в северо-западной пограничной провинции и Белуджистане. Это были малолетние сироты, отданные на воспитание в религиозные школы. И к тому, что, повзрослев, они превратились в "воинов Аллаха", руку приложили прежде всего именно их пакистанские учителя* (Известия, 2007.12.24). В данных контекстах сочетание «воины Аллаха» употребляется как ономастическая номинация и обозначает участников конкретной террористической организации. В то же время во многих контекстах, по нашему мнению, перифрастическое сочетание *воин Аллаха* метафорически обозначает члена, участника исламистской террористической организации, решившего сражаться за веру. Например: *Беда в том, что в Африке сегодня ты солдат регулярной армии, а завтра- свободный воин Аллаха и стреляешь в спину бывшим сослуживцам* (Комсомольская правда, 2013.02.28); *Буквально за день до этого опять-таки под Парижем были схвачены полдюжины членов группы по тыловой поддержке исламистской*

организации "Международный джихад". Они занимались тем, что фабриковали поддельные документы, обеспечивали деньгами и авиабилетами новоявленных "воинов Аллаха", решивших понюхать пороха в Афганистане, Алжире, Чечне и прочих краях, объявленных зонами "священной войны" против "неверных" (Труд-7, 2002.11.30); Студентки облачаются в хиджаб, ходят на занятия с молитвенниками и четками. В машинах слушают в музыкальном сопровождении Коран. Главным домом для них становится не университет, а мечеть – "дом Аллаха". Все больше образованных молодых людей обращаются к исламу, в том числе к радикальному – они становятся "воинами Аллаха" (РБК, 02.11.11).

В качестве устойчивых сочетаний в современном русском общественно-политическом дискурсе функционируют также следующие образования, которые наиболее часто используются при анализе событий на Ближнем Востоке: движение хуситов, шиитские ополченцы, шиитская верхушка, суннитское меньшинство и др.

Анализ сочетаемости единиц, обладающих национально-культурной спецификой, позволил выявить другие устойчивые сочетания современного русского ОПД.

Так, например, арабизм *шейх* представляет собой многозначную единицу, для которой актуализированными в настоящее время оказываются разные значения. Ср. дефиниции данного слова и его контекстное употребление. Лексикографические издания фиксируют следующие значения лексической единицы *шейх*, обладающей, на наш взгляд, ярко выраженной национально культурной спецификой: шейх – «шейх [араб. saih] 1. В Аравии: титул правителя княжества или вождя кочевых племён; лицо, носящее этот титул. 2. Представитель высшего мусульманского духовенства; богослов и правовед. 3. В арабских странах: глава рода, старейшина общины [БТС]. В современном медиадискурсе лексема *шейх* актуализирует в основном два из указанных в словарях значения: «глава рода» и «богослов, пред-

ставитель мусульманского духовенства». Например: Телеканалом *Al Jazeera* владеет компания *Al Jazeera Media Network* со штаб-квартирой в столице Катара Дохе. Совет директоров компании возглавляет шейх Хамад бен Тамер бен Мухаммед Аль Тани, член правящей катарской династии (РБК, 05.06.17); Руководители племен выступили с требованием восстановить контроль руководства страны над "Заевфратьем... Ключевой проблемой шейхи считают незаконное зарубежное вмешательство во внутренние дела Сирии. (РИА Новости, 24.06, 10); Акция, согласно совместному заявлению исламистских групп, проводится в ответ на события, произошедшие неделю назад, когда сторонники светской оппозиции после вечерней молитвы заблокировали в "Аль-Каид Ибрагим" исламского богослова шейха аль-Махалюуи, и до трех часов утра не выпускали его из мечети (РИА Новости, 2012.12.20). Следует также отметить, что словари русского языка (толковые и иностранные) не дают достаточно точного на сегодняшний день толкования значения названного словесного знака. В словарях энциклопедических или специальных обнаруживаются более точные толкования. Ср.: шейх – «человек преклонного возраста, которому как минимум выше пятидесяти лет. В суфизме руководитель суфийской обители. Шейх по своим функциям близок к учителю, однако в отличие от него он не только преподаёт предмет, но и устанавливает духовную связь с учениками и является их духовным наставником. Помимо духовного пути, шейх обязан знать и правовые науки, владеть наукой толкования Корана и хадисов. Он должен обладать самыми наилучшими моральными и нравственными качествами. Шейхи также называются муршидами» [ИЭС]. В связи с этим более понятным становится употребление анализируемого слова в следующем контексте: *Минувшим днем верховный шейх (ректор) университета" Аль-Азхар "Ахмад ат-Тейиб объявил об учреждении специального" Фонда чести "для сбора пожертвований египтян как в самом Египте, так и за его пределами ... Шейх "Аль-Азхара "объяснил, что" эта инициатива—реакция Египта на*

все более возрастающее давление американской администрации на руководство страны с целью увеличить свое влияние и роль в египетском обществе ... (РИА Новости, 2012.02.17); За смертью шейха Саида афанди Черкейского стоят приверженцы радикального ислама салафиты, но мюридам погибшего шейха, скорее всего, удастся не допустить кровопролития в республике, считает дагестанский эксперт по этнорелигиозным проблемам на Северном Кавказе, кандидат философских наук Джабраил Мирзаханов... (Газета. Ру, 30.08.2012).

В соответствии со своим значением «глава рода, династии» лексема *шейх* демонстрирует традиционную сочетаемость, отраженную в НКРЯ в основном и газетном подкорпусах не только новейшего периода, но и предыдущего «советского». Наиболее часто данная лексема сочетается с прилагательными (*арабский шейх, местный шейх, известный шейх, богатый шейх, саудовский шейх, персидский шейх*). В соответствии со вторым значением приведенная лексема имеет в качестве распространителей прилагательные *верховный, суфийский, салафитский (шейх)* и др.

На наш взгляд, интересным оказывается факт фиксации в рассматриваемом дискурсе множества контекстов, в которых лексема *шейх* сочетается с прилагательным *нефтяной*. По нашему мнению, актуализации потенциальной семы «богатый», парадигматические связи со словами *султан, король, царь*, ассоциативная отсылка к сочетаниям *нефтяной король, нефтяной магнат* позволяют арабизму *шейх* реализовать сочетаемость с прилагательным *нефтяной* и актуализировать приобретенную сему «получивший богатство от нефтяного бизнеса». Ср.: *Но для ЛУКОЙЛа, как и в целом для России, подписание меморандума в большей степени церемониальная вещь. Но если так, что же за результаты переговоров с нефтяными шейхами Персидского залива? Где прорыв в элитный нефтяной регион? (Коммерсант, 27.03.07); Картель—единственный поставщик в мире, который может увеличить предложение нефти почти моментально. Таким образом,*

сократив производство, он лишает рынок возможности удерживать цены на низком уровне за счет опоры на запасы. Если же спрос увеличивается, то потребители опять же вынуждены обращаться за поддержкой к нефтяным шейхам" (Известия, 2004.06.03).

Лексема *султанат* (султанат – «1. Власть султана. 2. Монархическое государство во главе с султаном») (БТС) в советский период развития русского языка имело весьма ограниченную сочетаемость в силу своей малоупотребительности. В настоящее время данное слово в русском дискурсе актуализировалось и достаточно частотно в указанных значениях в публикациях российских СМИ на внешнеполитические темы. Ср., например: *На мусульманском юге королевства уже более 11 лет действуют группировки, добывающиеся отделения провинций Яла, Паттани и Наратхиват от Бангкока и создания собственного султаната. (РГ, 22.01.18); Столетие назад регион, ныне находящийся на юге Таиланда, обладал статусом независимого султаната, однако позже был присоединен к почти полностью буддистскому королевству (РБК, 26.10.11); Это второй брак для Мухаммада V: с 2004м по 2008 год он был женат на Кангсадал Пипитпакди, представительнице рода Патани – старинного рода правителей одного из малайских султанатов (Газета ру, 27.11.18).*

Проанализированный материал показывает, что, употребляясь в указанных выше значениях, арабизм *султанат* способен сочетаться в роли главного слова с прилагательными *малазийский, отдельный., малайский, независимый, южный, оттоманский, знаменитый (султанат)* и т.д., а в качестве зависимого компонента – с существительными типа *армия, правительство, гражданин, госфонд, подданный, столица (султаната)* и др. В то же время данное слово расширяет свою лексическую сочетаемость, а вместе с этим и структуру значения. В текстах российских СМИ на политические темы (в частности, посвященных выборам в разные представительные органы России), лексема *султанат* достаточно часто используется вместе с прила-

гательным электоральный, образуя вместе с ним новое устойчивое сочетание терминологизированного характера. Например: *Для наблюдения за ходом голосования было выбрано пять регионов из списка регионов с явкой избирателей, близкой к 100% (так называемые электоральные султанаты) (РБК, 22.03.18); Поэтому, первое, чем необходимо заняться после выборов – заново отстроить структуру комиссий. Как говаривал классик советской поэзии Маяковский, «разорвать сплетенную чиновниками паутину кумовства, протекций, волокит». Убрать саму почву для зарождения местечковых электоральных султанатов (Газета ру, 12.07.19); Владимира Путина переизберут, но задачу по получению результата, равного половине от всех избирателей страны (55 млн человек), решить невозможно, заявил Дмитрий Орешкин и обратился к цифрам. Он разделил регионы на "электоральные султанаты", которые дают власти высокий результат при высокой явке, и "конкурентные кластеры" – где "с теми или иными издержками" есть конкуренция на выборах. К "султанатам" эксперт отнес 15 субъектов с 15 млн избирателей: республики Северного Кавказа, юг Сибири (Республика Тыва, Кемеровская область), черноземная зона к югу от Москвы ("от Брянской области и до Татарстана, Башкирии, Мордовии") (Коммерсантъ, 17.04.17). Приведенные контексты показывают, что сочетание электоральный султанат формирует значение «особый способ голосования, при котором граждане показывают высокий процент явки и голосуют в соответствии с установкой авторитетного руководителя региона».*

Со значением «территория, подвластная одному правителю» / территория, на которую распространяется действие власти одного правителя» в современном русском ОПД функционируют лексемы *султанат* и *халифат* (ср.: *халифат* – «Ист. 1. В феодальных мусульманских странах: система государственного устройства с теократической властью. 2. Феодальное государство, образовавшееся в результате арабских завоеваний, во главе которо-

го стоял халиф» [БТС], которые реализуют сочетаемость типа *постсоветский султанат, чеченский султанат*.

Как показал анализ, функционирующие в современном общественно-политического дискурса устойчивые сочетания, включающие в свой состав национально- (культурно-) маркированную единицу, весьма разноплановы: некоторые из них представляют собой ономастические терминологизированные образования, другие – являются переводными номинациями, третьи – основаны на метафоризации и тд. Например:

Совет муфтиев России – религиозная организация, которая объединяет в себе (на совещательной основе) большую часть глав региональных ДУМ (Духовных управлений мусульман) России;

страны Магриба – группа арабских стран, которые расположены в северной части Африки. В группу стран Магриба входят: Алжир, Марокко, Тунис, Ливия, Мавритания, Западная Сахара);

суннитский треугольник – условный район на территории Ирака к северу и западу от Багдада, получивший известность во время войны в Ираке;

пояс шахида / пояс смертника – самодельное взрывное устройство, которое террорист-смертник надевает на тело под одежду для совершения убийства (обычно массового) путём самоподрыва и др.

Ср. использование приведенных устойчивых словосочетаний в современном русском ОПД: *Во Франции, в городе Лилль, неизвестный протаранил дверь мечети, а затем скрылся... France 3 отмечает, что водитель управлял машиной Mercedes, и полиция установила его личность. По данным портала, он из страны Магриба и был ранее судим. Его мотивы неизвестны (РБК, 12.08.18); После окончания активной фазы боевых действий власть в Ираке перешла к шиитскому большинству. Ситуация в Фаллудже, входящей в поддерживавший Саддама Хусейна "суннитский треугольник", осталась сложной: население провинции Анбар не испытывает симпатий к властям (Интефакс, 05.01.14); В понедельник в Московском областном суде*

вынесли приговор четверым фигурантам дела о теракте в аэропорту «Домодедово». Напомним, террорист с поясом шахида подорвался в зоне прилета 24 января 2011-го (Комсомольская правда, 2013.11.11); В результате рейдов служб безопасности в трех точках саудовской столицы двое сторонников группировки были убиты и еще пятеро задержаны. Один террорист-смертник совершил самоподрыв, после того как сотрудники силовых ведомств королевства окружили помещение, где располагалась мастерская по изготовлению «поясов шахида» и взрывчатых веществ (РБК, 06.10.17).

Вторичное окказиональное метафорическое значение у сочетания *пояс шахида* обнаруживается в следующем контексте: *200-миллионный Пакистан задыхается от проблем с демографией, экологией, от безработицы, экстремизма, нищеты, нехватки воды и электроэнергии. Цивилизация – она здесь только в центральных районах нескольких крупных городов и поселках, выстроенных для себя элитой. Вокруг них – «пояс шахида», населенные нищетой трущобы, а чуть дальше – откровенный «конец географии», где, в зависимости от района страны, или феодализм, или родо-племенные отношения. Если прибавить к этому конфликт с Индией, ситуацию в Зоне племен, начинающейся практически сразу за Пешаваром и тянущейся до, мягко говоря, достаточно условных границ с Афганистаном, где власть (НГ, 22.08.18), где выражение используется в значении «территория, на которой действуют (распространяют влияние) террористические организации.*

Лексема *джихад* также характеризуется особым синтагматическим потенциалом, который реализуется в сочетаниях:

индивидуальный джихад / автономный джихад – «совершение террористических актов отдельным человеком по своему усмотрению». Например: Примерно в 2011 году в мире возник новый тренд – индивидуальный джихад... Нужна была новая концепция. Постепенно стали распространяться идеи об индивидуальных террористических действиях, которые получили название «нападение одиноких волков». Концепция индивидуального

джихада предполагает совершение террористических акций людьми, не входящими ни в какие организации. Главные достоинства этой формы джихада – доступность, эффективность, высокая безопасность и невозможность предотвратить нападение (Газета.ру, 07.04.18); Кроме того, по его словам, молодежь на Северном Кавказе подвергается «усиленной обработке» со стороны эмиссаров международных террористических организаций, которые занимаются вербовкой. «Активно проповедуется так называемый «индивидуальный джихад», – заявил Патрушев (РБК, 19.04.19);

сетевой джихад, информационный джихад, цифровой джихад, интернет-джихад, сетевой джихадист (интернет-джихадист) – «привлечение сторонников джихада, вербовка новых членов в террористические организации посредством сети интернет», а также сетевые джихадрсты, интернет-джихадисты, например: По данным американских спецслужб, общее количество агитаторов ИГ по всему миру, составляет около 90 тысяч человек. ... По мнению заместителя председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Людмилы Боковой, сейчас мир вступил в активную фазу «цифрового джихада». «Борьба сегодня локализована в соцсетях, в первую очередь, в «Фейсбуке» и в «Вконтакте» – заявила она (Интерфакс, 06.11.15); Сетевым джихадистам и их методам работы в крае уделили особое внимание спецслужбы. Ставрополье достаточно давно стало полигоном для Интернет-пропаганды терроризма (НГ, 24.04.17); Повторюсь, ИГ – проект для молодежи, поэтому в жизненных траекториях его новобранцев очень часто фигурирует любовная история. Женщина, травмированная опытом неудачного брака или неудачами в личной жизни, становится легкой добычей интернет-джихадиста, который снимает комплексы, внушает жертве, что она избрана и на нее возложена особая миссия (Новая газета, 06.04.16).

Среди устойчивых сочетаний, образованных на основе арабизмов и активно используемых в современном российском медиадискурсе, следует

отметить сочетание *ядерный джинн*, употребляющееся в метафорическом значении при описании действий террористов, которые могут получить доступ к ядерному оружию (например: *По мнению российских экспертов, существующая в мире система барьеров, стоящих на пути ядерного терроризма, сегодня выше возможностей самих террористов. Однако эффективное противодействие ядерному терроризму не может основываться только на импульсивных ответных действиях или эпизодических удачах спецслужб. Спасти мир от ядерного джинна может только комплексная система мер противодействия РИА Новости, 2008.01.18*]), или при описании любой ядерной угрозы (например: *После выступления дипломата, рассказавшего о сложностях, возникших при ликвидации аварии, слово взял российский седовласый ветеран, предложивший своим соотечественникам оказать японскому народу бескорыстную помощь в борьбе с атомным джинном: «После четвертого реактора Чернобыльской АЭС нам терять нечего! Мы можем войти в любое пекло, Фукусима – не исключение...» Что тут скажешь – вот такой он, русский характер! (НГ, 26.04.19).*

Таким образом, проведенный анализ показал актуальные синтагматические связи арабизмов русского языка в исследуемом дискурсе, с одной стороны, и привел к выявлению целого корпуса актуальных для русского (русского, русскоязычного) общественно-политического дискурса устойчивых сочетаний, отражающих самые разные реалии современного мира. Устойчивые сочетания с элементом-арабизмом, как свидетельствуют наши исследования, могут представлять собой терминологические и терминологизированные обороты, перифрастические и метафорические номинации.

3.4. Функции лексики арабского происхождения в современном русском общественно-политическом дискурсе

Общеизвестно, что в настоящее время функция средств массовой информации (СМИ) не ограничивается описанием событий или сообщением

новостей: СМИ формируют мировоззрение членов социума. «Ни одно общество не может обойтись без журналистской продукции, без этого мощного средства связи, распространения информации, которое с ростом технического прогресса и появлением новых технологий оказывает все большее воздействие на людей» [Гордиенко 2013: 7]. Изучением воздействия на реципиентов текстов и языковых единиц разного уровня занимается прагмалингвистика. В русле прагмалингвистики осуществляется анализ отношений между языковыми единицами и условиями их употребления в определенной коммуникативной ситуации взаимодействия адресанта и адресата, а также ведется изучение речевых средств с точки зрения способа достижения поставленной коммуникативной цели.

Современный русский общественно-политический дискурс не только является сферой функционирования арабизмов, но и представляет ту область, где в наибольшей мере может быть реализован коммуникативно-прагматический потенциал единиц лексики арабского происхождения, обладающих ярко выраженной национальной спецификой и в связи с этим намеренно вводимых в текст, предназначенный для массового читателя.

Анализ функциональной нагруженности лексики арабского происхождения в современном русском общественно-политическом дискурсе позволяет говорить о том, что словесные единицы названного разряда выполняют в рассматриваемом дискурсе несколько функций, основной из которых, как и следовало ожидать, является функция номинативная, связанная с обозначением тех или иных реалий, информация о которых содержится в тексте. При использовании национально маркированных лексем, обозначающих специфические реалии арабской культуры и общественно-политической жизни, номинативная функция арабизмов в ряде случаев может дополняться функцией создания и передачи национального колорита. По мнению ряда исследователей, единицы лексики, обладающие национально культурной спецификой, не только являются номинациями чужой

культуры, но и символизируют ее [Мечковская 2000: 52]. Данная особенность ряда арабизмов, на наш взгляд, весьма востребована на уровне прагматики общественно-политического дискурса, в текстовом пространстве которого указанные единицы выступают важнейшими элементами высказывания. Ср. примеры, в которых единицы лексики арабского происхождения используются с двойным предназначением: для номинаций специфических для рядового носителя русского языка реалий и с целью передачи национального колорита, национально-религиозной специфики:

Праздник жертвоприношения Курбан-байрам (по-тюркски) или Ид аль-Адха (по-арабски) – один из главных праздников мусульман, который ежегодно отмечается в 10-й день месяца зуль-хиджжа исламского лунного календаря и продолжается три дня. В 2019 году Курбан-байрам начинается 11 августа. Курбан-байрам знаменует собой окончание хаджа, ежегодного паломничества мусульман всего мира в Мекку (Саудовская Аравия). Слово "курбан" происходит от арабского корня КРБ, который несет в себе значение всего, что связано с "приближением". Исходя из этого, считается, что сущностью праздника является не столько жертвоприношение, сколько "приближение к Аллаху" посредством этого обряда. (РИА Новости, 11.08.19); (ср.: зульхиджжа / зуль-хаджа / зу-аль-хиджа (араб. ذو الحجة – «последний, двенадцатый месяц мусульманского лунного календаря; один из четырёх запретных месяцев (в первые десять дней этого месяца желательно держать пост; в этом месяце совершается хадж» [ИЭС]; курбан-байрам, или 'Ид аль-адха (араб. عيد الاضحى – праздник жертвоприношения) – «исламский праздник окончания хаджа»);

"Просыпайся, спящий! Восхваляй Всевышнего!". По извилистой улочке египетского города Заказик в дельте Нила перед самым рассветом торжественно шествуют двое мужчин в национальной одежде, с арабской флейтой мизмар и национальным барабаном табаль (РИА Новости, 24 мая 2018);

По данным издания, в Узбекистане в последние десять лет в связи с обращениями граждан азан читался внутри мечетей, чтобы его могли услышать только прихожане, пришедшие помолиться. ... Пользователи соцсетей также сообщают, что в Андижанской и Ферганской областях на востоке Узбекистана муэдзины некоторых мечетей начали призывать к молитве с помощью громкоговорителей (РИА Новости, 07.11.17); (азан -- (араб. أذان – объявление, приглашение (– «в исламе: призыв к обязательной молитве. Во время чтения азана муэдзин встаёт лицом в сторону Каабы и держится за мочки ушей большими и указательными пальцами»); муэдзин – «у мусульман: служитель при мечети, возглашавший (обычно с минарета) часы молитвы» [БТС]); В окружении галдящей счастливой стайки местных ребятишек и под собственный музыкальный аккомпанемент они пройдут по всему кварталу, чтобы разбудить постящихся в Рамадан жителей. ... Братья Махмуд и Ахмед Абдо – мусаххирати (или мисаххарати на египетском диалекте), что с арабского дословно переводится как "возвещающий криками о наступлении сухура" (времени утром, когда постящиеся в Рамадан мусульмане в последний раз перед рассветом могут принять пищу) (РИА Новости, 27.05.18) и др.

Следует отметить также, что нередко в текстах современных российских массмедиа обнаруживаются малоупотребительные, архаичные, агнонимичные для носителя русского языка единицы типа *мавлид*, *мавлавия*, *марабут*, *тарикат*, *чачван* и др. Ср.: *Опасным, угрожающим стабильности Сенегала в будущем и исходу выборов является усиление самостоятельной роли ряда исламских лидеров и организаций в борьбе за политическую власть. Новое поколение влиятельных марабутов не всегда следует сложившимся традициям сбора голосов для тех или иных политических деятелей, которые в последние месяцы осаждают в поисках поддержки религиозные центры Муридийи, Тйджанийи и других влиятельных тарикатов. (24.02.00) (ср.: марабут [фр. marabout < ар.] – в средние века в сев. африке –*

мусульманский монах-воин; в настоящее время – то же, что дервиш. [СИСК]; *тарикат* (от араб. тарика – дорога, путь; в переносном смысле – путь к истине) – «морально-психологические методы самосовершенствования в суфизме. Заключаются в отказе от логического рационального познания мира, «умерщвлении» по указанию старца-наставника (пира, ишана) воли и плоти ученика-мюрида, превращении его в послушное орудие старца и т. п.» [АС], а также «центры, объединяющие сторонников мусульманского аскетизма»). Ср. также: *Сторонники праздника мавлид точно так же подчеркивают человеческую сущность пророка (как, в принципе, и всех остальных пророков – от Адама до Мухаммеда, включая Ноя, Авраама, Моисея, Иисуса – мир им!). Как и любой человек, утверждают они, тем более такой великий и благородный, он достоин любви и воспоминания о себе после ухода из жизни. В том числе и в день своего рождения. Мавлид – это ни в коем случае не мусульманское Рождество. Мавлид – лишь собрание, чтобы вспомнить, почтить и помолиться о человеке. (РГ, 23.01.14) (мавлид – مولد النبي «празднование дня рождения пророка Мухаммада»)* и др.

Очевидно, что в большинстве подобных текстов символичность арабизмов оказывается востребованной прагматикой общения, в сами заимствованные единицы становятся важнейшими элементами высказывания или текста в целом. Нередко в исследуемых русского ОПД контекстах арабизмы составляют треть от всех единиц публикации.

Помимо номинативной функции и функции создания национального колорита, арабизмы в современном русском общественно-политическом дискурсе могут выполнять также функцию экспрессивную, которая реализуется в двух разновидностях: экспрессивно-выразительной и экспрессивно-оценочной.

Экспрессивно-выразительная функция национально и культурно маркированных единиц лексики арабского происхождения связана с их исполь-

зованием в качестве основы традиционных для русского языка лексических средств выразительности: эпитетов, метафор, сравнений, окказионализмов и т.п., а также их вовлечением в сферу языковой игры в текстовом пространстве современного русского общественно-политического дискурса.

В ряде случаев в современном российском медиатексте используются сравнения (образные и необразные), репрезентированные единицами-арабизмами. Например: *Боевики, одетые, как талибы, и вооруженные автоматами Калашникова, напали на Гарри—младшего сына британского престолонаследника – рядом с колледжем Итон, где он сейчас учится (Комсомольская правда, 2002.03.28); Черные клубы дыма перечеркивают небесную синь. Над одной из труб электродного завода Челябинского электрометаллургического комбината – словно злой джинн раскинул свои мощные руки. От одного только этого вида очевидцам становилось не по себе. (Труд-7, 2005.08.02).*

Некоторые из сравнений в текстах современных российских СМИ имеют аллюзивный характер. Например: *... настоящая контрабанда—сотни вагонов с китайским барахлом для многочисленных «черкизонов» -- легко проходит через границу, как джинн сквозь игольное ушко (Комсомольская правда, 2012.04.13).*

Анализ показал, что заимствованные из арабского языка лексические единицы достаточно часто употребляются в метафорическом значении в текстах современного медиадискурса, посвящённых общественно-политическим проблемам. Следует отметить, что исследуемый дискурс в первую очередь транслирует традиционные метафоры, выраженные словами-арабизмами. Так, например, переносно-метафорическое значение отмечено лексикографическими источниками у лексем *Мекка, гарем, шайтан*: Мекка – «1. Город, являющийся религиозным центром ислама. 2. перен. Употребляется как символ места паломничества почитателей чего-либо» [ТСУ]; гарем – «1. Женская половина дома у мусульман. 2. собир. Жены и

наложницы мусульманина. [От араб. *ḥarām* – запретное] [МАС] или гарем – «[араб. *ḥaram*, букв. запрещенный]. 1. Женская половина дома у мусульман. 2. собир. Жены мусульманина, обитательницы гарема. 3. перен., собир. Любвицы какого-н. человека из числа зависящих от него в социальном отношении, его подчиненных (книжн.). 4. перен., собир. Самки одного самца у полигамных животных» [БСИС]; шайтан – «1. В мусульманской мифологии: злой дух, дьявол. 2. прост. Употребляется как бранное слово. [тюрк. шайтан из араб.]» [МАС].

Становление коннотативной семемы арабизма *Мекка* (*мекка*) основывается на дифференциальной семе «место поклонения». Ср.: *Вчерашняя вылазка биологов в Химкинский лес началась с родника имени Святого Георгия. Эдакая местная экологическая Мекка. Там жители набирают чистую воду (Труд-7, 2010.08.30); Риэлторы элитной недвижимости отмечают мощную волну спроса среди состоятельных россиян на жилье на островах Карибского моря. Эксперты утверждают, что после скандала в Куршевеле новой Меккой русских олигархов стал тропический остров Сен-Бартельми (Сен-Барт) (РБК Daily, 2010.07.06); В советское время порядок официальных визитов резко переменился: усыпальницу свергнутых Романовых никто из первых лиц не посещал. Однако сама идея поклонения усопшим правителям сохранилась, и очень скоро своеобразной «меккой» для дипломатов стал Мавзолей Ленина в Москве (Известия, 2012.06.12)* и др.

В процессе формирования переносно-метафорического значения актуализируются либо дифференциальные, либо потенциальные семы, входящие в структуру значения арабизма. Например, лексема *гарем*, употребляясь в прямом значении, включает в состав денотативного компонента сему национально-культурной специфики, а также ряд дифференциальных сем. Переносно-метафорическое значение у названной лексемы основывается на потенциальной семе «много», которая актуализируется в следующих контекстах: *Нетерпение превыше жизни. Вот что питает неиссякаемую при-*

тягательность этих образов. Хотя тоже, казалось бы, все понятно – умышленное саморазрушение. На фоне бездарных долгожителей, переплюнувших в плане долголетия Леонида Ильича, которого так любили переразвивать, не попав ни в анекдоты, ни в гарем народных любимцев (Известия, 2013.01.25); В разгоревшемся на днях скандале с участием премьер-министра Италии замелькало имя нашей землячки Раисы Скоркиной Имя итальянского премьера гремит сегодня на весь мир из-за обсуждаемых в западных СМИ подробностей его связи с несовершеннолетней танцовщицей из Марокко—17-летней девушкой по имени Руби. Расшифровка разговоров премьера с этой и другими его подругами (у Берлускони якобы их целый гарем) попала в прессу, началось следствие... (Комсомольская правда, 2011.04.08).

С другой стороны, у некоторых безэквивалентных единиц арабского происхождения реализуется контекстуальное переносно-метафорическое значение, что свойственно таким лексемам, как *шейх, султан, султанат, халиф, халифат, визирь, джихад* и др. Становление переносно-метафорического значения в рамках общественно-политического дискурса обнаруживается у названных словесных знаков в следующих контекстах: *Согласно выводам Шмида, Чечня при Кадырове стала своего рода «султанатом», где десять «братьев» главы республики наслаждаются неограниченной властью и благами, в то время как подавляющая часть населения живет в условиях безработицы и социально-экономической неустроенности (Кавказ сегодня, 25.04.14); А еще очень любит президент, что называется, "быть в белом": разъезжать в белом "Линкольне" по степи, в белом костюме быть парламентаром (во время октябрьских событий в Москве), находиться в "Белом доме", пусть и элистинском. Но самая, пожалуй, сильная любовь президента – это его родная Калмыкия, где он ощущает себя ханом. У Кирсана Николаевича, как сообщают отдельные газеты, есть*

даже свой визирь в лице советника президента по внешнеэкономическим связям. АиФ, 02.06.94).

В некоторых контекстах переносно-метафорическое значение арабизма предстает полностью сформированным. Ср. примеры с рассматриваемыми ранее лексемами *шейх* и *султанат*, первая из которых, употребляясь в переносно-метафорическом значении, приобретает семантику «очень богатый человек», а вторая – «государство с безраздельным единоличным правлением»: *Потрясающая спесь местного чиновничества, она же дошла до полной потери инстинкта самосохранения – машины с мигалками, которые, как потом окажется, везут пятнадцатую младшую жену какого-то закаспийского шейха в бутик, срочно оттирают людей, сгоняют из своего ряда, крикают, свистят и угрожают оружием (Известия, 2012.06.07). ... Киргизии в свое время просто не повезло. Крайне не повезло. Ей, как любой другой среднеазиатской стране, в 1990-1991 годах требовалось установить (или укрепить) автократический режим, "султанат". Но Аскар Акаев, почти случайно оказавшийся у власти в 1990 году, увы, досидевший аж до 2005-го, на "султана" никак не тянул. Старался, но не преуспел (Известия, 2010.04.19).*

Обращает на себя внимание тот факт, что метафора Востока, в том числе основанная на национально-культурном компоненте семантики арабизмов, в ряде случаев используются для оформления объемного контекста, посвященного характеристике политической жизни России. Интересными, на наш взгляд, являются следующие иронично-экспрессивные контексты: *Завтра, глядишь, и вовсе прогонят, новых наберут. Как в гареме у султана. Так надо бы по-другому. Без султанского двора, визирей и гарема, но зато с контролем законодательной власти над исполнительной, судом, независимым ни от чего, кроме закона, со свободной конкуренцией как в экономике, так и в политике (Известия, 2014.01.04); Забавно, но эта красочная манифестация страшно не понравилась всей интернет-общественности. И ле-*

вой и правой и белоленточной. ... Дураку понятно, что предъявлять «левого» человека визирю Колокольцеву никто бы не стал (Комсомольская правда, 2013.10.19).

Экспрессивно-ироническое использование иноязычных слов (номинаций лиц и жилищ) наблюдается в следующем контексте, лексемы арабского и тюркского происхождения используются с целью отражения иерархии мигрантов и специфики их расселения на территории современной России: *Значит, эта ситуация носит скорее многоплановый и хаотичный характер... При желании, в ней можно досконально разобраться, однако и сейчас виден один из доминирующих факторов – помимо экономического воздействия на цену жилья влияет так называемый азиатский фактор... Это когда в Москву селятся визирь и падишахи 1 ранга, в Нижний Новгород, Екатеринбург, Новосибирск – визирь 2-го ранга, в Пермь, Курган и Мурманск – падишахи и султаны 3-го ранга... Вот и пухнут большие и малые «султаны» от бегущих из захолустий паломников... (Комсомольская правда, 2015.10.12).*

У лексемы *джихад* на основе метафорического переноса в современном русском ОПД формируется значение «война против чего-либо; протест». Ср.: *Никель здесь—дьявол. А движение «Анти-никель» – уже квазирелигия. Не требующая уже ни аргументов, ни доказательств. Эдакий экологический джихад (Комсомольская правда, 2013.06.30).*

В некоторых случаях переносное значение арабизма формируется на базе метонимического переноса в результате ассоциации по смежности. Ср., например: Дамаск (араб. دمشق-горо (д, столица Сирии) → Дамаск (правительство, руководство Сирии). Исследователи подчеркивают: «Метонимические переносы легко создаются по ходу общения, понимаются без проблем благодаря фоновым знаниям» [Рябцева 2005: 83]. Ср.: *Так что рано или поздно противоречия между Вашингтоном и Эр-Риядом сгладятся. И Москва – патрон Дамаска и партнер Тегерана – не сможет стать для шейхов прио-*

ритетным союзником. (Известия, 2014.05.12); Еще одна причина для обиды иорданцев – политика Дамаска в прежние годы (Известия, 2014.02.13). С тем же метонимическим значением используются в исследуемом ОПД арабизмы Эмираты (Объединенные Арабские Эмираты), султанат и др. Ср.: «Положение акционеров тупиковое, в том числе и из-за позиции Омана (РБК Daily, 2007.02.20); Объединенные Арабские Эмираты и Иран подтвердили проведение переговоров. ... Согласно заявлению сторон, переговоры между представителями ОАЭ и Ирана в Тегеране были посвящены безопасности судоходства (ИА REGNUM).

Как показывает анализ, экспрессивная функция единиц лексики арабского происхождения реализуется в случаях языковой игры. Современный медиадискурс, по замечанию многих исследователей, является полем языковой игры самых разных типов. С.В. Ильясова в работе «Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы» проводит обзор различных подходов к пониманию термина «языковая игра» и выделяет два основных: «представители первого связывают языковую игру с сознательным нарушением нормы, вторые видят в языковой игре отклонение от определенных правил, но в пределах нормы в обоих определениях подчеркивается деструкция речевой нормы и творческий характер языковой игры» [Ильясова 2009: 32]. Довольно интересным представляется подход, представленный Л.В. Лисоченко и О.В. Лисоченко, вслед за которыми под языковой игрой мы понимаем особый вид речетворческой семиотической деятельности.

По нашим наблюдениям, наиболее часто слова-арабизмы вовлекаются в сферу языковой игры, продуцированной в заголовках и заголовочных комплексах текстовых публикаций современных российских СМИ. Как известно, заголовок представляет собой особый структурно-семантический элемент, несущий как стилистическую, так и эстетическую нагрузку. Заголовок обнаруживает особо прочные, а в большинстве случаев далеко не простые связи с текстом, его глубинными смысловыми и эстетическими

установками. Заголовок обладает ярко выраженными коммуникативно-прагматическими свойствами. Он прагматически характеризует весь текст и дает представление о глубинном смысле всего текста, об эстетических и вместе с тем прагматических установках. В медиадискрсе заголовки и заголовочные комплексы, по мнению исследователей, выполняют целый комплекс функций: экспрессивную, воздействующую, оценочную, графически выделительную, информативную, рекламную и др. О. И. Богословская и Л. В. Байтниц считают, что заголовок, «почти ничего не сообщая о содержании статьи, привлекает внимание читателей, пробуждая в них ассоциации с ранее увиденным, услышанным» [Богословская 1974: 219]. Не менее значимой является интегративная функция заголовка, которая облегчает понимание текста, организуя языковые средства, что способствует, по мнению Э. А. Лазаревой, достижению «целостности, слитности текста» и «позволяет рассматривать его как самостоятельное единство» [Лазарева 1989: 71].

Особенная роль заголовка часто подчеркивается иноязычным словом, которое в определенном контексте дает яркие коннотации, прагматические значения, ведь «мы находимся на пути к культурному двуязычию» [Богуславская 2016: 12].

Собранный нами материал предоставляет примеры реализации самых разных функций заголовка, в составе которого имеется слово-арабизм. К экспрессивным заголовкам, в состав которых входят арабизмы, относятся, например, следующие:

Из президентов – в султаны (НГ, 05.07.2017);

Агенты султана в российских медресе (НГ, 03.02.2016);

Шейхи виртуальные, джихад – реальный (НГ, 18.10.2017);

Кровавый Рамадан в Ираке (Газета.ру, 23.07.2012);

Неоталибан (Газета.ру, 10.10.2007);

Шейхи российского консерватизма (НГ, 07.12.2014);

Гараж Шахерезады (Газета.ру, 10.06.05) и др.

Активизация всех форм языковой игры, по мнению В.В.Колесиной [Колесина 2002:39], обусловлена «раскрепощением и свободой воображения, ставшими доминантой во всех областях искусства, в том числе и в языке», избыточностью информации, с так называемой “словесной инфляцией”, вследствие которой получатель теряет интерес к тексту, а игра слов используется для привлечения внимания как нестандартный подход в использовании языка, своего рода “коммуникативная аномалия”. Кроме того, языковая игра очень часто связана с интертекстуальностью, то есть со скрытым подразумеваемым смыслом, а также с набором коннотаций, которые имеют целью установить негласный контакт между отправителем и получателем речевого произведения. В результате “игра слов как приём с максимально сжатой графической формой приобретает богатое семантическое наполнение и становится сверхэкономным способом коммуникации”.

Отдельного внимания заслуживают, по нашему мнению, экспрессивные заголовки со словом-арабизмом, которые выполняют аттрактивную функцию. Многие исследователи считают аттрактивную функцию для заголовков основной, так как назначение заголовка в первую очередь связано с привлечением внимания читателя (ср. аттрактивный [< лат. *attractio* стягивание] привлекательный, притягательный, симпатичный; эффектный). Реализация аттрактивной функции заголовка достигается благодаря использованию разных экспрессивных средств, в том числе средств языковой игры. Заголовков с использованием иноязычного слова полиреферентен, так как связан и с текстом печатной статьи, и с другим видением мира, с иной национальной культурой, с языковой личностью журналиста-автора.

Привлечение внимания читателей может осуществляться путем использования фразеологизмов, особенно в трансформированном виде. Так, например, в заголовке «Шейх в ребро» (НГ, 26.11.2012) произведена замена компонента части фразеологизма «седина в броду, бес в ребро»: лексема *бес* замещается арабизмом *шейх*. Подобный фразеологизм явно используется в

аттрактивной функции, привлекая своим лексическим составом потенциального читателя публикации.

Как показало проведенное нами исследования, фразеологизм «выпустить джинна из бутылки» особенно частотен в сфере языковой игры. Данный устойчивый оборот в текстах современных российских СМИ претерпевает самые различные варианты трансформаций: замена одного компонента на другой, вставка лишнего слова, расширение синтагматики компонентов, контаминация и т.д., которые осуществляются в рамках заголовочного комплекса или текста публикации. Игровое использование фразеологизма наблюдается в заголовках: *Канадские биологи "выпустили джинна из бутылки"* (РГ, 09.07.2017); *«Джинн уже выпущен из бутылки...»* (Красная звезда, 02.08.2019); *Выпустит ли Трамп ядерного джинна из бутылки* (НГ, 26.10.2018); *Джинн нетерпимости в бутылку уже не хочет* (НГ, 15.11.2016); *Джинн из пробирки* (РИА Новости, 19.07.16); *Джинн из пластиковой бутылки. Как приобщить его к цивилизации?* (Наше время, 08.07.17 г.) и др.

Следует отметить, что фразеологизм *выпустить джинна из бутылки* может обыгрываться не только в заголовках, но и в основном тексте публикации СМИ. Ср.: *Вот и сын правоверного адвоката признается, что не хочет иметь дело, например, с московскими имамами. При этом явно об истинных причинах недоговаривает... Но когда шариятского джинна выпустят из кувшина, заворачивать все назад будет гораздо труднее. А дальше что? Вводить иудейский суд для евреев? И православный для русских?* (Комсомольская правда, 05.07.12); *Благодаря подобным "обсуждениям" ТВ выпускает на свободу джинна ненависти и обывательского презрения к любым "иным": слабым, старым, убогим, больным, просто не похожим на большинство двуногих, считающих себя эталоном полноценности и гуманизма* (Известия, 12.02.10).

В заголовке «*Зэкам подложили свинью на Рамадан*» (Газета.ру, 27.10.2007) в сферу языковой игры вовлечены и русский фразеологизм, и арабизм. Воздействующая функция заголовка в данном случае проявляется в столкновении смысловых подтекстов: фразеологизм употреблен в прямом значении – «использовать свинину», что семантически противоречит возникающим в сознании читателя при слове *Рамадан* ассоциациям: Рамадан – праздник мусульман, которые не едят свинину. Все это привлекает внимание читателя и заставляет прочитать публикацию. Другим примером языковой игры, основанной на сочетании прямого и переносного значений традиционного для русской лингвокультуры фразеологизма и арабизма, может являться заголовок «Талибы переходят все границы» (Коммерсантъ, 19.03.2019).

Как показал анализ, в современном русском ОПД в заголовках используются самые разные приемы языковой игры с участием слова-арабизма. Нами отмечены рифмованные заголовки типа «Сняли бан на "Талибан"» (ТАСС.ру, 05.08.19); Гримаса «Хамаса» (Коммерсантъ, 21.10.18); То ли храм, то ли харам (НГ, 20.05.15) и др.

Приемы языковой игры, основанной на словообразовательных возможностях и метафоре, фиксируются в заголовке «Кровавая "талибаня"» (РГ, 21.10.2009)

Особую группу образуют аллюзивные заголовки, которые своей формой и/или лексическим составом, отсылают к известному носителю русского языка (или намеренно воспроизводимым автором публикации) названиям и фразам. Например, заголовок «Джихад, которого не было» (НГ, 04.09.18) , на наш взгляд, содержит отсылку к названию кинофильма американских режиссёров братьев Джоэла и Итана Коэнов «Человек, которого не было». Название культового кинофильма «От заката до рассвета» Роберта Родригеса, сценарий для которого написал Квентин Тарантино, использовано с целью языковой игры в заголовке «От «Хамаса» до зарплаты» (Коммерсантъ,

10.11.18). Заголовок «Шейхи тоже плачут» (РГ, 20.01.09) продюцирован на основе названия мексиканского телесериала «Богатые тоже плачут». Заголовок «Галибан» был плох» (Коммерсантъ, 13.04.19) содержит отсылку к строчке из песни Николая Гнатюка – «Барабан был плох, барабанщик бог!». В заголовке «Какая служба без гашиша» (НГ, 06.10.2006) прослеживается связь с популярной советской российской песней «Какая песня без баяна» (название песни в российском дискурсе воспринимается как устойчивый оборот).

К аллюзивным, на наш взгляд, заголовкам следует отнести также:» 65 граммов гашиша и чуть-чуть марихуаны» (НГ, 02.08.2011); «Шейхи, муфтии и архиепископ» (РГ, 16.04.08); «Дервиши, шейхи и пиры» (НГ, 07.10.99); «Халифат умер. Да здравствует халифат!» и др.

Во всех приведенных примерах ярко выражена аттрактивная функция слов-арабизмов, так как именно на них лежит основная коммуникативно-прагматическая нагрузка. Использование единиц, восходящих к арабским этимонам, не только является сигналом тематики публикации (все публикации под рассмотренными заголовками в большинстве случаев соотнесены с инокультурными реалиями), но и благодаря приемам языковой игры маркером привлечения внимания потенциальных читателей и эффективным средством воздействия на реципиента.

На наш взгляд, прагматические возможности слов-арабизмов чрезвычайно велики и требуют специального исследования.

Проведенный анализ показывает, что некоторые из арабизмов выполняют в современном русском ОПД не только номинативную функцию, но и экспрессивно-оценочную функцию. К таким единицам относятся лексемы: *ваххабиты* – «[арабск. < имя собств. Ваххаба, XVIII в.] – последователи одного из течений в исламе (ИСЛАМ), возникшего в XVIII в. в Центральной Аравии; в. требуют отказаться от роскоши, песен и танцев, от употребления вин и табака» [СИСК]; «1)(*собств.*) последователи одного из течений в ис-

ламе, возникшего в 18 в.в Центр. Аравии; в. требовали вернуться к первоначальному исламу, отказаться от роскоши, песен и танцев, от употребления вин и табака; вели борьбу против богатых феодалов; в нач. 20 в. вожди ваххабитов вступили в контакт с английскими и американскими империалистами и, завоевав Зап. Аравию, образовали государство – Саудовскую Аравию; 2) совр. последователи ваххабизма – крайне радикального течения в исламе» [НСИСЗ]; *ваххабитский* – «связанный с ваххабизмом, отражающий, проповедующий ваххабизм» [СНСШ]; *исламизм* – «политическое течение внутри исламского мира, нацеленное на создание исламских государств, приведение официального права в соответствие с шариатом и соблюдение мусульманским и немусульманским населением ценностей и законов пророка Мухаммада и первых четырёх халифов. Исламизм является идеологией, на основе религии (ислама – исламский фундаментализм) и претендующей на её единственно правильное толкование»; *исламист* – «последователь исламизма»; а также *шахид*, *шахидский* и др.

Механизм использования арабизмов в экспрессивно-оценочной функции оказывается совершенно иным. Он основан на возможностях оценочного компонента семантики названных словесных знаков и входящих в него сем социальной оценки, которые могут быть реальными или потенциальными. Семы первого типа представлены в значениях арабизмов и вне их контекстуального употребления; ср., например, наличие отрицательной социальной оценки в словах *шахид* – террорист-смертник; *Аль-Каида* – исламская террористическая организация, возникшая в 1988 г. в Афганистане. Семы второго типа не выражены в системном значении слова, они являются производными, их содержание может быть различным и зависит от осмысления соответствующего понятия в тех или иных социальных группах носителей языка. Указанное обстоятельство определяет возможность формирования у словесного знака разных видов социальной оценочности с помощью помещения его в «положительный» или «отрицательный» контекст. Как по-

казывает анализ, выполнение социально-оценочной функции в современном русском общественно-политическом дискурсе характерно, прежде всего, для арабизмов ТГ «Партии и политические движения», «Военные и террористические организации и группировки», «Религия, верования, религиозные образования». При этом названные арабизмы чаще всего помещаются в отрицательный языковой контекст, который или формирует отрицательную социальную оценочность понятия, выраженного арабизмом, или усиливает яркость уже имеющихся в значении арабизма сем отрицательной социальной оценки. Ср.: *Группировка финансируется "Аль-Каидой" (запрещена в РФ), сомалийскими бизнесменами, а также получает средства, собирая "налоги" с населения на подконтрольных ей территориях, где установлен жесткий режим ваххабитского толка* (НГ, 22.05.16). Очевидно, что использование арабизмов в социально-оценочной функции, которая в некоторых специальных работах именуется персуасивной, а также функцией воздействия, способствует созданию текстов, имеющих перлокутивное влияние на воспринимающих.

Исследование показало, что такие единицы, как *хадж*, *Рамадан* и т.п., обладающие особой семантической двуплановостью, свойственной конфессиональной лексике многих языков (ср. подобную двуплановость русской православной лексики) (подробнее см. Загоровская 2010; Матей 2011), также могут быть использованы в экспрессивно-оценочной функции. При этом в некоторых случаях словарные дефиниции также отражают заключенную в слове эмотивность, оценочность (например: лексема *хадж* в словарях русского языка представлена следующим образом: *хадж* – «паломничество в Мекку (считается религиозным долгом каждого мусульманина)» [БТС], «паломничество в Мекку к мусульманским святыням, считающееся у мусульман подвигом благочестия» [СИСК]), которая актуализируется в некоторых текстах современного медиадискурса: *Хадж – паломничество мусульман в Мекку к мечети Масджид аль-Харам, считающееся в исламе пя-*

тым "столпом веры". Совершается в начале двенадцатого месяца мусульманского лунного календаря, вследствие чего этот месяц и получил название "зу-ль-хиджжа" – "обладающий паломничеством". Корень "хаджжа", имеющее древнесемитское происхождение и означающее "обходить вокруг", приобрел в арабском языке значение "отправляться в паломничество". Духовное значение хаджа отмечает три знаменательных события в истории ислама: прощение и воссоединение Адама и Хаввы (Евы) после их изгнания из Рая, принесение в жертву пророком Ибрахимом (Авраамом) своего сына Исмаила и жизнь Пророка Мухаммеда как пример смирения и покорности Всевышнему. Согласно учению ислама, хадж должен совершить хотя бы один раз в жизни каждый мусульманин, который в состоянии это сделать. После этого он получает почетный титул хаджи и право носить зеленую чалму. Духовное значение хаджа заключается в том, что он совершается добровольно и индивидуально ради поклонения Единому Богу (РИА Новости, 2007.12.17).

Таким образом, как показал анализ, единицы лексики арабского происхождения, в процессе упорбления в современных общественно-политических текстах российских СМИ, способны реализовать не только номинативную, но и экспрессивную функции. Подобное использование арабизмов делает их ярким маркером отражения национальной специфики современного русского общественно-политического дискурса и средством воздействия на языковое сознание читателя.

Выводы

Изучение научной литературы по рассматриваемым проблемам позволяет утверждать, что национально-специфической чертой современной российской публицистики является ее ориентированность на внешнюю политику, в том числе на проблемы «арабского» и «мусульманского мира», а особенностью публикаций, посвященных внутренней политике России является

повышенное внимание к проблемам межнационального взаимодействия внутри страны, в первую очередь – взаимодействия с мусульманским населением. Данное обстоятельство в значительной степени определяет не только жанрово-тематическую и коммуникативно-прагматическую специфику русского общественно-политического дискурса, но и особенности его языкового (речевого) воплощения, связанные, в первую очередь, с повышением функциональной значимости в нем лексики арабского происхождения. Актуализация и повышение частотности в современном русском ОПД лексик арабского происхождения сопровождаются расширением их синтагматики и семантическими преобразованиями. К основным процессам, свидетельствующим о повышении функциональной значимости лексики арабского происхождения в современном русском общественно-политическом дискурсе, мы относим следующие: 1) актуализация лексики арабского происхождения; 2) реализация синтагматического потенциала и формирование корпуса устойчивых сочетаний на базе лексических единиц арабского происхождения; 3) возрастание коммуникативно-прагматической значимости арабизмов.

В составе лексики арабского происхождения, единицы которой актуализируются в современном русском ОПД, нами отмечены слова, отражающие разные реалии современного мира. Как показал анализ, процесс актуализации и повышение частотности речевого употребления касается, прежде всего, лексических единиц, именуемых ономастические, общественно-политические, религиозные и этнографические реалии (в том числе – слов-этнонимов).

В настоящее время многие слова-арабизмы активно реализуют потенциальные синтагматические возможности, что приводит к формированию множества новых устойчивых словосочетаний.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что лексика арабского происхождения в современном русском общественно-политическом

дискурсе выполняет не только номинативную функцию, которая может дополняться функцией создания и передачи национального колорита, но также экспрессивную, реализующуюся в двух разновидностях: экспрессивно-выразительной и экспрессивно-оценочной.

Экспрессивно-выразительная функция лексем арабского происхождения связана с их использованием в качестве основы традиционных для русского языка лексических средств выразительности: эпитетов, метафор, сравнений, окказионализмов и т.п., а также их вовлечением в сферу языковой игры в текстовом пространстве современного русского общественно-политического дискурса. При этом, как показывают наши наблюдения, наиболее часто слова-арабизмы вовлекаются в сферу языковой игры, продуцированной в заголовках и заголовочных комплексах текстовых публикаций современных СМИ.

Механизм использования арабизмов в экспрессивно-оценочной функции оказывается совершенно иным. Он основан на возможностях оценочного компонента семантики названных словесных знаков и входящих в него сем социальной оценки, которые могут быть реальными или потенциальными. Семы первого типа представлены в значениях арабизмов и вне их контекстуального употребления; ср., например, наличие отрицательной социальной оценки в словах *шахид* – террорист-смертник; *Аль-Каида* – исламская террористическая организация, возникшая в 1988 г. в Афганистане. Семы второго типа не выражены в системном значении слова, они являются производными, их содержание может быть различным и зависит от осмысления соответствующего понятия в тех или иных социальных группах носителей языка. Указанное обстоятельство определяет возможность формирования у словесного знака разных видов социальной оценочности с помощью помещения его в «положительный» или «отрицательный» контекст.

При этом, как показывает анализ, и номинативная, и экспрессивная функции арабизмов современном русском общественно-политическом дис-

курсе осложняются функцией аттрактивной и функцией воздействия на сознание читателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное состояние русского языка ярко демонстрирует процессы активного дискурсивного обновления, что находит отражение во всех типах дискурса, но особенно заметно в текстовом пространстве публицистики, в том числе общественно-политической. Современный российский общественно-политический медиадискурс отражает политико-идеологические, финансово-экономические, социокультурные стороны современной жизни. С одной стороны, тексты современных российских СМИ общественно-политической направленности выполняют информационно-содержательную функцию, а с другой стороны – организующе-воздействующую, что определяет функционирование в них языковых единиц с номинативными и экспрессивными свойствами. Современная публицистика общественно-политического характера воплощает языковой динамизм периода конца XX века и отражает многие языковые процессы, характерные для русского языка новейшего времени. К числу таких процессов относятся процессы заимствования и актуализации.

Как известно, в системе русского языка представлен значительный пласт заимствований-арабизмов, которые в настоящей диссертационной работе имеют широкую трактовку, что предполагает их соотнесенность, во-первых, с «собственно арабизмами» как целостными заимствованиями из арабского языка (прямыми или опосредованными), а во-вторых – с дериватами арабских заимствований, восходящими к арабским этимонам, но обработанными уже в русском языке с использованием его словообразовательных ресурсов.

Как показало проведенное исследование, лексика арабского происхождения, представленная в современном русском общественно-политическом дискурсе, характеризуется значительным разнообразием с точки зрения времени и способа вхождения в русский язык, характера но-

минации реалий, лексико-грамматических и структурно-грамматических особенностей, соотношения и этимологией, а также тематики. В названном виде дискурса широко используются как давно вошедшие в русский язык арабизмы, так и инновации новейшего времени, прямые и опосредованные заимствования, собственно заимствования и заимствования–дериваты, отдельные лексемы и устойчивые словосочетания арабского происхождения. При этом, несмотря на то что основной корпус арабизмов, функционирующих в современном русском общественно-политическом дискурсе и репрезентирующих концептуально значимые понятия и реалии современной жизни, представлен прежде всего словами актуальной политической лексики и фразеологии, в современных русских общественно-политических текстах функционируют слова арабского происхождения, номинирующие понятия сферы экономики и культуры, быта и досуга.

Повышенная активность вхождения арабизмов в русский язык на рубеже XX-XXI веков и актуализация употребления уже известных русскому языку арабизмов религиозной и социально-политической тематики в современном русском дискурсе объясняются экстралингвистическими причинами: обострением политико-экономической ситуации на Ближнем Востоке, военными конфликтами конфессионального характера, тенденциями, связанными с политическим продвижением ислама в мире. Все это в современном российском обществе оказывается в центре внимания не только политиков, государственных деятелей и военных, но и широко обсуждается в СМИ, что приводит, с одной стороны, к необходимости принятия русским языком новых заимствований из арабского языка для номинации новых реалий, а с другой стороны – к повышению частотности употребления имеющихся арабских заимствований, многие из которых переходят из пассивного запаса в активный.

Одним из наиболее важных выводов диссертационного исследования является вывод о том, что на рубеже XX-XXI веков наблюдается не только

повышенная активность вхождения арабизмов в русский язык, но и повышение функциональной значимости лексики арабского происхождения в русском общественно-политическом дискурсе, которое в основном касается лексики религиозной и социально-политической тематики. Отмеченное обстоятельство в значительной мере объясняется экстралингвистическими причинами – значительной ориентированностью современных русских СМИ на внешнюю политику, в том числе на проблемы «арабского» и «мусульманского мира», а также повышенным вниманием русских массмедиа к проблемам межнационального взаимодействия внутри страны, в первую очередь – взаимодействия с мусульманским населением. Как отмечается в научной литературе, указанная особенность современных русских массмедиа относится к сфере национально-культурного своеобразия современного русского общественно-политического дискурса и в значительной мере определяет его жанрово-тематическую и коммуникативно-прагматическую специфику. Очевидно, что названная особенность в немалой степени определяет также особенности его языкового (речевого) воплощения современного русского общественно-политического дискурса, связанные, в первую очередь, с повышением функциональной значимости в нем лексики арабского происхождения.

Повышение функциональной значимости арабизмов в современном русском общественно-политическом дискурсе особенно ярко репрезентируется на уровне следующих процессов:

- 1) актуализация единиц лексики арабского происхождения, прежде всего этнорелигиозной тематики;
- 2) расширение синтагматики арабизмов и увеличение в современном русском общественно-политическом дискурсе корпуса актуальных устойчивых сочетаний общественно-политической тематики, включающих названные языковые знаки;
- 3) возрастание коммуникативно-прагматической нагруженности лек-

сических единиц русского языка, восходящих к арабским этимонам.

Как показал анализ, процессы актуализации и повышение частотности речевого употребления касаются, прежде всего, ономастических, общественно-политических, религиозных и этнографических реалий (в том числе – слов-этнонимов).

Расширение синтагматических связей арабизмов в современном русском общественно-политическом дискурсе во многих случаях происходит за счет реализации потенциальных синтагматических возможностей словесных знаков, что и приводит к формированию множества новых устойчивых словосочетаний.

Результаты выполненного исследования позволяют утверждать, что лексика арабского происхождения в современном русском общественно-политическом дискурсе выполняет не только номинативную функцию (которая может дополняться функцией создания и передачи национального кода), но также экспрессивную, реализующуюся в двух разновидностях: экспрессивно-выразительной и экспрессивно-оценочной. При этом, как показывает анализ, и номинативная, и экспрессивная функции арабизмов в современном русском общественно-политическом дискурсе осложняются функцией аттрактивной (положительного информирования – формирования положительного отношения к информации) и функцией персуазивной (воздействия на сознание читателя).

В целом представляется возможным говорить о том, что лексика, восходящая к арабским этимонам, играет значимую роль в текстах современных российских массмедиа и тщательное изучение названной лексики в разных аспектах следует рассматривать как важную задачу современной русистики.

Перспективы данной диссертационной работы видятся прежде всего в изучении особенностей функционирования лексики арабского происхождения в других видах современного русского дискурса, а также в продолжении

исследований о путях и способах адаптации арабизмов в современной русской лингвокультуре в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Словари

1. Атеистический словарь / Под общ. ред. М. П. Новикова. – М.: Политиздат, 1986. – 512с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., 1966. – 608 с. (СЛТ)
3. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова : Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – 4-е изд., доп. – М. Художественная литература, 1988. – 525с. (КС)
4. Баранов Х.К. Большой арабско-русский словарь. В 2 т. / Х.К. Баранов. – М.: Живой язык, 2006. (БАРС)
5. Большой академический словарь русского языка /Под ред. К.С.Горбачевича. – Т.1. – СПб: Наука, 2004. – 664 с. (БАС-2)
6. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М: Олма Медиа Групп.. 2007. – 785с. (БСРП)
7. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2008. – 1536 с. (БТС)
8. Борисов В.М. Русско-арабский словарь / В.М. Борисов. – М.: Издатель Валерий Костин, 2004. – 1120 с.
9. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. – М.: ЭКСМО, 2004 – 667 с., цв. ил. – Электронная версия: URL – <http://slovari.yandex.ru/> (БЕЭС)
10. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Современная версия / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – М.: Эксмо, 2002. – 672 с.
11. Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов : 35 тысяч слов / А. Н. Булыко. – Москва : Мартин, 2006. – 702с. (БСИС)
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 1981. (СД)

13. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – СПб., 2000. – Электронная версия: URL – <http://slovari.gramota.ru> (ТСЕ)
14. Захаренко Е.Н. Новый словарь иностранных слов : свыше 25 000 слов и словосочетаний / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Азбуковник, 2008. – 1037с. (НСИСЗ)
15. Исламский энциклопедический словарь / А. Али-заде, Ансар, 2007. (ИЭС)
16. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. – М.: Эксмо, 2006. – 669с. (СИСК)
17. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. – 428с. (ЭСК)
18. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов /Л.П.Крысин. – М.:Эксмо, 2007. – 944 с. (ТСИСК)
19. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 709 с. (ЛЭС)
20. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. – М.: Азбуковник, 2009. – 1112 с.
21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. ООО «А ТЕМП», 2010. – 944 с. (СОШ)
22. Религии народов современной России: Словарь. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Республика,. Ред-кол.: Мчедлов М. П., (отв. ред.), АверьяновЮ. И., Басилов В. Н. и др.. 2002. (РНСП)
23. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Дрофа, 2003. – 704 с. (РЯЭ)

24. Свиридова М.Н. Этимологический словарь современного русского языка /М.Н.Свиридова. – М.: Аделант, 2014. – 512 с. (СС)
25. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка: русский язык от А до Я. – М.: ЮНВЕС, 2003. (ЭСС)
26. Скворцов Л.И. Большой толковый словарь русского языка/ Л.И.Скворцов. – М.: ЮНВЕС, 2005. – 1136 с. (БТСС)
27. Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. – СПб., 1789–1794. – Ч. 1–6. (САР)
28. Словарь истории русских слов. Т. I / Гл. ред.: Э.Ф. Володарская, М.Л. Ремнева. – М., 2009. – 780 с. (СИРС)
29. Словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. – Т. 1-4. (МАС)
30. Толковый словарь русского языка /под ред. Д.Н.Ушакова. – М.:ОГИЗ, 1935-1940. – Т.1-4. (ТСУ)
31. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скляревской.- М.: Эксмо, 2008. – 1136 с. (ТСРЯ-АЛ)
32. Успенский Л.В. Почему не иначе?: этимологический словарь школьника / Л. Успенский. – М.: АСТ ; Владимир : Zebra E ; 2009. – 460с. (ЭСШУ)
33. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. / М. Фасмер; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. (ЭСФ)
34. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Фёдоров. – М.: Астрель, АСТ, 2008. – 878с. (ФСРЛФ)
35. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. Яз.-Медиа, 2007. (ИЭСЧ)
36. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века / Е.Н. Шагалова. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 413 с. (СНСШ).

37. Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М.: Дрофа, 2004. – 398 с. (ЭСШ)

38. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей / Авт.-сост. В. Серов. – 2-е изд. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 880 с. (ЭСКСВ)

39. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т.1. – Москва: Флинта: Наука, 2010. – 584 с. (СШ)

40. الخليل بن احمد الفراهيدي ، كتاب العين ، ترتيب و تحقيق د. عبد الحميد هنداوي استاذ مساعد في جامعة القاهرة ، بيروت ، لبنان ، دار الكتب العلمية ، المجلد الرابع ، باب الكاف ، 416 صفحة ، 2003م.

Научная литература

1. Абламская Е.В. Экспансия сниженной лексики в современном русском языке/ Е.В. Абламская // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Том 24 (63). 2011. – №2. – Часть 2. – С.119-123.

2. Александрова О.И. Лексика арабского происхождения в системе современного русского языка: дисс. ... канд. филологических наук: 10.02.01 / О.И. Александрова. – Москва, 2010. – 228 с.

3. Александрова О.И. Многозначность заимствованных лексических единиц (на примере лексики арабского происхождения) / О.И. Александрова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. -- № 1. – С. 46 – 49.

4. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография / Н.Ф. Алефиренко. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 344 с. – URL: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_id=51804

5. Аль Каззаз М. А. А. Лексика арабского происхождения со значением «Одежда, головные уборы» и её функционирование в русской речи /

М.А.А. Аль Каззас // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Сер. Филология. Журналистика. 2017. – Т. 17, вып. 3. – С. 288–295.

6. Аль Шаммари Маджида Джамиль Ашур. Причины заимствования и признаки актуальности арабизмов в русском языке/ Аль Шаммари Маджида Джамиль Ашур // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.2: Филология и искусствоведение. – 2015. – №1 (152). – С.17 – 22.

7. Аль-Кадими Махмуд Гази Чаллюб. Арабизмы в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Махмуд Гази Чаллюб Аль-Кадими. – М., 2010. – 21 с.

8. Аль-Хазраджи С.А. Арабизмы в русском языке / М.А. Аль-Хазраджи // Народы Азии и Африки. – 1977. – № 1. – С. 151-158.

9. Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке) / В.М. Аристова. – Л.: ЛГУ, 1978. – 151 с.

10. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 606 с.

11. Ашуркова Т.Г. Дезактуализированная лексика в отношении к пассивному словарному запасу /Т.Г. Ашуркова // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: материалы международной конференции. – М., 2007. – С. 19-23.

12. Бахтиярова А.Н., Фаткуллина Ф.Г. Арабские заимствования в лексической системе русского языка / А.Н. Бахтиярова, Ф.Г. Фаткуллина // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2-27. – С. 24-28.

13. Бахтиярова А.Н., Фаткуллина Ф.Г. Арабские заимствования в русском и башкирском языках: монография / А.Н. Бахтиярова, Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 162с.

14. Бельчиков Ю.А. Русский язык. XX век / Ю.А. Бельчиков. – М., 2003. – 85 с.

15. Берков В.П. Двухязычная лексикография / В.П. Берков. – М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2004. – 236 с.
16. Богословская, О. И., Байтниц, Л. В. Синтаксическая структура и функции газетных заголовков в воркутинской городской газете «Заполярье» / О. И. Богословская, Л. В. Байтниц // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. – 1974. – № 302: Исследования по стилистике. – С. 206–224.
17. Богуславская В.В., Китанина Э.А. Идеологический пуризм в контексте патриотизма: социокультурный аспект / В.В. Богуславская, Э.А. Китанина // Общество: социология, психология, педагогика. – Выпуск № 3. – 2016. – С. 10-13.
18. Борисов В.М. О двух арабизмах в русском языке / В.М. Борисов // Русский язык в школе. – 1972. – №4. – С. 105.
19. Булаховский Л.А. Введение в языкознание / Л.А. Булаховский. – М.: Учпедгиз, 1953. – 179 с.
20. Бушев А. Б. Языковые феномены политического дискурса / А.Б. Бушев // Вестник Российской коммуникативной ассоциации. – Вып 2. – Ростов н/Д, 2004. – С. 52-71.
21. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. Пособие / Н.С. Валгина.- М.: Логос, 2001.- 304 с.
22. Валиуллина Л.К. История изучения лексики арабского происхождения в русском языке / Л.К.Валиуллина // Исследования по сравнительному языкознанию. – Казань, 2004а. – С. 176-181.
23. Валиуллина Л. К. Лексика арабского происхождения в русском и татарском языках: сопоставительный аспект: дис. ... канд. филол. наук / Л.К. Валиуллина. – Чебоксары, 2004б. –163 с.
24. Валиуллина Л.К. Семантическая адаптация арабизмов в русском языке / Л.К. Валиуллина.// Исследования по сравнительному языкознанию. – Казань, 2004в. – С. 171-175.

25. Ван Дейк Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153–211.
26. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.
27. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – М., 1955. – С. 60-87.
28. Власова Ю.Е. Арабские реалии как объект изучения лингвострановедения Ю.Е. Власова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. – 2014. – Вып.1. – С. 33-40.
29. Володарская Э. Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов / Э.Ф. Володарская // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 96-118.
30. Гаврилова Т.П. История арабской по происхождению лексики в русском языке (на материале памятников 12-18 вв.): дисс. ... канд. филол. наук / Т.П. Гаврилова. – М., 1981. – 183 с.
31. Гарланд, К.В. Арабский вклад в испанский язык / К.В. Гарланд. – М.: Наука, 1998. –79 с.
32. Голуб И. Б. Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. М.: Айрис-пресс. 2002. – 448 с.
33. Гордеева Е.М. Семантика "ключевых слов эпохи" в общественно-политическом дискурсе Германии : на материале периода объединения Германии 1989-2000 гг. : автореф. дисс. ... канд. филологических наук: 10.02.04 / Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н.А. Добролюбова. – Калининград, 2004. – 18 с.
34. Гордиенко Т. В. Журналистика и редактирование / Т.В. Гордиенко. – М.: ФОРУМ, 2013. – 176 с.
35. Гочев Г.Н. К вопросу о неологических процессах в современной русской лексике / Г.Н. Гочев// Мир русского слова и русское слово в мире:

материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. – Варна, 17-23 сентября 2007). – Т.3. – София, 2007. – С.59-64.

36. Гудавичус А.Й. Сопоставительная лексикология литовского и русского языков / А.Й. Гудавчюс. – Вильнюс: Мокслас, 1985. – 175 с.

37. Джаббаров, Р.Д. Арабские заимствования во французском языке: дисс. ...канд. филол. наук / Р.Д. Джаббаров. – Баку, 1984. – 252 с.

38. Диброва, Е. И., Касаткин, Л. Л, Щеболева, И. И. Современный русский язык: теория, анализ языковых единиц / Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, И. И. Щеболева / под ред. Е. И. Дибровой. В 3 частях. – Ч. 1. 2-е изд., доп. и перераб. – Ростов-наДону : Феникс, 1997. – 416 с.

39. Добросклонская Т.Г. Лингвокультурная глобализация и способы передачи культурозначимой информации в медиатекстах / Т.Г. Добросклонская // Язык. Сознание. Коммуникация. – М., 2014. – С. 64-70.

40. Долгенко А.Н. Фьюжн как принцип (об эклектике в постмодернизме) / А.Н. Долгенко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. -- № 8(72). – С. 140-142.

41. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. Н. Слова, с которыми мы все встречались / О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.Н. Розина// Вопросы языкознания. – 2000. – №6. – С.133-142.

42. Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике / О.П. Ермакова // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 32-66.

43. Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе к. XX в.: Русские и немецкие политики / М.Р. Желтухина. – М.- Волгоград, 2000. – 250с.

44. Жлуктенко Ю.О. Лингвистические аспекты двуязычия / Ю.О. Жлуктенко. – Киев: Вища школа, 1974. – 176 с.

45. Заварзина Г.А. Без идеологических наслоений (Общественно-политическая лексика на исходе XX века) / Г.А. Заварзина // Русская речь. – 2000. – № 6. – С.41-45.
46. Заварзина Г.А. Качественные и количественные изменения в общественно-политической лексике русского языка на исходе XX столетия / Г.А. Заварзина // Проблемы русистики на рубеже XX – XXI веков. – Воронеж, 2001. – С.14-20.
47. Заварзина Г.А. Процессы неологизации в лексической подсистеме тематической сферы «Государственное управление» в русском языке начала XXI века / Г.А. Заварзина // Научные труды преподавателей и студентов гуманитарного факультета.- Вып.1: сб. статей.- Воронеж: ВГПУ, 2012. – С.202-209.
48. Заварзина Г.А. Семантические изменения общественно-политической лексики в 80-90 годы XX века (по материалам словарей и газетной публицистики): дис. ... канд. филол. наук / Г.А. Заварзина. – Воронеж, 1998. – 180с.
49. Загоровская О.В. Возможности семантизации русского слова в современном многоаспектном учебном словаре для изучающих русский язык как неродной / О.В. Загоровская // Известия ВГПУ. – №4 (269). – 2015а. – С. 121-124.
50. Загоровская О.В. Лексические инновации в русском языке новейшего периода /О.В. Загоровская //Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX-XXI веков. – Воронеж, 2001. – С.10-11.
51. Загоровская О.В. Нормы русского литературного языка: Типология и основания для классификации / О.В.Загоровская // Известия ВГПУ. – 2016.- №3 (272). – С . 121-126.

52. Загоровская О.В. Основные направления развития лексического состава русского языка на рубеже XX-XXI веков / О.В. Загоровская // Славистика. – Вып. VI (2002). – Белград, 2002. – С. 97-102.

53. Загоровская О.В. Основные процессы в развитии русской лексики на рубеже XX-XXI вв. /О.В. Загоровская //Проблемы русистики на рубеже XX-XXI веков. – Воронеж, 2001а. – С.8.

54. Загоровская О.В. Расширение лексического состава русского языка как одно из основных направлений его развития на рубеже XX – XXI веков / О.В. Загоровская// Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе: сборник научн. трудов. Выпуск I. – Воронеж: Научная книга, 2008б. – С. 3-15.

55. Загоровская О.В. Русский язык в начале третьего тысячелетия: состояние и перспективы развития / О.В. Загоровская // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы II всероссийской научно-практической конференции. Ч. I. – Воронеж: Воронеж. госуд. педагогич. ун-т, 2003. – С.15-23.

56. Загоровская О.В. Русский язык на рубеже XX- XXI веков: исследования по социолингвистике и лингвокультурологии: монография / О.В. Загоровская. – Воронеж: Научная книга, 2013. – 232 с.

57. Загоровская О.В. Стилистическая значимость русского слова как явление национальной культуры / О.В. Загоровская // Русское национальное сознание в его языковом воплощении: прошлое, настоящее, будущее. XXX Распоповские чтения: материалы международной конференции, Воронеж, 2–4 марта 2012 г. / Под ред. Л.М. Кольцовой. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2012а. – С. 69–74.

58. Загоровская О.В. Типологические разновидности национального русского языка и формы его существования в начале XXI века /

О.В.Загоровская // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2015. -- № 3 (268). – С. 96-101.

59. Загоровская О.В. Возможности семантизации русского слова в современном многоаспектном учебном словаре для изучающих русский язык как неродной //О.В.Загоровская // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2015. -- № 4 (269). – С. 121-124.

60. Загоровская О.В. Формы существования русского языка и типы русской речи на рубеже XX-XXI столетия / О.В. Загоровская// Известия Научно-координационного центра по профилю «филология» (ВГПУ-ВОИПКиПРО). – Выпуск VII. – Воронеж: ВОИПКиПРО, 2009. –С. 4-6.

61. Загоровская О.В. Языковая норма и норма литературного языка как лингвистические понятия / О.В.Загоровская // Известия ВГПУ. – 2016. – №2 (271). – С 161-165.

62. Загоровская О.В., Есмаеел С.А. Об иноязычных заимствованиях в политической лексике современного русского языка / О.В. Загоровская, С.А. Есмаеел //Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Вып. 3. – Воронеж, 2008а. – С. 63-74.

63. Загоровская О.В., Маджмае Х.К.М. Типологические разряды арабизмов в современном русском общественно-политическом дискурсе / О.В.Загоровская, Х.К.М.Маджмае // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2018. – №1 (278). – С. 142-146.

64. Загоровская, О.В. Об иноязычных заимствованиях в политической лексике русского языка / О.В.Загоровская, С.А.Есмаеел // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Вып 3.- Воронеж, 2008. – С. 74-82.

65. Загоровская, О.В. Принципы создания комплексного русско-арабского словаря литературоведческих терминов для иракских филологов-русистов / О.В.Загоровская, Гадах Тарек Сабри // Вестник Воронежского

государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – Вып.2. – С. 89-94.

66. Загоровская, О.В. Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии / О.В.Загоровская. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. – 383с.

67. Загоровская, О.В. Спорные вопросы этимологии и семантики арабских заимствований, функционирующих в современном русском языке / О.В.Загоровская, Х.К.М. Маджмае // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2017. – №3 (276). – С. 141-145.

68. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985 –1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. – С.90-141.

69. Ильясова С.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С.В. Ильясова, Л.П. Амири. – М.: Флинта, 2009. – 296 с. 2. Лисоченко Л.В. Языковая игра на газетной полосе (в свете металингвистики и теории коммуникации) [Электронный ресурс] / Л.В. Лисоченко, О.В. Лисоченко. – Режим доступа: www.teneta.rinet.ru/rus/le/lisochenko_jaee.htm.

70. Ионичев Н. П. Внешние экономические связи России (IX-нач. XXв) / Н.П. Ионичев. – М.: 2001. – 398 с.

71. Какорина Е.В. Новизна и стандарт в языке современной газеты / Е.В. Какорина // Поэтика, стилистика. Язык и культура. – М., 1996.

72. Караулов Ю.Н. О некоторых особенностях современного состояния русского языка т науки о нем / Ю.Н.Караулов // Русистика сегодня. – 1995. – №1. – С.5–23.

73. Караулов Ю.Н. О состоянии современного русского литературного языка / Ю.Н. Караулов // Русская речь. –2001. – № 3. – С. 25 – 30.

74. Каримова Г.Ф. Структурно-семантические особенности русских заимствований в английском языке : сравнительно-сопоставительный ас-

пект: дисс. ... канд. филологических наук: 10.02.20 / Г.Ф. Каримова. – Душанбе, 2013. – 202 с.

75. Касьянова Л. Ю. Векторы неологизации в современном русском языке. Монография / Л.Ю. Касьянова. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2006. – 150 с.

76. Касьянова Л.Ю. Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX – начала XXI века: дис. ... д-ра филол. наук / Л.Ю. Касьянова. – Астрахань, 2009. – 401с.

77. Китанина Э.А. «Оценочная революция» конца XX – начала XXI вв. и прагматика иноязычного слова / Э.А. Китанина // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. -№3(13). – С.215-218.

78. Клушина Н.А. Общие особенности публицистического стиля / Н.А. Клушина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 269-289.

79. Колесина В.В. О некоторых особенностях игры слов в рекламном и публицистическом тексте (на материале французского языка) // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 19. – Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во Московского университета, 2002. – №2. – С. 39-49.

80. Колесов В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.

81. Конецкая В.П. Лексико-семантическая характеристика языковых реалий / В.П. Конецкая // Великобритания: лингвострановедческий словарь. – М., 1980.

82. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа /В.Г. Костомаров. – М., 1994 (1999). – 320 с.

83. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе / В.Г. Костомаров. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 257 с.

84. Косырева М.С. Особенности развития русского языка в эпоху глобализации / М.С. Косырева // Казачество. – 2017. – № 4 (28). – С. 59-67.

85. Котков С.И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI – XVIII вв. / С.И. Котков. – М.: Наука, 1970. – 315 с.
86. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций / В.В. Красных. – М., 2001. – С. 200–201.
87. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики / И.Ю. Крачковский. – М.-Л., 1950. – 298 с.
88. Кретов А.А. Лингвистическая теория реалии / А.А.Кретов, Н.А.Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. - Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – №1 – С. 7-13.
89. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва / М.А. Кронгауз. – М.: Знак: Языки славянских культур, 2009. – 229 с.
90. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л.П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. .142-161.
91. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л.П. Крысин. – М.: Наука, 1968. – 208с.
92. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л.П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2002. – С. 27-34.
93. Крысин Л.П. Новые иноязычные заимствования в нормативных словарях/ Л. П. Крысин // Русский язык в школе. – 2006. – №1. – С. 66-72.
94. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике/ Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
95. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование / Л.П. Крысин // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX XXI веков. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 712с.

96. Кудинова Н.А. Функциональный аспект языка молодежной субкультуры начала XXI века: дис...канд. филол. наук / Н.А. Кудинова. – Тула, 2010. – 191с.
97. Лазарева, Э. А. Заголовок в газете: учеб. пособие для студентов-журналистов / Э. А. Лазарева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 96с.
98. Лисицына, И.В. Арабская лексика как источник пополнения французского словаря и дискурса / И.В. Лисицына // Вопросы лингводидактики и межкультурной коммуникации : сб. науч. ст. – Чебоксары, 2015. – С. 255-259.
99. Литвинова Е.С. Иноязычное слово в коммуникативном пространстве Интернета (на материале подязыка любителей разработчиков компьютерных игр): монография / научн. ред. Т.И. Ерофеева. – Пермь, 2012.
100. Лунёва Ю.В. Интерлексикологический подход к изучению неологизмов в родственных и неродственных языках: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ю.В. Лунёва. – Москва, 2012. – 186 с.
101. Маджмае Хелан Карим Мохаммед. Лексика арабского происхождения в словарном составе русского языка новейшего периода / Маджмае Хелан Карим Мохаммед // Современные аспекты гуманитарного знания: материалы II Международной научно-практической конференции (г. Воронеж, март 2017 г.) / под ред. О. В. Григоренко ; Научно-информационный центр «Интернум». – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2017. – С.104-109.
102. Маджмае Х. К. М. Особенности функционирования лексики арабского происхождения в современном русском общественно-политическом дискурсе / Х.К.М.Маджмае // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2018. – №4 (282). – С. 142-146.

103. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Маринова. – М., 2008. – 509 с.
104. Маринова Е.В. Проблемы отечественной неологии / Е.В. Маринова. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. – 70 с.
105. Маркова Е.М. Основные тенденции в лексике современных славянских языков (на материале русского и чешского)/ Е.М. Маркова// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Серия «Филология». – 2011. – № 6(2). – С.404-408.
106. Марьянчик В.А. Аксиологическая функция неологизмов медиаполитического дискурса: на материале газетных публикаций начала XXI века: дис.канд. филол. наук / В.А. Марьянчик. – Архангельск, 2006. – 210с.
107. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк / Т.В. Матвеева. – Свердловск, 1990. – 172с.
108. Мельник Ю.А. Социолингвистические проекты "Слово года" как источник сведений о неологических процессах в современном русском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю.А. Мельник. – Омск, 2018. – 21 с.
109. Менеджерицкая Е.О. Термин «дискурс» в современной и зарубежной лингвистике / Е.О. Менеджерицкая //Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1997. – С. 132.
110. Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / Михалева О. Л. – М. : Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. – 256 с.
111. Мохаммед Абд Али Хуссейн Аль Каззаз. Арабизмы в русской речи : дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Аль Каззаз Мохаммед Абд Али Хуссейн. – Саратов, 2018. – 272 с.

112. Наер В. Л. Прагматика научных текстов (вербальный и невербальный аспекты) / В.Л. Наер // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. – М.: Наука, 1985. – С. 14 – 25.
113. Национально-культурная специфика речевого поведения / А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин и др. ; Ред. коллегия: д-р филол. наук А.А. Леонтьев и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1977. – 352 с.
114. Нелюбин Л.Л. Лингвостилистика современного английского языка / Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта, Наука, 2007. – 254 с.
115. Немченко В.Н. О понятии усечения основы слова / В.Н. Немченко// Вестник Нижегородского университета. Серия «Филология». – 2003. – №1. – С. 100-110.
116. Никифорова Е.Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук/ Е.Б. Никифорова. – Волгоград, 2008. – 48 с.
117. Новохатский С. «Исламизация» России? / С. Новохатский // Москва. – 2006. – N 6. – С. 154-167.
118. Овчинникова М.С. Англоязычные заимствования в индивидуальном сознании : психолингвистическое исследование: дисс. ... канд. филол. наук / М.С. Овчинникова. – Курск, 2018. – 171 с.
119. Огиенко И.И. Иноземные элементы в русском языке / И.И. Огиенко. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2010. – 136 с.
120. Очерки истории арабской культуры V-XV вв. – М.: Наука, 1982. – 440 с.
121. Панов М.В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики / М.В. Панов //Язык современной публицистики. – М., 1988. – 399с.
122. Попова Т.В. Неология и неография современного русского языка: учебное пособие / Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Д. В. Гугунава. – М.: Флинта : Наука, 2011. – 165с.

123. Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи / И.Ф. Протченко. – М.: «Наука», 1985. – 351 с.
124. Пятаева Н.В. От лексического гнезда к генетической парадигме: к проблеме динамического описания лексической системы языка / Н.В. Пятаева // Вестник ОГУ. – 2005. – № 11. – С.115-121.
125. Радбиль Т. Б. Национально-обусловленные модели языковой концептуализации мира в русском языке последних лет // Новые тенденции в русском языке начала XXI века: колл. монография / под ред. Л. В. Рацибурской. – М.: Флинта; Наука, 2015. – С. 8–35.
126. Радбиль Т.Б. Русский язык начала XXI века в свете проблемы языковой концептуализации мира // Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. – 325 с. – С. 8 – 64.
127. Резцова В.В. Лексико-тематическая классификация арабизмов русском языке [Электронный ресурс] / В.В. Рецова // Вестник РАЕ, 2011. – URL: <http://rae.ru/forum2011/pdf/1522.pdf>.
128. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д.Э Розенталь. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 448 с.
129. Романова С.А. Язык как отражение социальных изменений в обществе: дисс. ... канд. социологических наук: 22.00.04 / С.А. Романов. – Москва, 2002. – 174 с.
130. Русский язык конца XX столетия (1985-1995) // Ермакова О.П., Какорина Е.В., Крысин Л.П. и др.; Отв. ред. Земская Е.А. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
131. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект / Н.К. Рябцева. – М.: Academia, 2005. – 640 с.
132. Светличная Н. О. Аббревиация и дезаббревиация в современном русском языке: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. .канд. филол. наук / Н.О. Светличная. – Краснодар, 2009. – 21 с.

133. Светлова Р. М. Рецепция арабских прототипов в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.М. Светлова. – Казань, 2012. – 22с.
134. Светлова Р.М. Особенности рецепции арабских прототипов в русском языке / Р.М. Светлова // Казанская наука. – 2012а. – № 3. – С. 124-
135. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности / К.Ф. Седов. – Саратов, 1999. –247с.
136. Семиниченко Е. А. Аббревиация в языке рубежа тысячелетий / Е.А. Семиниченко// История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2003. – С.88-89.
137. Сенько Е.В. Лексические инновации как одна из полевых структур системы языка/ Е.В. Сенько// Лингвистический семинар: межвузовский сборник научных статей. – СПб.; Бирск, 2001. – Вып. 2. – С. 56-61.
138. Сенько Е.В. Неологизация в современном русском языке конца XX века: дис...докт.филол.наук /Е.В. Сенько. – Волгоград, 2000. – 260 с.
139. Складарская Г.Н. Введение // Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н.Складарской. – СПб., 1998. – С. 7-32.
140. Складарская Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы / Г.Н. Складарская// Исследования по славянским языкам. – № 6. – Сеул, 2001. – С. 177-202.
141. Стернин И.А. Изменения в русском языке XX века (Россия и Германия) / И.А. Стернин.- Воронеж, 1996.
142. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века / И.А. Стернин. – Воронеж, 2004. – 72 с.

143. Стернин И.А. Социальные процессы в России и изменения в русском языке / И.А. Стернин // Известия ВГПУ. – Т.246: Русский язык: сб. науч. трудов. – Воронеж, 1997. – С.11-16.
144. Стернин И.А. Стилистическая характеристика слова в языковом сознании носителей языка / И.А. Стернин // Русский язык как явление национальной культуры: проблемы современного состояния и динамического развития: сборник научных статей к юбилею О. В. Загоровской. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. – С. 104-117.
145. Стернин И.А. Что происходит с русским языком? Очерк изменений в русском языке конца XX века / И.А. Стернин. – Туапсе, 2000. – 72 с.
146. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики исследования / И.А. Стернин. – М.: АСТ: ВОСТОК-ЗАПАД, 2007. – 288 с.
147. Сулина О.В. Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства / О.В. Сулина // Вестник ВГУ . – 2014. – №1. – С. 217-222.
148. Супрун А. Е. Экзотическая лексика / А.Е. Супрун. – Филологические науки. – М., 1958. – № 2. – С. 50-54.
149. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
150. Ткаченко В.А. Теоретические и практические аспекты калькирования / В.А. Ткаченко // Языковые ситуации и взаимодействие языков. – Киев: Наукова Думка, 1989. – С. 178-193.
151. Толпыгина О.А. Дискурс и дискурс-анализ в политической науке / О.А. Толпыгина // Политическая наука. – 2002. – № 3. – С. 76-89.
152. Узденова, Л.А. Арабские заимствования в русском и английском языках / Л.А. Узденова. – М.: Express, 2008. – 10 с.

153. Фененко Н.А. Французские реалии в контексте теории языка: дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.05/ Н.А. Фененко. – Воронеж, 2006. – 327с.
154. Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка / под ред. проф. А.А. Кретьова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 140 с.
155. Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет) / Л. Ферм.- Uppsala, 1994. – 212 с.
156. Хабургаев Г.А. Заимствование как проблема лексикографии и исторической лексикологии русского языка / Г.А. Хабургаев // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1989. – № 4. – С. 3-9.
157. Халлави М. Х. Лексические арабские заимствования в современном русском языке: автореф. дис. . канд. филол. наук / М.Х. Халлави. – М., 1986. – 15с.
158. Хан-Пира Э.И. Советский тоталитаризм и русский язык / Э.И. Хан-Пира // Национально-культурный компонент в тексте и в языке: Тез. междунар. конф. Минск: Ушверсггэцкае, 1994. – С. 16-18.
159. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен / В.В. Химик. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 272 с.
160. Хусайн А.Х. Русская лексика арабского происхождения в теоретическом и прикладном рассмотрении: дисс. ... канд. филол. наук / А.Х. Хусайн. – М., 2001. – 172с.
161. Цвиллинг М.Я. Функциональный стиль, подъязык и социальный диалект (к вопросу о соотношении понятий) / М.Я. Цвиллинг // Общие и частные проблемы функциональных стилей. – М.: Наука, 1986. – С. 5-15.
162. Черкасова А.П. Арабские заимствования во французском языке Франции и магрибском варианте французского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А. П. Черкасова. – Воронеж, 2013. – 25 с.

163. Черникова Н.В. Лексико-семантическая актуализация как средство отражения изменений в русской концептосфере (1985 – 2008 гг.) / Н.В. Черникова. – М.: МГОУ; Мичуринск: МГПИ, 2008. – 395 с.
164. Черникова Н.В. Лексико-семантическая актуализация как средство отражения изменений в русской концептосфере : 1985-2008 гг. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Черникова Н.В. – М., 2008. – 42 с.
165. Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации / В.М. Шаклеин. – М.: Флинта, 2012. – 650 с.
166. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1972. – 368 с.
167. Шаповалова А. П. Аббревиация и акронимия в лингвистике / А.П. Шаповалова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов, ун-та, 2003. – 350 с.
168. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М., Волгоград, 2000. – 367 с.
169. Шишмарев В.Ф. Очерки по истории языков Испании / В.Ф. Шишмарев. – М.: УРСС, 2002. – 333с.
170. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента / Т.В. Шмелева // Collegium. – 1993.- № 1. – С. 33– 41.
171. Шпажников Г.А. Религии стран Юго-Восточной Азии: справочник / Г.А.Шпажников. – М.: Наука, 1980. – 247 с.
172. Шумилова А. А. Синонимия как ментально-языковая категория (на материале лексической и словообразовательной синонимии русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Шумилова. – Кемерово, 2009. – 24 с.
173. Щипицына А.А. Соотношение дескриптивных и оценочных прилагательных в британском политическом медиа-дискурсе / А.А. Щипицына // Политическая лингвистика. – Выпуск (2) 22. – Екатеринбург, 2007. – С. 93-98.

174. Эль-Мсафер Халдун Арян Халаф. Исламизмы в современном русском языке и дискурсе : дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Эль-Мсафер Халдун Арян Халаф. – Воронеж, 2016. – 188 с.
175. Эль-Султани М.М.И. Арабские заимствования в русском языке и особенности их актуализации в новейший период // Преподаватель XXI века. – 2-18. – № 3. – С. 373 – 384.
176. Юдина Н.В. О некоторых новых явлениях в сочетаемости лексем современного русского (на материале атрибутивно-субстантивных комплексов) / Н.В. Юдина// Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – Серия Языкознание. – 2006. – Т.6. – № 16. – С. 75-84.
177. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: Кризис? Эволюция? Прогресс? / Н.В. Юдина. – М.: Гнозис, 2010. – 296 с.
178. Dijk Teun Van. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London. Sage, 1998.
179. Fairclough N. Genres in political discourse // Encyclopedia of Language and Linguistics. Oxford, Elsevier, 2005. – P. 33.
180. Gee J.P. An Introduction to Discourse Analysis//Theory and Method. London: Routledge. 1999.
181. Guiraud, P. Les mots étrangers / P. Guiraud. – 2-e éd. – P. : Presses universitaires de France, 1971. – 123 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список исследованной лексики арабского происхождения, функционирующей в современном русском общественно-политическом дискурсе

аббасид	аббасидский	Аббасидский халифат
абрикос	абрикосный абрикосовый	
адат		
адмирал	адмиралтейский адмиралтейство адмиральский адмиральство адмиральша	
азан		
азарт	азартный	
азимут	азимутальный азимутный	
алави		
алавит	алавитский	
алгебра	алгебраический	
алгоритм		
Алжир	алжирец алжирка алжирский	Алжирская Народная Демократическая Республика
алидада		
алкоголь	алкоголизм алкогольный	
алкоран		
Аллах		Аллах Акбар (Аллаху Акбар) Одному Аллаху известно воин Аллаха Воины Аллаха
алмаз	алмазный алмазодобывающий	

	алмазонасный алмазосодержащий	
алхимия	алхимический алхимик	
Аль-Арабия (Аль-арабия)		
Аль-Ахбар		
альбатрос		
Аль-Джазира (Аль-джазира)		
Аль-Каида		
алькасар		
альков	альковный	
альманах		
Аль-Манар (Аль Манар)		
Аль-Маядин		
Аль-Мустакбаль		
Аль-Хадас		
аманат		
амулет		
анаша	анашист	
араб	арабка арабизм арабист арабистика арабский арабоязычный арабоговорящий	арабский мир Арабская Лига арабская весна
Аравия	аравийский	Аравийский полуостров- Саудовская Аравия аравийская коалиция Аравийское море
арсенал	арсенальный	
артишок		
атлас	атласный	
Аш-Шабаб		
аят		
аятолла		
бакалея	бакалейный бакалейщик	
баклажан	баклажанный баклажановый	

бальзам	бальзамный	
барбарис	барбарисовый	
басурман	басурманка басурманский по-басурмански	
Бахрейн	бахреинец	Королевство Бахрейн
бедуин	бедуинский кочевники- бедуины	бедуинские племена
бензин	бензинный бензиновый	
бисер	бисерный	
вакуф		
вали		
ваххабит	ваххабизм ваххабитство ваххабитский	
визирь		
вилайет		
газ	газовый газопровод газодобыча газодобывающий газоперерабатыва- ющий	газовый путь
газават		
газель		
гази		
гарем	гаремный	
гармала		
гашиш	гашишный	
гурия		
гяур		
Дахук		
Дейр-Эз-Зора (Дель-эз-Зора)		
Джабхат-Ан-Нусра (Джебхат ан- Нусра)		
джамахирия		
джахалия		
джинн		выпустить джинна из бу- тылки

		ядерный джинн
джихад	джихадист	интернет-джихад автономный джихад сетевой джихад
драгоман	драгоманский	
езид	езидский	
жасмин	жасминовый жасминный	
жираф	жирафовый жирафий	
загхава		
зенит	зенитный	зенитный комплекс зенитная установка достичь зенита в зените славы
зульхиджа		
ибн		
Ид аль-Адха		
имам		
имбирь	имбирный	
интифада		
Иордания	иорданский иорданец	
Ирак	иракский иракец	Республика Ирак
ислам	исламизировать исламистский исламский Аль-Исламия ИГИЛ (ИГ) по-игиловски	Исламское государство исламский радикализм исламский фундамента- лизм радикальный ислам исламские фундаментали- сты исламский джихад исламский банкинг исламский дресс-код исламский кредит исламистский сайт
исмаилизм	исмаилит	
Йемен	йеменский йеменец йеменка	йеменские мятежники
Кааба		священная Кааба
каблук	каблучный	

	подкаблучник	
кабала	кабальный	
кадий		
казна	казначей казначейский казначейство казначейша казенный по-казенному казнокрад казнохранилище	
кайф	кайфовать кайфовый	
калий	калиевый	
калиф		Калиф на час
камфара (камфора)	камфарный (камфорный)	
каркаде		
Катар	катарский катарец катарка	
кибитка	кибиточный	
кинжал	кинжальный кинжальчик кинжальщик	
Коран	коранический	
кофе	кофеман кофе-пауза кофе-брейк кофейный кофейня	
Кувейт	кувейтский кувеец	Государство Кувейт
кумач	кумачовый	
ладан	ладанка ладанный	дышать на ладан
лазурит	лазуритовый	
Ливан	ливанский ливанец ливаека	Ливанская республика
Ливия	ливийский ливиец ливийка	Государство Ливия

ЛИМОН	лимонад лимонарий лимонно-желтый лимонный	
ЛЮТНЯ		
мавлид		
магазин	магазинный магазинчик магазинщик	
магарыч	магарычовый	
Магомед	магометанин магометанство магометанский	
Магриб		страны Магриба
мазар		
мазут	мазутный	
майдан	майданный майданщик майданить	
мамлюк		
марабу		
марабут		
Марокко	марокканский марокканец марокканка	
масалит		
маска	маскировать маскировка	
матрас	матрасный	
меджлис		
Медина		
медресе		
Мекка	мекка	
мектеб		
мечеть		мусульманская мечеть Священная мечеть
минарет	минаретный	
мишура		
моджахед	моджахедка моджахедский	
мохер	мохеровый	
муар	муаровый	
мулла		

мумие		
мумия		
мусаххирати		
муссон	муссонный	
мусульманин	мусульманка мусульманский мусульманство по-мусульмански Братья-мусульмане	Союз мусульман России
муфтий	муфтият	
Мухаммед (Мухаммад)		пророк Муххамед
муэдзин		
мюрид		
набат	набатный	бить в набат
набоб		
надир		
наиб		
нашатырь	нашатырный	
нефть	нефтеносный нефтепродукты нефтедобыча нефтедобывающий нефтедоллары нефтяник нефтяной	сырая нефть нефтяной магнат нефтяная игла нефтяной бум
никаб		
нусайрит		
Оман	оманский оманец	Оманский залив
Пальмира		Пальмирское царство Северная Пальмира
паранджа		
попугай	попугайский по-попугайски	
Ракка		
Рамазан (Рамадан)		
рахат-лукум		
рубай		
Сабах		
саван		
саммит		саммит восьмерки саммит СНГ

		саммит АТЭС
сарацин	сарацинка сарацинский	
сатин	сатиновый	
саудид		
сафари		
Сезам		Сезам, откройся!
сеид		
секрет	секретный	
сель	селевый	
Сирия	сирийский сириец	Сирийская Арабская Республика
сирокко		
сироп	сиропный сироповый	
султан	султанат султанский султанство султанша	электоральный султанат
сунна		
суннит	суннитский	Суннитский треугольник суннитское меньшинство суннитская верхушка
сура		
суфизм	суфит	
сухур		
тайфун		
такбир		
талиб	талибан талибанский талибский	
тальк		
тамбурин		
тара	тарный	
тарикат		
тариф	тарифный	тарифный план
Тунис	тунисский тунисец туниска	Тунисская Республика
улем		
факир	факирский	
феллах		
фетва		

фитиль	фитилек фитильный	
фур		
хадж		
хаджи		
хадис		
халат		
халва		
халиф	халифат	Арабский халифат Исламский халифат всемирный халифат самопровозглашенный халифат
халяль	халяльный	
хамада		
Хамас (ХАМАС)	хамасовец	
ханжа		
харакат		
харам		
Хезболлах (Хесболлах, Хизболлах, Хэзболлах)		
хиджаб		
Хизбут -Тахрир (Хизб-ут-Тахрир, Хизбуттахрир)		
хинави		
хна		
хусит	повстанец-хусит	движение хуситов
цифра	цифрация цифровать цифровик цифровка цифровой цифровизация цифровизировать	цифровые технологии цифровой формат перейти на цифру
шайтан	шайтан-машина	
шаль	шалевый	
шандал		
шариат	шариатский	законы шариата нормы шариата шариатский суд
шариф		

шафран	шафрановый	
шахид	шахидский шахидка шахид-смертник	пояс шахида
шейх		арабский шейх нефтяной шейх
шиит	шиитский	шиитская верхушка шиитские ополченцы шиитская группировка шиитское меньшинство
шифр	шифратор шифровальщик шифрованный шифровать шифроваться шифровка	
шуба	шубный	
шурпа		
щербет		
эликсир		эликсир молодости
Эль-Джефра		
эмир	эмират эмирский ОАЭ	Объединенные Арабские Эмираты Арабские Эмираты
эстрагон	эстрагонный	
яшма	яшмовый	